

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ

Сборник научных трудов

ISBN 978-5-4217-0058-6

9 785421 700586

Курганский
государственный
университет

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ
ЦЕНТР

43-38-36

Курган 2010

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КУРГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

Сборник научных трудов

КУРГАН 2010

УДК 80
ББК 80 (81)
Ф 54

Филологические и лингвистические аспекты межкультурной коммуникации: Сб. науч. тр. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2010. – 170 с.

Печатается по решению научного совета Курганского государственного университета.

В сборник включены научные статьи преподавателей и сотрудников Курганского государственного университета и других высших учебных заведений РФ. Тематика сборника охватывает филологические и лингвистические проблемы межкультурной коммуникации.

Сборник предназначен для филологов и лингвистов, а также студентов, аспирантов и специалистов в области межкультурной коммуникации.

Ответственный редактор: канд. пед. наук, доцент О.А. Казенас

ISBN 978-5-4217-0058-6

© Курганский государственный
университет, 2010
© Авторы, 2010

Р.П. Бекетова
 кандидат филологических наук, доцент
 кафедра французской филологии
 Курганского государственного университета

К.Н. Домославская
 выпускница 2009 года

ИЗ ИСТОРИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ГЛАГОЛ / VERBE (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)

Лексические единицы *глагол / verbe*, привычные для лингвиста как грамматические термины, функционируют и в других социосферах (поэзии, СМИ) в нетерминологическом значении. Отправным моментом, вызвавшим интерес к исследованию, послужило их появление в текстах Евангелий, изданных на русском и французском языках.

Исследование раскрывает неоднородную картину происхождения и функционирования лексических единиц *глагол / verbe*, объема их значений в динамике, способности к словопроизводству.

Современные словари русского и французского языков первым отмечают грамматическое значение этих лексических единиц, тогда как в словарях латинского языка, этимологических словарях терминологическое значение фиксируется последним. Первым отмечается их общеупотребительное значение, соответствующее значению современных лексических единиц *слово, речь*. Ср.:

«**Verbum** i, n. 1) слово [...] 2) *grammat.* глаголь» [2, с.591].

Verbe, fin XIe s. , mot ou suite des mots prononcés, parole ; du lat. *verbum*, mot, traduction du gr. *logos* » [6, с.2372].

Значения *слово, речь* лексических единиц *глагол/ verbe* сохранились и дошли до наших дней в текстах по теологии, литературных произведениях, пословицах, просторечиях. Так, в христианском учении как *verbe*, так и *глагол* обозначают Слово Божие (*parole de Dieu*), обращенное к людям, и в текстах Евангелий можно встретить синонимичные единицы *глагол/ слово, verbe/ parole*.

Евангелие от Луки (3.2)	
au temps des grands prêtres Anne et Caïphe, la <u>parole de Dieu</u> fut sur Jean, fils de Zachaire, dans le désert.	при первосвященниках Анне и Каиафе, был <u>глагол Божий</u> к Иоанну, сыну Захарии, в пустыне.
Евангелие от Иоанна (1.1 – 1.2)	
Au commencement était <u>le Verbe</u> et <u>le Verbe</u> était auprès de Dieu, et <u>le Verbe</u> était Dieu. Il était, au commencement, auprès de Dieu.	В начале было <u>Слово</u> , И <u>Слово</u> было у Бога, И <u>Слово</u> было Бог. Оно было в начале у Бога.

Первичные значения *слово, речь*, принадлежащие латинским и французским единицам *verbum, verbe*, сохранились и отмечены в словарях, например [6, с.2372]:

- в крылатом выражении латинского языка *Verba volant scripta manent* (ср. с содержанием русских пословиц: *Что написано пером, не вырубишь топором. Слово - не воробей, вылетит – не поймаешь*);
- во фразеологической единице французского языка *avoir le verbe haut* (говорить громко);
- в многочисленных производных латинского и французского происхождения, ср. *verbosité n.f. du bas latin verbositas* (1510) *et verbiage n.m. – dérivation française* (1671). *La verbosité d'une explication* (многословное объяснение). *Le verbiage – abondance de paroles, de mots vides de sens ou qui disent peu de chose* (обилие слов пустых или малозначащих).

Как отмечают этимологические словари русского языка [4, с.104], лексическая единица *глагол* в значении *слово, речь* заимствована из старославянского языка (*golgolъ*). В этом значении её можно обнаружить:

- в названии древнейшего старославянского алфавита *глаголица*, впоследствии переименованного в *кириллицу* по имени автора;
- в литературных произведениях: *Но лишь божественный глагол до слуха чуткого коснется.....*; *Глаголом жги сердца людей* (Пушкин); *Глубокая тишь. Безглагольность покоя...Безглагольно глубокое дно* (Бальмонт)
- в поговорке: *Устами младенца глаголет истина*;
- в разговорном языке: *разглагольствовать, гологолить* (ст.-сл. *golgolъ*).

Следует отметить, что истоки появления общеупотребительных лексических единиц *глагол/ verbe* в значении *слово, речь* лежат в различных языках, ср.: *verbe* ← *verbum* (латинский); *глагол* ← *golgolъ* (старославянский).

В отличие от общеупотребительной лексики появление грамматических терминов *глагол/ verbe*, входящих в терминосистему *части речи*, связано с единым источником – греческим языком и его грамматическим термином *rhéma*. Ср. статьи двух словарей:

«**Verbe** XIIe s., Garnier, gramm. pour traduire le gr. *rhéma* (opposé à *onoma, nom*)» [5, с.787].

«Грамматический термин *глагол* является калькой греч. *rhéma*, как и лат. *verbum*» [3, с.409].

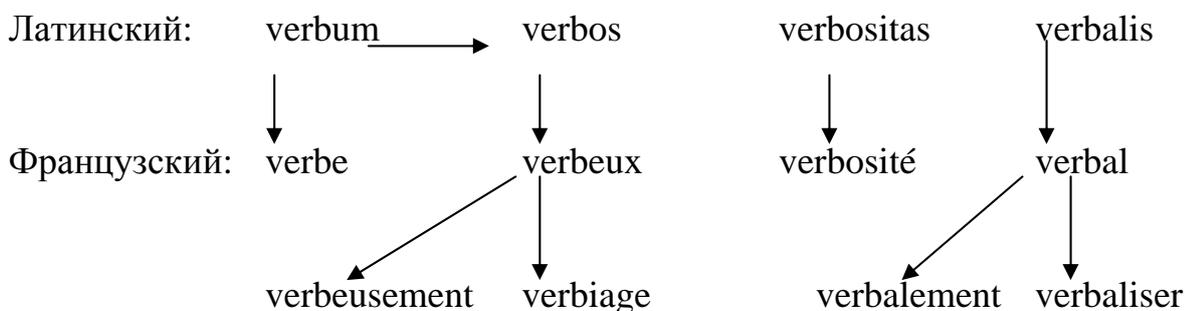
Как в русском, так и во французском языках термины *глагол/ verbe* являются кальками с греческого термина *rhéma* с той лишь разницей, что во французском языке термин *verbe* появляется опосредованно через латинский язык.

В современном русском языке лексическая единица *глагол* функционирует лишь как термин грамматической терминосистемы. В отличие от русского

языка французская лексическая единица *verbe* и ее производные с исконным значением *слово, речь* служат для образования терминов ряда наук:

- психофизиология: *verbo-icônique* (словесно-образный), *verbo-moteur* (речедвигательный);
- психология: *verbigération* (вербигерация), *verbomanie* (вербомания, чрезмерная говорливость), *verbophobie* (вербофобия, боязнь слов);
- юриспруденция: *procès-verbal* (протокол), *verbaliser* (составлять протокол), *verbalisation* (протоколирование), *verbalisateur* (лицо, составившее протокол);
- дипломатия: *note verbale* (дипломатическая нота).

Лексическая единица *verbe* со своим исконным значением *слово, речь* вошла и в состав общеупотребительной лексики французского языка. Это просматривается как в заимствованиях из латинского языка, так и в собственной деривационной парадигме. Ср. заимствования из латыни и словообразования французского языка с корнем *-verbe -*.

В русском языке лексическая единица *глагол* в значении *слово, речь* и её производные – глаголать, глаголатель, глаголемое, глаголание – считаются устаревшими. Однако они появляются в современной поэзии и даже изменяют свое значение. Ср. словарное значение: «глаголатель – тот, кто глаголет» [1, Т.2, с. 352] и иное, метонимическое значение, связанное с артикуляционным аппаратом, в стихотворении Л. Латынина, московского поэта, знатока славянского языка.

Мерзнут губы в холодном июне,
 Еле движутся, смысл обрета,
 Но чуть глубже, как рыбы в лагуне,
 Размыкая глаголатель втуне,
 Ходит – бродит в гортани дитя [www.latynin.ru]

Исследование показало различную динамику развития и функционирования лексических единиц *глагол / verbe*. Во французском языке терминологическая база увеличена за счет сохранения и использования исконного значения лексической единицы *verbe*. В свою очередь увеличение терминосистем дает возможность взаимозаимствований, что приводит к терминологической омонимии, например:

- *verbalisateur* в сфере юриспруденции тот, кто составляет протокол; в сфере грамматической терминологии – деривационный суффикс (*le suffixe verbalisateur*);
- *verbalisation* в деловых сферах - составление протокола; в грамматике - переход из n-части речи в глагол.

Грамматическая терминосистема русского языка пополняется заимствованиями из французской: *глагол, глагольный, отглагольный, вербализация, вербальный*.

Таким образом, лексические единицы с латинским корнем *verb* закрепили сферы своего функционирования не только во французском языке, но и вошли в терминосистемы русского языка. *Verba volant scripta manet*, если язык и культура другого народа не отторгают.

Список литературы

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1978.
2. Латинско-русский словарь. – СПб., 1898.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. - М.: Прогресс, 1964.
4. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка.–М.: Просвещение, 1971.–542с.
5. Nouveau dictionnaire étymologique et historique. – Paris: Larousse, 1971.–806р.
6. Le Nouveau Petit Robert. – Paris: Dictionnaires Le Robert, 1997. – 2552 р.

Р.П. Бекетова

кандидат филологических наук, доцент

кафедра французской филологии

Курганского государственного университета

Е.В. Кокшарова

студентка 423 группы

КОНДИЦИОНАЛ В ГРАММАТИКЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Традиционная грамматика французского языка выделяет четыре наклонения: *indicatif, subjonctif, impératif, conditionnel*; последнее отсутствовало в латинском языке. Латинский язык послужил непосредственным источником становления первых трех наклонений. В латинском языке зародилось, но не вошло в его систему наклонение *conditionnel*, имеющее во французском языке три формы: *présent, passé, passé II*.

Вопросы грамматической категории непосредственно связаны с вопросами ее формы, синтаксической или аналитической, и вопросами содержания. Французский *кондиционал* интересен тем, что его формы и содержание относятся к различным периодам латинского языка и старофранцузского периода.

Содержание эвентуальности (обусловленности, гипотетичности) было свойственно всем четырем формам латинского *конъюнктива (conjunctivus)* наряду с такими его значениями, как волеизъявление, возможность действия в

сознании субъекта. Как отмечают исследователи, в архаичной латыни значение эвентуальности проявляется у всех форм конъюнктива только в составе условного периода. В классической латыни это значение получает свое выражение и в самостоятельном предложении: *Audisses camoedos vel lectorem, vel lyristen* (Ты послушал бы комических актеров, или чтецов, или музыкантов). При переходе от латыни к французскому периоду значение эвентуальности сохраняется лишь за формой *plus-que-parfait*. Именно это значение, реализуемое в условном периоде, послужило основанием для выделения во французском языке наклонения *conditionnel*. В таком случае возникает вопрос о грамматической омонимии или полисемии, поскольку одна и та же форма фигурирует под разными названиями как в парадигме *subjonctif (plus-que-parfait)*, так и в парадигме *conditionnel (passé II)*.

Появление оппозиции простая / сложная форма связано с перестройкой видо-временной системы французского языка, переходом от видовых инфектно-перфектных форм латинского языка к более сложной системе видовременных форм французского языка в противопоставлении двух планов настоящего / прошлого (*époques actuelle/ historique*).

Образование простых форм будущего времени (*futur simple, futur dans le passé*) связано с описательными конструкциями народной латыни (*infinitif + вспомогательный глагол в praesens или imperfectum: ornare + habeo, ornare + habebam*). Модальное значение этих конструкций – долженствование, предположение – сохранилось в формах будущего времени французского языка, ср.: *Elle n'est pas restée. Elle sera malade = Elle est probablement malade* (Она не осталась. Должно быть она заболела). В старофранцузском языке форма будущего в прошедшем (*futur dans le passé*) употреблялась в основном в модальных значениях, что легло в основу её включения, как и в случае с *plus-que-parfait*, в новое французское наклонение *conditionnel*.

Исходя из вышесказанного следует, что в основе становления *conditionnel* лежало содержание возможности, эвентуальности, проявляющееся в определенных условиях функционирования форм других наклонений – индикатива и субжонктива (*futur dans le passé, futur antérieur dans le passé, plus-que-parfait du subjonctif*).

С давних пор грамматическая категория наклонения вызывает дискуссии романистов и по вопросам содержания, и по вопросам форм его выражения. Грамматисты усматривают заимствование как форм, так и грамматических показателей одной категории у другой не только в кондиционале. Так, повелительное наклонение французского глагола использует формы изъявительного наклонения: *viens, venons, venez ; finis, finissons, finissez*. Субжонктив не имеет собственных морфологических показателей – окончаний; к производным основам простых форм (*présent, imparfait*) добавляются окончания форм настоящего или прошедшего (*imparfait*) изъявительного наклонения в зависимости от категории числа спрягаемого глагола. Ср.:

- *subjonctif présent* : que je parte, que nous partions
- *subjonctif imparfait* : que je partisse, que nous partissions

Эти явления приводят исследователей к постановке вопросов о том, существует ли наклонение как грамматическая категория глагола, сколько и какие наклонения имеются в современном французском языке; поднимаются вопросы омонимии и полисемии грамматических форм, их рекатегоризации. Так, одни лингвисты на основании того, что формы будущего времени индикатива и формы кондиционала имеют единую производящую основу, а именно инфинитив, включают все эти формы в изъявительное наклонение, отмечая два значения предположения: временное и модальное; количество наклонений сокращается до трех: *indicatif, subjonctif, impératif*. Другие лингвисты объединяют формы на *-r* в отдельное наклонение с новым названием *suppositif*, количество наклонений остается прежним: *indicatif, subjonctif, impératif, suppositif*.

Таким образом, в старофранцузский период ментальный подход привел к рождению нового наклонения *conditionnel*. В XX веке формальный подход приводит к постановке вопроса о рекатегоризации модальных грамматических форм французского глагола. Однако при любом подходе к решению вопроса о наклонениях остается проблема соотношения парадигматических и синтагматических значений глагольных форм.

О.П. Беличева
старший преподаватель
кафедра французской филологии
Курганского государственного университета

НЕНОРМАТИВНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ-ЗООНИМЫ ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Роль животных в жизни человека всегда была исключительно велика. Особенно ярко это проявилось на ранней стадии развития человечества, когда люди и звери сосуществовали в естественном соседстве: животные включались в социальную иерархию, в человеческом обществе жили идеи о происхождении людей от животных.

Параллелизм мира животных и мира людей является фактором, определяющим существование, с одной стороны, басен, анималистического эпоса, сказок, а с другой - функционирование названия животных в ненормированном словаре человека.

В басне всегда присутствует аллегория: в любой языковой картине мира животные часто берут на себя роль носителей тех или иных человеческих качеств или сословной принадлежности. Например, в «Романе о Лисе», являющемся образцом анималистического эпоса, Лис - хитрый, Волк Изенгрим - злой и грубый, Медведь Брен – тупой и недалекий.

Ряженье людей в звериное обличие или перенесение на животных человеческих чувств и нравов забавляло и забавляет как комический маскарад, моментами переходящий в веселую пародию на человеческое общество в целом... При этом открывается возможность дать обнаженное и сниженное изображение человеческой жизни [3, с.121].

Причиной возникновения зоонимов в языке является ассоциативная связь, устанавливаемая языковым коллективом, между представлениями о животных и представлениями о типах человеческих личностей и моделях поведения. В основе этой связи лежит потребность выражения оценки [2, с.79]. Однако те знания о мире, которые лежат в основе зоонимов, мало соотносятся с научными данными о реальном поведении животных.

Зоонимы любого языка широко употребляются для обозначения в положительном или отрицательном аспектах моральных, физических, интеллектуальных, социальных и прочих особенностей человека [1, с.119].

В качестве зоонимов французский и русский языки используют:

- одни и те же названия животных, хотя значения могут не совпадать: *chèvre* / коза, козел; *cheval* / лошадь; *cochon* / свинья;

- названия животных, отражающие своеобразие языковой картины мира носителей французского или русского языков:

girafe f – высокий худой человек медуза – человек, уклоняющийся от
porc-épic m (дикообраз) – раздражительный, неприятный человек уплаты алиментов

В ходе проводимого исследования было выявлено, что ненормативные словари французского и русского языков включают практически одинаковое количество зоонимов (104 и 103 соответственно). В обоих языках чаще всего это имена существительные, употребленные самостоятельно, но встречаются и устойчивые сочетания. Если в русском языке доминирует структура прилагательное+существительное (белая крыса, белый медведь и др.), то французский язык отличается большим разнообразием, в частности встречаются такие структуры, как:

глагол+существительное: *lever un lièvre, poser un lapin*;

притяжательное прилагательное+существительное: *mon canard, mon loup*;

существительное+существительное: *mère cigogne*.

Даже такая группа, как прилагательное+существительное, существующая в русском языке, оказывается более многочисленной во французском.

Семантический анализ показывает, что во французском языке, также как и в русском, ненормативные лексические единицы-зоонимы можно разделить на 3 группы:

I. Животное – человек.

II. Животное – предмет.

III. Животное – психологический мир.

Группа «Животное – человек» является более многочисленной и позволяет провести внутреннюю классификацию по объекту описания:

1. Внешность.

<i>cheval m</i> – нескладная крупная женщина	лошадь – нескладная крупная женщина
<i>vache f</i> – толстая женщина	корова – толстая женщина
<i>héron m</i> – худой и длинный человек	хорек – грязный, нечистоплотный человек
<i>chèvre f coiffée</i> – некрасивая девушка, уродина	кабан – толстый, грузный мужчина

2. Характер и стиль поведения.

<i>pigeon m</i> – глупец	волк – опасный человек
<i>ours m</i> – недюдим	гадюка – подлый человек
<i>tigre m</i> – жестокий, кровожадный человек	жук – хитрый, ненадежный человек
<i>jeune loup m</i> – молодой честолюбец	лось – глупец

3. Профессиональная деятельность.

<i>bois m</i> – букмекер	кукушка – постовой милиционер
<i>mouton m</i> – полицейский агент	сова – сторож
<i>le grand singe</i> – президент Республики	свинья – народный судья

4. Отношения между мужчиной и женщиной

<i>castor m</i> – содержанка	кобра – девушка легкого поведения
<i>souris f</i> – любовница	кот – альфонс
<i>chaud lapin m</i> – бабник	

В семантическом плане ненормативные лексические единицы-зоонимы чаще выражают негативное отношение к человеку и человеческой деятельности, нежели чем положительное. В некоторых случаях зоонимы выражают чисто внешнее сходство человека с тем или иным животным: *avoir mangé du singe en pourrice* – быть уродливым.

Группа «Животное – предмет» может быть проиллюстрирована следующими примерами:

<i>singe m</i> – мясные консервы	баран – дубленка, тулуп
<i>chateau m</i> – гинекологическое кресло	белки – деньги
<i>boeuf m</i> – деньги, заработок	воробей – бумажник
<i>rossignol m</i> – отмычка	голубь – письмо, конверт

Самой немногочисленной является группа «Животное – психологический мир», причем она не представлена в русском языке:

<i>succès boeuf</i> – огромный, бешеный успех
<i>caille f</i> – неприятность

Вместе с тем, в русском языке слово «глухарь» используется для обозначения события в значении «*нераскрытое преступление*». Французский язык подобного употребления зоонимов нам не дал.

Помимо этого семантический анализ употребления ненормированных лексических единиц-зоонимов французского языка позволяет выделить дополнительно группы «Животное – процесс» (*poser un lapin – подвести, не прийти на свидание; dévider le jars – говорить на арго*) и «Животное – состояние» (*avalier un rat – иметь кислый вид*). Вероятно подобную классификацию можно провести и относительно русского языка, однако в исследуемых словарях нами не было обнаружено примеров.

Таким образом, сопоставительный анализ ненормативных лексических единиц-зоонимов на материале французского и русского языков способствует выявлению этнических особенностей менталитета двух народов.

Список литературы

1. Голодов А.Г. Лингвистика и межкультурная коммуникация // Вестник ВГУ. – 2005. - №2. – С. 116 – 121.
2. Гукетлова Ф.Н. Языковая и культурная специфика зооморфизмов // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2008. - № 2. – С. 77 – 83.
3. История западноевропейской литературы. Средние века и Возрождение / М.П.Алексеев, В.М.Жирмунский и др. – М.: Высш.шк., Издательский центр «Академия», 2000.

Л.Н. Белобородова

старший преподаватель

кафедра иностранных языков технических специальностей

Курганского государственного университета

ФАКТОРЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ УСЛОВИЯ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ АУДИТИВНОГО СООБЩЕНИЯ

Одним из наиболее существенных факторов, который необходимо принимать во внимание в процессе обучения аудированию, является темп предъявления сообщения. Речь, произносимая в различном темпе, по-разному воспринимается слушающими. Быстрый и медленный темп избирательно влияет на разные фазы аудирования: при медленном темпе усложняется обобщение впечатления в законченный образ речи, быстрый темп мешает аналитическому рассмотрению речевого потока. Это особенно заметно при аудировании на иностранном языке. Речь иностранца всегда кажется нам очень быстрой. Но то же самое говорят о русском языке люди, для которых этот язык не является родным. Установлено, что быстрая иноязычная речь по сравнению с быстрой родной речью воспринималась в 8,5-9 раз труднее. Необходимо установить достаточно обоснованные количественные требования к темпу речи диктора на разных ступенях обучения. Часть методистов считает, что темп предъявления аудитивных сообщений на начальном этапе должен быть несколько замедленным, другие настаивают на необходимости с первых же шагов обучения аудирова-

нию использовать речь в нормальном темпе. Большинство исследователей сходятся в том, что сам процесс проговаривания с самого начала должен происходить в естественном темпе, т.е. должны сохраняться нормальная группировка слов, элизии, соединения слов, ассимиляция согласных, ритм и интонация - ничего не должно быть подчеркнуто, утрировано. Однако на начальном этапе обучения аудированию общий темп предъявляемой речи должен приближаться к темпу речи обучающихся, т.е. быть замедленным. Это достигается за счет некоторого удлинения пауз между сегментами; во время пауз можно мысленно восстановить услышанное, что помогает работе оперативной памяти.

Необходимость в увеличении пауз может возникнуть и на более продвинутом этапе - при восприятии более сложного материала. Так, при объеме сегментов от 8 до 10 слов можно успеть во время паузы мысленно повторить эти слова, соотнося их с предшествующим материалом и антиципируя в определенных пределах то, что должно следовать за ними. Такие паузы характерны и для естественной речи, где они возникают за счет хезитаций, растягивания слов, употребления слов и выражений, ничего не добавляющих к смыслу сказанного, и пр. В целом же на продвинутом этапе задача состоит в том, чтобы помочь учащимся адаптироваться к темпу речи диктора.

Наряду с темпом речи для слухового восприятия важны и такие индивидуальные особенности говорящего, как манера произношения, тембр голоса, дикция, высота голоса. Их влияние может быть и положительным, и отрицательным. Четкая, энергичная артикуляция облегчает восприятие; легче воспринимаются низкие голоса мягкого тембра. Очень важны привычность голоса, манера говорить. Лучше всего воспринимается речь преподавателя, которая является образцом для формирования в памяти учащихся акустико - артикуляционных образов. И наоборот, чем больше отличаются поступающие звуковые сигналы от этих образцов, тем труднее восприятие. Для преодоления трудностей, связанных с восприятием новых голосов и с индивидуальными особенностями речи дикторов, предлагается следующая последовательность - начать с восприятия речи преподавателя, перейти к слушанию незнакомых мужских голосов, затем женских и детских.

Особенности каналов связи, наличие или отсутствие зрительной опоры также оказывают существенное влияние на аудирование. В процессе аудирования сообщение может или поступать от собеседника в процессе непосредственного общения, или предъявляться с помощью технических средств - фонозаписи, по телефону. В последнем случае информация поступает только через слуховой канал, зрительная опора отсутствует. Это существенно затрудняет восприятие речи. Известно, как облегчает процесс аудирования возможность видеть собеседника, наблюдать его артикуляцию, мимику, жест. Такую возможность предоставляют другие технические средства - телевидение, кино. Проведены специальные исследования, подтверждающие значительно большую эффективность восприятия одного и того же материала по телевизору и в звукозаписи. Использование в процессе аудирования серии картинок, иллюстри-

рующих сообщение, заметно облегчает процесс восприятия. С помощью аудиовизуальных средств вербальная информация дополняется образной, зритель видит то, о чем говорится в воспринимаемом на слух тексте. Поэтому при построении системы аудитивных упражнений большое значение придается использованию аудиовизуальных и иллюстративных средств наглядности. Использование этих средств обучения позволяет приблизить учебный процесс к естественным условиям восприятия иноязычной речи, дает опору для понимания, позволяет точнее градуировать трудности, связанные с условиями восприятия. Получить различные темпоральные характеристики текстов гораздо легче с помощью фонозаписи. Они помогают познакомить обучающихся с разными голосами. Фонограмма знакомит с речью носителей языка.

Список литературы

1. Шерковин А.А. Проблемы восприятия и речевого воздействия // Материалы III Всесоюзного симпозиума по психолингвистике. – М., 1970.
2. Сатинова В.Д. Проблемы обучения аудированию монологической речи на творческом этапе: Дис. ... канд. пед. наук. – Минск, 1971.
3. Симеонова И. Предпосылки создания коммуникативной обстановки на уроке иностранного языка // Некоторые проблемы интенсификации процесса обучения иностранным языкам в средней школе / Под ред. А.А. Миролубова. – М., 1977.

Р.А. Бутенко

кандидат педагогических наук, доцент

кафедра французской филологии

Курганского государственного университета

СЦЕНИЧЕСКИЕ ПОДМОСТКИ ДЛЯ ИНОЯЗЫЧНОГО ТРЕНИНГА И РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ УМЕНИЙ. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ИГРОВАЯ ПРАКТИКА

Современные ценности и цели образования, определяемые новым социальным заказом общества и направленные на соответствие уровню образования мировых стандартов, обязывают педагогов всех уровней образовательной сферы искать новые подходы и технологии для качественного выполнения поставленных задач.

Публикации последнего десятилетия свидетельствуют как об активных разработках новых технологий, так и об обращении к опыту прошлых лет, иногда весьма отдаленных. Известно, что еще в эпоху Возрождения в качестве метода передачи знаний использовалась театральная игра. Некоторые отечественные педагоги первой половины XX века считали полезным разработать специальную методику театрализации преподавания ряда школьных предметов. Таким образом, многие нестандартные технологии обучения, которые осваиваются в отечественной современной школе, в мировом педагогическом пространстве давно не считаются инновационными. Например, уже не первое десятилетие функционирует Международная ассоциация «Драма / театр / в образовании», участниками семинаров и конгрессов которой разработаны принципы исполь-

зования театрального искусства в образовательном процессе в школе. Возникают объединения педагогов – энтузиастов, которые не только занимаются разработкой практических методик, но и исследуют закономерности использования элементов сценического искусства в образовании. На уровне школьного образования обобщается опыт проектных программ театральных технологий, в апробацию которых, как правило, вовлекаются школьные коллективы [7].

Итак, если внедрение игровых методик в образовательный процесс в школе показывает обнадеживающие результаты в обучении и развитии учащихся, то есть вероятность, что на уровне вузовского образования элементы театрализации также будут способствовать формированию необходимых профессиональных качеств будущих специалистов гуманитарного профиля, в частности педагогического.

Недавно появились публикации о разработках театральных технологий в педагогике высшей школы [3], но все проекты направлены в основном на решение общих дидактических задач. Что касается использования театральных технологий в системе подготовки студентов специальными лингвистическими кафедрами, то публикаций о подобном опыте чрезвычайно мало. В основном речь идет о студенческих иноязычных театрах как форме досуга, но не как о составляющем звене учебного процесса.

На кафедре французской филологии КГУ использование театральных технологий в обучении студентов имеет многолетний опыт, что объясняется исторической взаимосвязью двух культур – русской и французской, особенно в сфере сценических искусств. Весь театральный лексикон русского языка – от творческого до предметно-функционального – представляет заимствования из французского театра: театр, фойе, гардероб, партер, бельэтаж, балкон, афиша, билет, сцена, роль и т.д.

Осмысление интуитивного опыта языкового тренинга на основе драматургического текста на практических занятиях, особенно в аспектах фонетики и речевой практики, позволило также использовать эпизодические «ролевые иллюстрации» на семинарских занятиях по истории французской литературы. Нарботанная практика со временем дала возможность определиться с такой формой технологии обучения, как студенческий учебный театр на французском языке, которая в связи со своей полифункциональностью стала весьма эффективным звеном в общей системе подготовки студентов на кафедре по специальности «Филолог. Преподаватель».

Полифункциональность участия в учебном театре проявляется в удачной комбинации возможностей формирования профессиональных компетенций, которыми должен владеть филолог с преподавательской специализацией. Основными компетенциями для преподавателя данного профиля являются лингвистическая, психолого-педагогическая, методическая и социокультурная.

Так как существует много интерпретаций понятия «компетенция», то традиционно за основу берется определение, данное в Энциклопедическом сло-

варе (1963): «Круг вопросов, в которых кто-либо обладает знаниями, опытом» [6, с. 453].

Для нашей проблемы также представляют интерес некоторые составляющие характеристики определения, сформулированного академиком А.С.Белкиным [1]. С его точки зрения, под компетенцией следует понимать витагенную информацию (жизненный опыт), отложенную в долговременной памяти и постоянно готовую к ее проявлению в соответствующих ситуациях. В данной трактовке для нас важно выделение функции долговременной памяти, заключающейся в длительном хранении информации и в постоянной готовности субъекта к её актуализации.

Если адаптировать вышеназванную трактовку к задачам подготовки преподавателя иностранного языка, то совокупность перечисленных свойств вполне приемлема для определения его профессиональной компетенции: знать языковой материал на уровне автоматизации так, чтобы в необходимых ситуациях общения быть постоянно готовым к извлечению его из долговременной памяти; уметь применять обучающие технологии, способствующие сохранению языкового материала в памяти учащихся и формирующие умение пользоваться этим материалом адекватно ситуации общения с учетом социокультурных особенностей носителей языка. Таким образом, доминантой преподавательской деятельности является умение научить.

Несколько слов о содержании вышеперечисленных компетенций.

Лингвистическая компетенция. Сценическая речь представляет озвучивание фиксированного текста, процесс запоминания которого способствует автоматизации речевых навыков в параметрах нормативной фонетики как фонемного, так и просодического уровней, сопровождаемых паралингвистическими средствами, что обеспечивает выразительность речи. Интенсивному тренингу подвергается следующий лингвистический материал звуковой речи:

- нормативное владение фонематикой с четкой артикуляцией закрытых гласных переднего ряда, носовых гласных, полугласных-полусогласных, конечных согласных;
- ударение ритмическое, синтагматическое, фразовое;
- ударения выделительные – логическое и эмфатическое (экспрессивное);
- мелодический компонент интонации с двумя фонетическими членами;
- мелодика вопроса интонационного (с прямым порядком слов) и альтернативного;
- адекватное ситуации общения использование люфт-пауз;
- соблюдение специфических явлений французской речи: связывание и сцепление.

А также идет интенсивное развитие чувства ритма и нормального темпа французской речи, умения адекватно дополнять лингвистические средства паралингвистическими.

Психолого-педагогическая компетенция. Ответ на извечный вопрос дидактики «Преподавание – это наука или искусство?» возможно отыщется в разработках технологий социоигрового стиля обучения – социоигровой педагогики [3]. Как отмечают авторы технологий, профессия учителя/преподавателя имеет много общего с профессиями актера и режиссера: публичность, воздействие на ум и чувства зрителей/учащихся, разработка сценария/конспекта урока в соответствии с закономерностями восприятия и понимания содержания материала.

В основе театральной постановки всегда лежит взаимодействие персонажа с окружением. Изучение этих взаимоотношений позволяет вырабатывать определенную гибкость поведения в партнерских отношениях модели «обучающий – обучаемый», т.е. умение войти в ситуацию партнера (согласно народному выражению - «побывать в чужой шкуре»), что логично сочетается с принципами практикуемого ныне личностно - ориентированного подхода в обучении иностранным языкам.

Разучивание роли с установкой работы «на публику» развивает умения ораторского мастерства: выбор соответствующей тональности речи (с учетом акустики зала), способность умений «держаться» перед аудиторией, владеть ее вниманием, адекватно соотносить смысл высказывания с использованием паралингвистических приемов (жестикуляция, мимика, паузы и т.п.).

«Вхождение в роль» позволяет преподавателю как участнику спектакля/занятия расширить диапазон собственных эмоций и контролировать их адекватность ситуации общения.

Таким образом, как показывает опыт, участие студентов в учебном театре способствует развитию ряда квалификационных умений: учит воздействию на чувства, активизирует мышление, ассоциативное запоминание, слуховую и зрительную память, иначе говоря, формирует психолого-педагогическую компетенцию будущего специалиста.

Методическая и социокультурная компетенции. Знания и умения как образовательные категории необходимы, но недостаточны для обеспечения уровня преподавания, соответствующего требованиям социального заказа современного общества. Наряду с поиском новых технологий идет переосмысление известных, и часто сочетания элементов устоявшегося и проектного дают ощутимо положительный результат.

В вузовском гуманитарном образовании, особенно связанном с преподавательской деятельностью, обучающие технологии, в том числе и театрализация, могут обогатиться идеями новых научных направлений – артпедагогики, герменевтики, витагенного образования и др. [4].

Например, артпедагогика – получение нового опыта через осознание своих внутренних ресурсов - способна помочь формированию умений творческого уровня:

- импровизационных (крайне необходимых в непредвиденных ситуациях на занятиях);
- взаимодействию вербальных и невербальных способов общения (при ознакомлении с техникой сценического движения);
- компенсаторных / паралингвистических умений и пр.

Специфика витагенного образования – образование взрослых в новых социальных условиях – показывает пути активизации интеллектуально – психологического потенциала личности через востребованность ее жизненного опыта в образовательных целях.

И, наконец, идеи герменевтики – науки об искусстве понимания текстов, в том числе и литературно-художественных - подходят для развития социокультурной компетенции филолога, историка: умение интерпретировать (декодировать) текст с учетом знаний исторической эпохи, литературного направления и авторского замысла. В нашем случае – искать «ключ» к роли с помощью познания названных социокультурных факторов.

Есть выражение «учитель от Бога», но данное природой призвание, талант – явление штучное. Талантов на всё образовательное пространство не хватит никогда. Выход можно найти в обновлении системы подготовки преподавателя/ учителя, которое включало бы технологии, направленные на раскрытие личностных качеств студента, его творческого мышления и креативных возможностей. Один из способов - учить адаптации, «приспособляемости» к специфике сферы деятельности (уточним: имеются ввиду такие сферы, где публичность – одна из составляющих компонентов деятельности). Здесь уместно вспомнить известные строки Шекспира:

Весь мир театр. В нем женщины, мужчины – все актеры.
У них свои есть выходы, уходы,
И каждый не одну играет роль [5].

Иначе говоря, в методическом плане будущего преподавателя полезно учить «вживаться в роль», т.е. лицедействовать. К.С. Станиславский называл такой способ обучения актера пребыванием «в предлагаемых обстоятельствах». В практике преподавания обстоятельства–ситуации меняются часто и непредсказуемо. Они могут возникать в связи с отсутствием контакта с аудиторией/классом, с возникновением затруднений в восприятии содержания учебного материала, наконец, в связи с нервозностью атмосферы по каким-либо причинам извне и т.п.

А преподаватель нередко вынужден скрывать собственное физическое или эмоциональное состояние, свойства характера и пр. Другими словами, нужно уметь предстать перед аудиторией/классом таким, чтобы быть благоже-

лательно воспринятым. Следовательно, очень полезно обучать студентов взаимодействию с коллективом учащихся в предлагаемых обстоятельствах, которые часто становятся навязанными правилами игры.

Итак, все вышеназванные теоретические предпосылки убеждают в принципиальной возможности уместного использования элементов театральных технологий как методического приема в подготовке специалистов профиля «Филолог. Преподаватель» с учетом специфики учебных дисциплин и содержания программного материала, так как:

- во-первых, интенсивный тренинг повышает лингвистическую компетенцию студентов, а изучение литературной основы драматургического произведения, замысла автора и затрагиваемых им проблем развивает социокультурную компетенцию;
- во-вторых, с помощью театрализации успешно развиваются профессиональные качества будущих специалистов, т.е. их методическая и психолого-педагогическую компетенции;
- в-третьих, повышается мотивация студентов к качественному владению иностранным языком в силу его востребованности и публичной демонстрации своих возможностей.

Принципы функционирования франкоязычного учебного театра кафедры французской филологии

Основными положениями функционирования учебного театра как одной из форм методической и языковой подготовки студентов являются:

Психологическая основа – ассоциативно–рефлекторная; опора на все виды памяти; ассоциативное запоминание на базе ярких впечатлений.

Методическая основа – коммуникативная, с опорой на аудиовизуальный синтез восприятия.

Уровень тренинга – репродуктивный, на основе фиксированных текстов французской драматургии.

Лингвистическая основа – фонематический и просодический уровни речи; лексика; грамматика; устная речь (монолог, диалог).

Паралингвистические ресурсы – мимика, жесты, сценическое движение в рамках основ театральной техники.

Социокультурный фон – знание эпохи, литературного направления, авторского замысла; история костюма; бытовые реалии; музыка эпохи.

Период использования технологии – IV – VII семестры.

Формы работы и аспекты – аудиторные и внеаудиторные занятия; практическая фонетика; практика устной речи; история французской литературы.

Конечный результат – спектакль по мотивам французской классической драматургии и художественной литературы; эпизоды; миниатюры.

Языковой тренинг и игровая практика

Работа проводится поэтапно с конкретными задачами для каждого этапа.

Начальный этап (IV семестр). Аудиторно. Семинарские и практические занятия по истории французской литературы: ознакомление с эпохой, творчеством автора. Выбор эпизодов для чтения. Практическая фонетика: техника чтения, фонематическая и ритмико-интонационная отработка текстов. Тренировочный уровень. В работе над техникой чтения участвуют все, без «распределения ролей». Результат: театрализация эпизодов будущего спектакля, «ролевые иллюстрации» художественных произведений по программе курса истории французской литературы.

Промежуточный этап (V–VI семестры). Аудиторно: совершенствование произношения, экспрессии и тональности речи, ритма, темпа, мелодики, паузации, логического и выделительного ударений. Отработка паралингвистических средств. Внеаудиторно: сценическое движение в работе над мизансценами, изучение костюма, музыкальных и танцевальных вставок в стиле эпохи. Результат: ролевые иллюстрации фрагментов художественных произведений из курса литературы, небольшие постановки для школьной аудитории.

Завершающий этап (VII семестр). Внеаудиторно. Игровой тренинг на театральной сцене. Репетиции и соединение мизансцен в единое действие. Отработка реализации всех средств театральной технологии. Конечный результат: спектакли (45-60 минут) для всех категорий зрителей, интересующихся игровой практикой на французском языке, по произведениям французской классической драматургии (Мольер, Бомарше, Ростан) и художественной литературы (Сент-Экзюпери, Перро и др.).

Итог: использование театральной технологии в подготовке будущих преподавателей иностранного языка позволяет студентам принимать участие в конкурсах и фестивалях франкоязычных театров и получать достаточно высокую оценку компетентного жюри - носителей языка и профессиональных режиссеров - с присуждением достойных дипломов.

Список литературы

1. Белкин А.С., Жукова И.К. Витагенное образование. Многомерно-голографический подход: Технологии 21 века. – Екатеринбург, 2001.
2. Выготский Л.С. Воображение и творчество. – СПб: Союз, 1997.
3. Савчук Н.Ю. Системно-ролевая теория деятельности в профессиональной подготовка педагога: Сб. научн. статей.– Чебоксары: ЧГПУ, 2006.
4. Селевко Г.К. Энциклопедия образовательных технологий: В 2 т. - М.: НИИ школьных технологий, 2006. – Т.1.
5. Шекспир В. Избранные произведения. - М.: Гослитиздат, 1953.

6. Энциклопедический словарь / Гл. ред. Б.А. Введенский. – М.: Сов. энциклопедия, 1963.
7. www.biblioteka.teatr-obraz.ru

Т.Е. Гайшина
старший преподаватель
кафедра иностранных языков технических специальностей
Курганского государственного университета

РОЛЬ АУТЕНТИЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В условиях достаточной территориальной отдаленности нашего государства от стран, языки которых изучаются в образовательных учреждениях России, наиболее целесообразным представляется осуществлять обучение культуре страны изучаемого языка в процессе чтения аутентичных художественных текстов.

Изучение зарубежной литературы в процессе обучения иностранному языку дает возможность студентам по-иному взглянуть на проблемы своих сверстников, познакомиться с особенностями культуры, понять специфику менталитета народа, сравнить стиль жизни, нравы и обычаи собственной страны и страны изучаемого языка.

Обладая достаточным уровнем владения иностранным языком, студенты старших курсов способны оценить достоинства литературных произведений на иностранном языке, найти ответ на волнующие их вопросы бытия, опосредованно реализовав свою потребность в общении.

Лингвострановедческое чтение – труд и искусство. Цель чтения – освоение национальной культуры народа, страны изучаемого языка. Эта цель может быть достигнута на основе оригинальных (аутентичных) текстов лингвострановедческого характера. Речь идет, прежде всего, о прагматических текстах (объявлениях, рекламе, вывесках, меню и т.д., отражающих быт и социокультурные реалии страны изучаемого языка), об отдельных образцах классической литературы, об эпистолярных текстах (личные и деловые письма и открытки), о статьях из молодежных газет и журналов, интервью, репортажах и т.д.

Применительно к отбору текстов понятие «аутентичность» не имеет однозначного толкования. Одни исследователи полагают, что это оригинальный текст, не допускающий никакой дидактизации, другие считают, что последняя в небольшой степени возможна – сокращение текста, небольшая адаптация, если это не нарушает его подлинности и достоверности.

Тексты должны выполнять две важные функции: познавательную (насыщение текстов информацией о стране изучаемого языка) и воспитательную (направленность на выработку позитивной установки к стране изучаемого языка).

Содержательная ценность текста определяется его страноведческим наполнением. Чем больше текст содержит страноведческих сведений, чем существеннее они для культуры изучаемого языка, чем легче они воспринимаются и запоминаются, тем выше содержательная ценность текста.

Страноведческая ценность текста определяется степенью его современности. Лишь тот текст пригоден к использованию, который отражает актуальную культуру страны изучаемого языка. Требования ориентации на современную культуру не стоит смешивать с погоней за сиюминутной, преходящей информацией. В содержание текстов следует включать исторические сведения, которые сегодня известны всем носителям языка и помогают лучше понять и усвоить черты современного образа жизни страны изучаемого языка. Тексты должны быть достоверными, отражать типичные и прогрессивные черты образа жизни носителей языка.

Основное назначение текстов в том, чтобы работа с ними дала возможность студенту расширить уже имеющиеся у него знания в той или иной области. Чтение, ориентированное на страну изучаемого языка, способствует созданию условий не только для активизации познавательной деятельности, но и для воспитания такого качества, как чувство уважения к чужой культуре. Читая, студенты не только приобщаются к новому для них миру, но и начинают ориентироваться в нем, учатся определять общечеловеческие ценности и получают, наконец, моральное удовлетворение от самого процесса чтения.

Особое внимание заслуживает чтение художественных текстов на изучаемом языке, так как, по мнению психологов, студенты склонны в большей степени разбирать и оценивать поступки литературных героев, чем свои собственные. В художественном тексте часто встречаются диалоги, где используются различные формы речевого этикета, формулы вежливости. Все это расширяет лингвистические и страноведческие знания студентов, позволяет им лучше понять специфику и своеобразие другого языка и культуры.

Подводя итоги, отмечаем, что чтение оригинальных художественных текстов способствует повышению коммуникативно-познавательной мотивации, формирует лингвострановедческую компетентность, обеспечивает возможность одновременного обращения к языку и культуре.

Список литературы

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура.- М.: Русский язык, 1998.
2. Клычникова З.И. Психологические особенности обучения чтению на иностранном языке: Пособие для учителя.- М.: Просвещение, 1993.

О.Н. Горева
старший преподаватель
кафедра французской филологии
Курганского государственного университета

ФРАЗООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ КОМПОНЕНТОВ – ТЕРМИНОВ РОДСТВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В современных исследованиях в области фразеологии различных языков значительное место занимают исследования антропоцентрической направленности, которые позволяют выявить особенности связи человека и национальной культуры, нашедшие свое отражение в языке.

Объектом нашего исследования являются ФЕ с парентальным компонентом, так как в любом языке можно выделить слой лексики, который составляют слова, называющие человека по родственным отношениям. Узы родства, семья всегда были и являются для человека одной из самых важнейших составляющих его жизни.

В современном русском языке нами обнаружено 177 ФЕ с парентальным компонентом. Всего было выявлено 13 лексем, участвующих в образовании фразеологизмов: мать, отец, сын, дочь, муж, жена, бабушка, дед, батюшка, сестра, брат, дядя, кум. По степени их фразеобразовательной активности, т.е. способности образовывать фразеологизм, можно выделить три группы лексем: лексем с высокой фразеобразовательной активностью, лексем со средней фразеобразовательной активностью, лексем с низкой фразеобразовательной активностью.

Самые активные компоненты входят в состав 10 – 36 ФЕ и составляют первую группу. К этой группе относятся такие лексем, как мать (36 ФЕ), брат (31 ФЕ), сын (29 ФЕ), сестра (19 ФЕ), отец (16 ФЕ), дочь (10 ФЕ).

Рассмотрим различные внутриязыковые и внешняязыковые факторы, лежащие в основе максимальной фразеобразовательной активности данных лексем.

Лексема «мать» является словом общеславянского происхождения индоевропейского характера и, вероятно, является суффиксальным производным от детского лепетного «мама». Первоначальное «*mati*» изменилось на почве русского языка в «мать» в результате утраты конечного безударного «и» (древнерусское «*мати*» с XI века). По данным частотного словаря русского языка, лексема «мать» является одной из самых активных в лексике: частота употребления – 564, особенно в текстах художественной прозы.

Лексема «мать» характеризуется высокой полисемичностью:

- 1) женщина по отношению к рожденным ею детям;
- 2) о том, что является родным, близким, дорогим, представляет собой какую-то духовную ценность;

- 3) самка по отношению к своим детенышам;
- 4) о том, от которого или в котором зарождается, образуется что-то новое или подобное ему;
- 5) (обычно в обращении) (фам.) о женщине, жене;
- 6) о жене священника или монахине (обычно присоединяется к имени или званию);
- 7) (простор.) обращение к пожилой женщине;
- 8) женская утроба;
- 9) маточина, балка;
- 10) горная, жильная порода и т.д.

Анализ выявленных ФЕ с компонентом «мать» показывает, что наибольшую группу среди них составляют ФЕ, относящиеся к классу модальных ФЕ, выражающих отношение говорящего к действительности.

Лексема «сын» также является общеславянским словом индоевропейского характера. Образовано с помощью суффиксального способа словообразования от той же основы, что и древнеевропейское «*suuate*» - «рождает». Первоначальное значение: «рожденный», «плод». В древнерусском языке с XI века. Обладает высокой частотой употребления – 332.

Лексема «сын» имеет следующие значения:

- 1) лицо мужского пола по отношению к своим родителям;
- 2) (только мн.) молодое поколение, ближайшие потомки;
- 3) (обычно в обращении) лицо мужского пола по отношению к лицу духовного звания;
- 4) (чего) мужчина как носитель характерных черт своего народа, своего времени, своей среды и т.д.

Именно актуализация последнего значения дает наибольшее количество ФЕ с компонентом «сын».

Лексема «брат», как и две предыдущие лексемы, является словом общеславянского происхождения. Древнее «братръ» (с суффиксом – рь) изменилось в «брат» в результате диссимилятивного отпадения второго, конечного «р». Относится к лексемам с высокой частотой употребления – 304. Лексема «брат» является достаточно многозначной:

- 1) каждый из сыновей в отношении к другим детям этих же родителей;
- 2) (обычно мн.) люди, связанные общим делом, дружбой, условиями существования;
- 3) фамильярное или дружеское обращение к лицу мужского пола;
- 4) (обычно с именем собственным) член религиозного братства;

5) (только в ед.) (разг.) каждый член какого-либо коллектива, участник чего-либо;

6) об иных существах по отношению к человеку;

7) (чего) о предмете, явлении по отношению к подобному ему предмету, явлению.

Несколько ниже фразообразовательная активность таких лексем, как «сестра», «отец», «дочь».

Лексема «сестра» общеславянского происхождения, образована с помощью вставного «т» от «sesra». Последнее представляет собой сложение индоевропейских * se (свой, собственный) и * sr (женщина), «сестра» - буквально «своя женщина» (т.е. своей же семьи). Можно выделить следующие значения лексемы «сестра»:

1) каждая из дочерей в отношении к другим детям этих же родителей;

2) женщина, объединенная с кем-либо общими интересами, положением, условиями;

3) лицо среднего медицинского персонала в лечебных и лечебно-профилактических учреждениях;

4) (обычно с именем собственным) член женского религиозного братства, монашка; в обращении верующих друг к другу или к другим людям.

Лексема «отец» общеславянского происхождения, образована с помощью суффикса –ьць- от *otъ («отец»). Является самой активной в лексике среди терминов родства (частота употребления – 605), а также характеризуется полисемичностью:

1) мужчина по отношению к своим детям;

2) самец по отношению к своему потомству;

3) (только мн.) о предшествующем поколении, о предках;

4) о том, кто заботится о ком-либо, находящемся в его подчинении, в зависимости от него, покровитель, благодетель;

5) (только мн.) о лицах, стоящих во главе чего-либо, руководящих чем-либо;

6) (чего) о родоначальнике, об основоположнике чего-либо;

7) (разг.- книж.) обращение к пожилому мужчине или мужу как отцу своих детей;

8) обычно присоединяется к имени или званию служителей культа, монахов, а также при обращении к ним;

9) Бог, Создатель, Творец.

Лексема «дочь» также восходит к общеславянскому типу. В древнерусском языке с XI века встречается «дъчи», с XVIII века – «дочь». Более древняя история этого слова является спорной. Базой может служить индоевропейская основа «*dheugh» - «доить», «кормить грудью», «давать молоко», а также «прирагиваться», «придавать силы».

В толковых словарях указывается два значения слова «дочь»:

- 1) лицо женского пола по отношению к своим родителям;
- 2) о женщине как олицетворении лучших черт своего народа, своей среды, времени.

Частота употребления лексем «сестра» и «дочь» примерно одинакова – 113 и 116 соответственно.

Таким образом, к внутрилингвистическим факторам, определяющим высокую фразообразовательную активность данных лексем, можно отнести следующие:

- длительность существования данных лексем в русском языке;
- простота их морфологического состава (односложные лексем);
- высокая частота употребления в текстах разной жанровой направленности;
- многозначность (2 и более значений);
- наличие вариантов одной и той же лексемы (мать, мамочка, матушка, мать, мама, matka; сын, сынок).

К внешелингвистическим факторам относится значимость понятий «мать», «отец», «сын», «дочь», «брат», «сестра» для семьи и духовной жизни человека, особенно понятия «мать». Данные понятия составляют «ядро» семьи, наличие этих понятий дает представление о полноценной семье.

Лексем «батюшка» (7 ФЕ), «дед» (7 ФЕ), «дядя» (6 ФЕ), «бабушка» (5 ФЕ), «муж» (5 ФЕ), «жена» (5 ФЕ) составляют группу со средней фразообразовательной активностью.

Эти лексем участвуют в образовании 5 - 7 фразеологизмов.

Лексема «батюшка» восходит к украинскому «батюшка», употребляемому только как обращение к священнику. Имеет следующие значения:

- 1) то же, что и отец;
- 2) (устар.) фамильярное или дружеское обращение к собеседнику;
- 3) православный священник, а также обращение к нему.

Лексем «дед», «дядя» происходят из детской речи: «дядя» - повторение однократных звуко сочетаний, «дед» - от детского «de-de», где конец слова изменен по образцу существительного мужского рода.

Дед – 1) отец отца или матери;

2) старый человек, старик;

3) (мн.) предки.

Дядя – 1) брат отца или матери; муж тетки;

2) взрослый мужчина; сильный, рослый мужчина (шутл.).

Лексема «бабушка» является собственно русским словом, образована от существительного «баба» с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса – ушка -. Слово «муж» образовано также с помощью суффикса –j- от основы *mong-, производной посредством суффикса –g- от корня *mop- (ср. готск. «manna» - человек, мужчина). В древнерусском языке встречается с XI века «мужь» - «человек», «мужчина», «именитый человек», «супруг». «Жена» - слово общеславянского происхождения индоевропейского характера. Старое значение – «женщина» - возникло из еще более древнего «рождающая». С XI века встречается в древнерусском языке в значении «женщина», «жена».

Вышеназванные лексемы имеют следующие значения:

Бабушка – 1) мать отца или матери (по отношению к детям своих детей – внукам);

2) (ласк.) старая, пожилая женщина.

Муж – 1) женатый мужчина (по отношению к своей жене);

2) (высок.) мужчина в зрелом возрасте;

3) деятель на каком-либо общественном поприще.

Жена – 1) замужняя женщина;

2) (устар. и высок.) женщина.

В качестве внутрilingвистических и внешnelingвистических факторов, определяющих среднюю степень фразообразовательной активности рассмотренных лексем, можно привести те же факторы, которые определяли фразообразовательную активность лексем, входящих в первую группу. Однако нужно отметить, что лексемы второй группы имеют несколько меньшее количество значений, а это в свою очередь ведет к уменьшению количества случаев образования ФЕ с данными лексемами.

К третьей группе, группе с низкой фразообразовательной активностью, относится лексема «кум». Происхождение слова неясно. Вероятно, является сокращением «къмотръ» - «крестный отец», «кум», заимствованным в период христианизации славян (от лат. commater). Слово является однозначным и обозначает крестного отца по отношению к родителям крестника и к крестной матери. Низкая фразообразовательная активность данной лексемы, возможно, связана с тем, что слово на протяжении многих лет постепенно исчезает из активного словарного запаса русского языка в связи с изменением социального уклада общества и ослаблением влияния религии и связанных с нею обрядов, в частности, обряда крещения.

Таким образом, мы видим, что в качестве компонента фразеологизмов наиболее часто используются термины кровного родства (бабушка, дед, батюшка, отец, мать, дочь, сын, сестра, брат, дядя), в меньшей степени – термины некровного родства (муж, жена, кум). Наивысшей фразеобразовательной активностью обладают такие лексемы, как «мать», «брат» и «сын».

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А.Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т.- М.: Рус.яз., 1999.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред.Н.Ю.Шведовой. – М.: Рус.яз., 1987.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т.-М.: Прогресс, 1986 – 1987.
5. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И.Молоткова.- М.: Рус.яз., 1978.
6. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – М.: Рус.яз., 1999.

Л.В. Гришкова

кандидат филологических наук, доцент

кафедра английской филологии

Курганского государственного университета

ОТВЛЕЧЕННЫЙ ЭКФРАСИС

В современной филологии термин «экфрасис» означает изображение в литературе произведений других искусств или даже процесса их создания. В научных работах бытует также разграничение двух его видов - действительного (actual) и отвлеченного (notional).

Если под действительным экфрасисом имеется в виду параллельное бытование визуального и вербального текстов, а сам феномен определяется как «laquo» - вербальное представление невербального изображения (*a verbal representation of a visual representation*), то феномен отвлеченного экфрасиса принадлежит к числу спорных понятий языковых практик, т.к. к нему относят достаточно широкий круг описаний, о чем свидетельствует следующее определение: «**Notional ephrasis** may describe mental processes such as dreams, thoughts and whimsies of the imagination. It may also be one art describing or depicting another work of art which as yet is still in an inchoate state of creation, in that the work described may still be resting in the imagination of the artist before he has begun his creative work. The expression may also be applied to an art describing the origin of another art, how it came to be made and the circumstances of its being created. Finally it may describe an entirely imaginary and non-existing work of art, as though it were factual and existed in reality» [9].

Согласно этому определению отвлеченным экфрасисом называют не только описания произведений живописи или скульптуры, которые существуют пока только как замысел («the works of art still resting in the imagination of the artist before he has begun his creative work»), или воображаемые, не существующие в действительности произведения искусства («entirely imaginary and non-existing

works of art»), но также и как описания таких ментальных процессов, как сновидения и причуды воображения.

Краткий анализ существующих концепций приводится в интересной, но во многих отношениях спорной статье Н.А. Абиевой «Поэтический экфрасис». Возражения автора вызывает, с одной стороны, тенденция переноса этого понятия на очень широкие явления языкового выражения, встречающиеся не только в поэтическом, но и в прозаическом тексте, а с другой - деление экфрасиса на отвлеченный и действительный. «Вряд ли правомерно считать явлением экфрасиса собственно поэтическое творение, - пишет автор статьи, - даже если в нем содержится описание некоего вымышленного артефакта», поскольку «признание равнозначности реального изображения и некоего ментального представления, реализуемого только в тексте, уничтожает собственно экфрасис» [1, с. 85 - 86].

Между тем происхождение самого термина и феномена, который он обозначает, свидетельствует об обратном. Вот что пишет об истоках экфрасиса Р. Барт: «Нужно, прежде всего, напомнить, что в одном из важнейших течений западной культуры описание не выводилось за рамки смысловых категорий, и ему приписывалась цель, вполне признанная литературой как социальным институтом. Течение это - риторика, а цель эта – «красота»; на протяжении многих веков описание выполняло эстетическую функцию. Уже в античности к двум открыто функциональным жанрам красноречия, судебному и политическому, очень рано прибавился третий, эпидейктический, - жанр торжественной речи, имеющей целью вызвать у слушателей восхищение (а не убедить их в чем-либо); независимо от ритуальных правил его употребления, будь то восхваление героя или надгробное слово, в нем содержалась в зародыше сама идея эстетической направленности языка. В александрийской неориторике (II в. н.э.) культивировался экфрасис жанр блестящего обособленного отрывка, самоценного, не зависящего от какой-либо функции в рамках целого и посвященного описанию места, времени, тех или иных лиц или произведений искусства. **Такая традиция сохранялась на всем протяжении средних веков; <...> описание не подчиняется никакому реалистическому заданию; мало существенна его правдивость, даже правдоподобие; львов и оливы можно с легкостью помещать в страны Севера - существенны одни лишь нормы описательного жанра. Правдоподобие имеет здесь не референциальный, а открыто дискурсивный характер, все определяется правилами данного типа речи» [2, с. 395].**

Специфические черты отвлеченного экфрасиса проступают более отчетливо при сопоставлении его с действительным экфрасисом. Стихотворение Пита Моргана «*Return of the Day*», напечатанное в журнале «*The Art Quarterly of the National Art Collection Fund*», служит своеобразной рекламой аукциона Кристи:

Pete Morgan.

Return of the Day.

Always in the mind's eye is the picture
Of some event thought worthy to recall –
Some incident, some accident, some moment
When one split second froze home on the eye.

It's never right, not quite. In that quick click
From present into past the future fixes
The fantasy of fiction onto fact –
Right face, right smile, a wrong light through the window.

Year after year that picture will return
From how things were to how they could have been –
Of how they should have been to how they were
And so the double image is created.

The one more right than wrong, the other wrong!
Year after year the two are readjusted
Until both fact and fantasy collide –
Wrong face, wrong smile, the right light through the window.

But in each rearrangement what is wanted
Is something which secures the mood, the meaning
Of each return, each other close to other –
The two not a hundred miles apart [11, с. 80].

В стихотворении речь идет о двух версиях картины У. Ферта «С днем рождения» («*Many Happy Returns of the Day*»), одна из которых была найдена в 1957 году, другая - в 1991 году.

Мы рассматриваем действительный экфрасис как результат межсемиотического перевода или трансмутацию (термин Р. Якобсона), то есть перевод с языка одной семиотической системы на язык другой, в результате чего происходит замена изобразительных знаков на словесные.

М. Волошин, художник и поэт, сравнивая живопись и литературу, писал: «Живопись имеет дело только с комбинациями зрительных впечатлений. Точное выяснение этого положения очень велико. Это отделяет мышление художника-живописца от обычных приемов мышления остальных людей. Между восприятием и воплощением у художника нет обычного промежуточного звена - слова. Поэтому художнику так трудно быть литератором, поэтому мысль, выраженная в картине, не может быть переведена на слова. А если это бывает возможно, то доказывает только, что в данном произведении есть элементы, чуждые живописи и поддающиеся слову: т.е. рассказ, литературность» [4, с. 211].

По мнению У. Митчелла, экфрастический текст преодолевает это семиотическое несходство («semiotic otherness»): «Emphatic poetry is the genre in

which texts encounter their own semiotic «others», those rival alien modes of representation called the visual, graphic or spatial art. **The estrangement of the image / text division is overcome, and a sutured, synthetic form, a verbal icon, or image-text arises in its place»** [8, с. 154].

У. Митчелл называет актуальный экфрасис «синтетической формой» («synthetic form»), «словесным ироническим знаком» («verbal icon») или «текстом-образом» («image-text»).

Рассматривая действительный экфрасис как один из видов перевода и имея в виду параллельное бытование невербального (живописного) и вербального текстов, мы будем оценивать последний в рамках теории перевода как аналог исходного текста, применив к его анализу предложенную Р. Якобсоном формулу «сходства при существовании различий» («equivalence in difference») [7, с. 24].

Оба текста - исходный (живописный) и вербальный (результат трансмутации) - имеют между собой нечто общее, а именно: образную природу. Существует и то, чем они отличаются друг от друга - материалом, из которого создаются вербальный и пластический образы. Это подчеркивают и искусствоведы, и лингвисты, да и сами художники. «Материал литературы - язык и как таковой - он решительно отличен от материала, скажем, живописи, прежде всего тем, что он есть сам по себе, во-первых, определенная структура, а во-вторых, обладает собственной социальной и духовной активностью», - пишет И.Г. Сапего. «Материал, из которого создается живопись или скульптура, ничем подобным обладать не может. Свойства, которыми обычный язык владеет заранее, материал живописи приобретает лишь в процессе работы художника <...> **“Текст” в изобразительном произведении предметен, нагляден, и его образная структура существует только в этой неповторимой наглядности»** [5, с. 256].

«Художник весь многоцветный мир должен свести к основным комбинациям углов и кривых и к простейшим отношениям основного тона, - подчеркивает М. Волошин в «Ликах творчества». - Из обычной человеку, выпуклой трехмерной действительности он должен уметь выделить основные двухмерные зрительные впечатления. В этом и состоит самая важная и самая сложная аналитическая часть работы художника. Если она не совершенна, никакая творческая работа не возможна» [4, с. 211].

Экфрастический текст создается как **аналог** живописного, но на совершенно иной основе - **вербальной** - по принципу вторичной номинации. Более того, он создается по законам связного текста - как развитие заданной в его начале темы. В нашем примере это название картины.

Поэтическому экфрасису, как и любому стихотворному тексту, присуща компрессия информации, вследствие чего в таких произведениях значительно возрастает роль сильной позиции, «первая строка вместе с последней <...> могут содержать весь сюжет, а средняя часть в этом случае будет его развитием, детализацией» [2, с. 23].

Обыгрывая название картины У. Фета «*Man Happy Returns of the Day*», которое является не чем иным, как традиционным английским поздравлением с днем рождения, Пит Морган озаглавливает свое стихотворение «*Return of the Day*», возвращая лексеме «*return*» ее исходное значение. День рождения, изображенный на картине, действительно вернулся, но в ином обличье:

Always in the mind's eye is the picture
Of some event thought worthy to recall.

Особенность ситуации в том, что зрительный образ двоится:

Year after year that picture will return
From how things were to how they could have been -
Of how they should have been to how they were
And so **the double image is created.**

Что-то не понравилось художнику в одной из версий картины, но мы не знаем, ни что именно, ни в какой именно версии:

Right face, right smile, a wrong light through the window.

Или напротив:

Wrong face, wrong smile, the right light through the window.

Отсутствие информации о том, какую версию картины считать окончательной, стало отправной точкой игры текста с читателем, а поскольку стихотворение играет роль комментария к картинам на аукционе *Christie's*, то и со зрителем, т.е. с потенциальным покупателем:

Bur in each rearrangement what is wanted
Is something which secures the mood, the meaning
Of each return, each other close to other -
The two not a hundred miles apart.

Действительный экфрасис базируется на **реальной зрительной основе**. Цель подобных описаний - с помощью средств языка представить читателю насколько это возможно зрительный образ картины.

Пример отвлеченного экфрасиса мы находим в новелле Э. По «Падение дома Эшеров». Рассказчик описывает одну из картин хозяина дома Родерика Эшера: «A small picture presented the interior of an immensely long and rectangular vault or tunnel, with low walls, smooth, white, and without interruption or device. Certain accessory points of the design served well to convey the idea that this excavation lay at an exceeding below the surface of the earth. No outlet was observed in any portion of the vast extent, and no torch, or other artificial source of light was discernible; yet a flood of intense rays rolled throughout, and bathed the whole in a ghastly and inappropriate splendour» [12, с. 15-16].

Экфрастический текст Э. По представляет собой всего лишь небольшую часть обширного описания круга интересов и занятий Родерика Эшера, «беспредельная отвлеченность фантазии» («an excited and highly distempered

ideality») которого «озаряла все каким-то фосфорическим светом» («threw a sulphureous lustre over all») [12, p.15].

Эшер был поэтом и музыкантом, но более всего рассказчика поражали его картины. Чувственная изошренность хозяина дома Эшеров позволяла ему выражать невыразимое - живописать мысль: «From the paintings over which his elaborate fancy brooded, and which grew, touch by touch, into vaguenesses at which I shuddered more thrillingly, because I shuddered knowing not why; - from these paintings (vivid as their images are now before me) I would endeavour to educe more than a small portion which should lie within the compass of merely written words. By the utter simplicity, by the nakedness of his designs, he arrested and overawed attention. **I f ever mortal painted an idea, that mortal was Roderick Usher**».

Эдгар По великолепно обрисовывает пустое пространство - *an immensely long and rectangular vault or tunnel, with low walls, smooth, white, and without interruption or device*. Но самое поразительное - это неизвестно откуда льющийся свет: «No outlet was observed in any portion of the vast extent, and no torch, or other artificial source of light was discernible; yet a flood of intense rays rolled throughout, and bathed the whole in a ghastly and inappropriate splendour».

Это как раз то, чего просто не может быть. Источник света всегда есть в любой картине. «Водопад яркого света» («a flood of intense rays») без видимого источника света - загадка картины.

Отвлеченный экфрасис ближе всего стоит к своему античному прототипу. Возвращаясь к выделенному нами фрагменту статьи Р. Барта, отметим, что экфрастический текст Э. По «не подчиняется никакому реалистическому заданию; мало существенна его правдивость, даже правдоподобие <...>, - существенны одни лишь нормы описательного жанра. Правдоподобие имеет здесь не референциальный, а открыто дискурсивный характер, все определяется правилами данного типа речи» [2, с. 395]. Правила в данном описании предписаны романтическим дискурсом, суть которого прекрасно сформулировал В. Жуковский в риторическом вопросе «Невыразимое подвластно ль выраженью?».

Мы относим к отвлеченному экфрасису и стихотворение Н. Заболоцкого «Бетховен»:

В тот самый день, когда твои созвучья
Преодолели сложный мир труда
Свет пересилил свет, прошла сквозь тучу туча,
Гром ринулся на гром, в звезду вошла звезда.

И яростным охвачен вдохновеньем,
В оркестрах гроз и трепете громов,
Поднялся ты по облачным ступеням
И прикоснулся к музыке миров.

Дубравой труб и озером мелодий
Ты превозмог нестройный ураган

И крикнул ты в лицо самой природе,
Свой львиный лик просунув сквозь орган.

И пред лицом пространства мирового
Такую мысль вложил ты в этот крик,
Что слово с воплем вырвалось из слова
И стало музыкой, венчая львиный лик.

В рогах быка опять запела лира,
Пастушьей флейтой стала кость орла,
И понял ты живую прелесть мира
И отделил добро его от зла.

И сквозь покой пространства мирового
До самых звезд дошел девятый вал…
Откройся, мысль! Стань музыкаю слово,
Ударь в сердца, чтоб мир торжествовал! [9]

Музыкальные образы лишены изобразительности в обычном понимании этого слова, за исключением тех редких случаев, когда они являются порождением творческой индивидуальности композитора (картины-сонаты Чюрлениса, «Прометей» Скрябина). «Изобрести мелодию, раскрыть в ней все глубочайшие тайны человеческого желания и ощущения - это дело гения, - писал А. Шопенгауэр, - здесь его творчество очевиднее, чем где бы то ни было: оно далеко от всякой рефлексии и сознательной преднамеренности и может быть вызвано вдохновением» [6, с. 226].

Особенность стихотворения Н. Заболоцкого в том, что он делает музыку зримой, переводя время (музыка - искусство временное) в пространство. Прежде всего, это метафоры: орган - *дубрава труб*, сама музыка - *озеро мелодий*. Процесс творчества уподобляется грозе:

И яростным охвачен вдохновеньем,
В оркестрах гроз и трепете громов,
Поднялся ты по облачным ступеням
И прикоснулся к музыке миров.

Слово, ставшее музыкой, - это, конечно же, переложенная на музыку ода Шиллера «К радости» в финале Девятой симфонии Бетховена, смысл которой композитор выразил в словах «*durch Leiden an die Freude*» («через страдание к радости»).

Поэт насыщает стихотворение интертекстуальными включениями, отсылая читателя то к другим своим стихам («Гроза», «Я не ищу гармонии в природе»), то к Библии. «Облачные ступени» появились в стихе не случайно. В Священном Писании сказано: «И увидел во сне: вот лестница стоит на земле, а верх ее касается неба; и вот Ангелы Божии восходят и нисходят по ней. И вот, Господь стоит на ней».

Стихотворение «Бетховен» связано по смыслу с другим произведением поэта - «Я не ищу гармонии в природе»:

Я не ищу гармонии в природе.
Разумной соразмерности начал
Ни в недрах скал, ни в ясном небосводе
Я до сих пор, увы, не различал.
Как своенравен мир ее дремучий!
В ожесточенном пении ветров.

Не слышит сердце правильных созвучий,
Душа не чует стройных голосов [[http:// ru.wikipedia/org](http://ru.wikipedia.org)].

Гармонию и стройность в природу вносит человек, и она в ожидании

Лежит вокруг, вздыхая тяжело,
И не мила ей дикая свобода,
Где от добра неотделимо зло.

В итоге создание Девятой симфонии уподобляется сотворению мира, в котором царит Гармония:

В рогах быка опять запела лира,
Пастушьей флейтой стала кость орла,
И понял ты живую прелесть мира
И отделил добро его от зла.

В отличие от актуального экфрасиса отвлеченный экфрасис подчеркнута литературен, в нем явно проступает элемент нарративности.

Экфрастический текст независимо от его принадлежности к тому или иному виду всегда имеет интерпретационный характер, а лингвистические аспекты этого феномена культуры изучены недостаточно и нуждаются в дальнейшем исследовании.

Список литературы

1. Абиева Н.А. Поэтический экфрасис // *Studia Linguistica* 10. Проблемы теории европейских языков. - СПб.: Тригон, 2001.
2. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сб. статей / Науч. ред. П.Е. Бухаркин. - СПб.: Изд-во С-Петербургского ун-та, 1999.
3. Барт Р. Эффект реальности // Ролан Барт. Избранные работы: Семиотика. Поэтика/ Пер. с фр. - М.: Прогресс; Универс, 1994.
4. Волошин М. Лики творчества. – Л.: Наука, 1988.
5. Заболоцкий Н. Стихотворения. – М.: Художественная литература, 1957.
6. Сапего И.Г. Некоторые аспекты анализа изобразительного искусства // *Советское искусствознание* - 77. - 1978. - Вып. I
7. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. - М.: Терра Книжный клуб; Республика, 1999.
8. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // *Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике*. - М.: Международные отношения, 1976.
9. [http:// ru.wikipedia/org](http://ru.wikipedia.org).
10. Mitchell W.J. P *Picture Theory: Essays on Verbal and Visual Representation*. – The University of Chicago Press, 1999.

11. Morgan Pete. Return of the Day // The Art Quarterly of the National Art Collection Fund. №18, Summer 1994.
12. Poe Edgar. Selected Tales. - М.: Chimera Classics, 2001.

О.С. Драгунова
старший преподаватель
кафедры иностранных языков гуманитарных специальностей
Курганского государственного университета

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Когнитивная лингвистика прочно заняла своё место в парадигме концепций мирового языкознания. Именно её возникновение и бурное развитие на современном этапе являются характерной чертой языкознания рубежа веков.

Когнитивная лингвистика — направление в языкознании, которое исследует проблемы соотношения языка и сознания, роль языка в концептуализации и категоризации мира, в познавательных процессах и обобщении человеческого опыта, связь отдельных когнитивных способностей человека с языком и формы их взаимодействия.

Вообще когнитивизм есть совокупность наук, объединяющая исследования общих принципов, управляющих мыслительными процессами. Таким образом, язык представляется как средство доступа к мыслительным процессам. Именно в языке фиксируется опыт человечества, его мышление; язык — познавательный механизм, система знаков, специфически кодифицирующая и трансформирующая информацию.

Предметом когнитивной лингвистики является человеческая когниция — взаимодействие систем восприятия, представления и продуцирования информации в слове [4].

Современная когнитивная лингвистика интенсивно развивается, что обуславливает определенные различия в подходах, категориальном и терминологическом аппарате, понимании основных задач когнитивной лингвистики и используемых методах.

Сегодня ряд ученых в своих статьях и исследованиях предпринимает попытки классификации направлений в современной когнитивной лингвистике.

В.В. Колесов разграничивает когнитивную лингвистику (исследующую связи между словом и вещью), контенсивную лингвистику (изучающую семантические «прототипы»: модальность, залоговость, темпоральность и под.) и концептуальную лингвистику, изучающую собственно концепты [1].

С.В. Кузлякин выделяет в когнитивной лингвистике следующие подходы: психологический (Д.С. Лихачёв), логический (Н.Д. Арутюнова и школа

«Логический анализ языка»), философский (В.В. Колесов), культурологический (Ю.С. Степанов), интерактивный (С.Х. Ляпин, Г.Г. Слышкин).

Е.С. Кубрякова разграничивает классический когнитивизм (исследование структур знаний и их типов преимущественно логическими методами) и когнитивно-дискурсивное направление, которое является логическим развитием всей современной лингвистики в целом.

Н.Н. Болдырев отмечает, что можно говорить о двух этапах развития когнитивизма: раннем логическом, или объективистском, и современном экспериенциальном, основанном на опыте [1].

Так, Попова и Стернин, признавая относительность подобных классификаций, так как разные направления прежде всего используют разные методические приемы исследования концептов, все же выделяют следующие направления в когнитивной лингвистике, называя типичных представителей данных направлений:

– культурологическое: исследование концептов как элементов культуры в опоре на данные разных наук (Ю.С. Степанов). Такие исследования обычно междисциплинальны, не связаны исключительно с лингвистикой, хотя могут выполняться и лингвистами, язык в этом случае выступает лишь как один из источников знаний о концептах (например, для описания концепта используются данные об этимологии слова, называющего этот концепт);

– лингвокультурологическое: исследование названных языковыми единицами концептов как элементов национальной лингвокультуры в их связи с национальными ценностями и национальными особенностями этой культуры: направление «от языка к культуре» (В.И. Карасик, С.Г. Воркачев, Г.Г. Слышкин, Г.В. Токарев);

– логическое: анализ концептов логическими методами вне прямой зависимости от их языковой формы (Н.Д. Арутюнова, Р.И. Павилёнис);

– семантико-когнитивное: исследование лексической и грамматической семантики языка как средства доступа к содержанию концептов, как средства их моделирования от семантики языка к концептосфере (Е.С. Кубрякова, Н.Н. Болдырев, Е.В. Рахилина, Е.В. Лукашевич, А.П. Бабушкин, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Г.В. Быкова);

– философско-семиотическое: исследуются когнитивные основы знаковости (А.В. Кравченко).

Каждое из этих направлений можно считать уже достаточно оформившимся в современной лингвистике: все они имеют свои методические принципы (объединяет их прежде всего теоретическое представление о концепте как единице сознания), своих сторонников среди лингвистов-когнитологов (их представляют достаточно известные научные школы).

Предлагаемые разграничения направлений, как и отнесение отдельных учёных к тем или иным направлениям, достаточно условны, но подобная классификация отражает основные действующие в современной отечественной когнитивной лингвистике тенденции. Кроме того, существует достаточно большое число работ, которые объединяет фактическое отождествление понятий «*концепт*» и «*значение слова*»: традиционный анализ семантики слова называется при этом анализом концепта, а семантические исследования - когнитивными.

Лингвистическая концептология использует понятие «*концепт*» как обозначение моделируемой лингвистическими средствами единицы национального когнитивного сознания, единицы моделирования и описания национальной концептосферы. По А. Уоллесу, принадлежность к одной и той же культуре определяется не единообразием мыслительных представлений, не тем, что все думают одинаково, а способностью к взаимному предсказанию, к сосуществованию различных подходов в рамках одной базовой системы. Когнитивное понимание культуры сближает её с когнитивной функцией языка как средства формирования мысли [2]. По словам А. Вежбицкой, это иллюзия думать, что мы достигнем лучшего понимания культур, если отвергнем сепировское фундаментальное прозрение насчёт того, что «лексика — очень чувствительный показатель культуры народа». Напротив, мы лучше поймём культуры, если будем основываться на этом прозрении и научимся исследовать словарь более глубоко, более строго и в более широкой теоретической перспективе [3].

Представляется, что теоретическое значение когнитивной лингвистики на современном этапе развития научной мысли трудно переоценить. Развитие современной когнитивной лингвистики во многом определит направления и методику научных исследований нашего столетия.

Список литературы

1. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика.- М.:АСТ; Восток-Запад, 2007.
2. Елизарова Г. В. Культура и обучение иностранным языкам. – СПб., 2004.
3. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А.Д. Шмелёва.- М.: Языки славянской культуры, 2001.
4. <http://ru.wikipedia.org>.

Е.С. Жулева

аспирант

кафедра немецкой филологии

Санкт-Петербургского государственного университета

НЕМЕЦКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ЛАНДШАФТНЫМ КОМПОНЕНТОМ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЯ

Немецкая фразеология, являющаяся необъятной областью, включает в свой состав большое количество ФЕ с разной семантикой и структурой. В

нашей статье мы попытаемся проанализировать фразеологические единицы с ландшафтным компонентом в лингвострановедческом ключе. Мы рассматриваем фразеологические единицы с компонентами **Boden, Erde, Berg, Tal, Wald, Wiese, Feld, Weg, Fluss, Land, Straße, Stadt, Staat**, а также топонимические обозначения фразеологизмов, имеющих данного рода компоненты в своём составе.

На данный момент мы проанализировали свыше 350 фразеологизмов, полученных путём сплошной выборки. Стоит особо подчеркнуть, что рассмотренные нами фразеологические единицы отличаются по структуре и по семантике. Они могут обозначать отношения человека в обществе, психологические или физические качества человека.

Например, *немецкие фразеологизмы как экспликации взаимоотношения людей*: а) J-m den **Boden** unter den Füßen wegziehen – выбивать (или вышибать, реже взрывать) почву из-под ног кого-либо, у кого-либо; б) J-m das **Feld** streitig machen – соперничать, конкурировать с кем-либо, оспаривать монопольное положение у кого-либо. *Немецкие фразеологизмы как экспликации физического и психического состояния человека*: а) Den **Boden** unter den Füßen verlieren – 1) (по)терять почву под ногами (или из-под ног), 2) (по)терять или утратить чувство реального, потерять точку опоры; б) Dastehen wie der Ochs am (vorn) **Berge** (am Scheunentor) – уставиться как баран на новые ворота, стоять как пень.

Фразеология - это раздел науки о языке, который является сложным объектом исследования, занимает в структуре языка важное место и изучает *устойчивые* сочетания слов разного типа. Существует большое количество дефиниций фразеологических единиц (В.В. Виноградов, М.Д. Городникова, А.Д. Райхштейн, Е. Ризаль, И.И. Чернышова, Е. Agricola, W. Fleischer, A. Rotkegel), которые могут существенно отличаться и даже иногда противоречат друг другу.

Например, как считает А.Д. Райхштейн, ФЕ – это *целиком переосмысленные* сочетания слов, обладающие номинативно-экспрессивным значением, устойчивые и идиоматичные в своей лексической и структурно-семантической организации, соотнесённые по своей функции в речи с отдельными лексемами [3, с. 35].

По мнению И.И. Чернышевой, фразеологическими единицами являются устойчивые словесные комплексы различных структурных типов с единичным сцеплением компонентов, значение которых возникает в результате *полного или частичного семантического преобразования* компонентного состава [4, с. 29].

Одной из основных проблем во фразеологии считается типология фразеологических единиц. Данным вопросом занимались многие исследователи, в частности, И.В. Арнольд, Л.М. Болдырев, А.В. Кунин, В.М. Мокиенко, И. И. Чернышева, а также Г. Бургер, В. Фляйшер, К. Пильц, А. Роткегель, У. Фикс.

Учёные до сих пор не пришли к единому мнению по поводу разграничения фразеологизмов, но стоит отметить, что наиболее принятой в отечест-

венной фразеологии является точка зрения И.И. Чернышевой, которая считает, что по грамматической структуре фразеологические единицы могут быть словосочетаниями, предикативными сочетаниями и предложениями. Например, а) Ein Fass ohne **Boden** - то, чему конца нет; прорва; б) An **Boden** gewinnen - увеличиваться (в размерах); получать распространение; приобретать сторонников, влияние; в) Wenn der **Berg** nicht zum Propheten kommt, muss der Prophet zum **Berge** kommen – если гора не идёт к Магомету, то Магомет идёт к горе.

По характеру значения, возникающего в результате взаимодействия структуры, сочетаемости и семантического преобразования компонентного состава, различаются *фразеологические единства*, *фразеологические выражения* и *фразеологические сочетания*. Проиллюстрируем это примерами из анализируемой группы ФЕ.

Фразеологические единства возникают на основе семантического переосмысления или сдвига переменных словосочетаний: J-n deckt die kühle **Erde** – (высок. эвф.) кто-либо спит в земле сырой. Wie aus der **Erde** (aus dem **Boden**) gewachsen – (разг.) 1. выросший на глазах (о здании). 2. выросший как будто из-под земли (о войске и т.п.); внезапно, как будто из-под земли, откуда не возьмись. J-m über den **Berg** helfen – помочь кому-либо преодолеть препятствия (совладать, справиться с чем-либо).

Фразеологические выражения – единицы, которые по своей грамматической структуре являются предикативными сочетаниями слов и предложениями. По коммуникативной значимости различают общеупотребительные пословицы, поговорки – **Berg** und **Tal** kommen nicht zusammen wohl aber die Menschen – гора с горой не сходится, а человек с человеком сойдётся. Mann muss nicht «heisa» rufen, eh man über den **Berg** ist; Andre **Länder**, andre Sitten – (посл.) что горю, то норю, что деревню, то обычай; устойчивые и воспроизводимые междометия и модальные выражения: Das ist (doch) der **Gipfel** (der Freiheit, der Unverschämtheit)! – (разг. недобр.) это верх (нахальства, бесстыдства)!

Фразеологические сочетания, как считает И.И. Чернышева, возникают в результате единичного сцепления одного семантически преобразованного компонента: Das ist noch ein weites **Feld** – в этой области предстоит ещё многое сделать. **Felsenfest** überzeugt sein von etw. – быть твёрдо убеждённым в чём-либо [4, с. 35-47].

Стоит особо подчеркнуть, что фразеология языка непосредственно связана с культурой того или иного этноса. Сама структура фразеологических единиц, их значение, которые закрепляются за ними как языковыми знаками, имеют национальную специфику, которая всегда определяется условиями жизни народа – носителя данного языка, географической средой, флорой и фауной, историей, общественным устройством, культурой, обычаями. Эту точку зрения разделяет и современная исследовательница немецкой фразеологии Гертруд Гречиано, которая полагает, что объяснение фразеологических единиц стоит искать в народных легендах и сказаниях каждой отдельно взятой страны. При

этом не стоит забывать и взаимосвязь культур разных стран, эпох, которая находит своё отражение во фразеологических единицах [5, с. 434].

Совокупность условий жизни народа в каких-то своих отдельных звеньях получает своеобразное отражение во фразеологии. Фразеологизмы, как и система образных средств речи, чрезвычайно богаты. В них находят отражение народный юмор, стремление отшутиться и обыграть неприятное, приукрасить жалкое и неприглядное, посмеяться над недостатками, а также склонность к гиперболизации, иронии. В образовании таких единиц принимают участие различные языковые средства, имена собственные, реалии. Большую роль при этом играет принцип аналогии, сопоставления. В качестве источника в создании фразеологических единиц большую роль играла Библия, тексты античных авторов и крупные произведения мировой литературы [5, с. 435-436].

Приведём примеры подобного рода ФЕ с ландшафтным компонентом: а) **Die Fleischtöpfe Ägyptens** – (библ.) символ сытной жизни; (перен.) сытая жизнь, жизнь в довольстве; б) **Den Rubikon überschreiten** – перейти Рубикон (совершить бесповоротный шаг, решительный поступок). Из рассказов *античных авторов* о переходе Юлия Цезаря со своими легионами через реку Рубикон, служившую границей между Умбрией и Цизальпинской Галлией; в) **Etwas ist faul im Staate Dänemark** – что-то подгнило в Датском королевстве, тут что-то неладно (англ. *Something is rotten in the state of Denmark* – из трагедии Шекспира «Гамлет»); г) **Auch ich war in Arkadien geboren** (F. Schiller «Resignation») – и я в Аркадии родился (и я когда-то был счастлив); д) **Das ist des Landes nicht der Brauch** (J.W. Goethe «Faust») – такой обычай нам неведом (у нас это не принято).

Тексты и произведения более позднего периода могут определить сущность фразеологической единицы, помогают раскрыть её внутренний смысл, провести параллели между культурами разных стран, разобраться в национальных особенностях отдельно взятой страны. Например, название романа Э.М. Ремарка «**Im Westen nichts Neues**» («На Западном фронте без перемен»), написанного в 1929 году, становится крылатым выражением во время Второй мировой войны.

Исследование национально-специфических элементов плана содержания фразеологических единиц является одной из актуальных задач страноведческой лингвистики, а также одной из задач и нашего дальнейшего исследования.

Описание национально-специфических элементов (семантики) лексики у фразеологии осуществлялось до сих пор в основном на материале русского языка. Проблема отражения своеобразия национальной культуры в семантике немецкой фразеологии затронута в немногочисленных работах (Р.Р. Аллаярова, Ф. Зайлер, Д.Г. Мальцева, К. Пильц, А.Д. Райхштейн).

Р.Р. Аллаярова в одной из своих работ рассматривает фразеологические единицы в аспекте культуры, она подчёркивает, что во фразеологическом составе немецкого языка с позиции носителя русского языка можно выделить:

1. ФЕ, не отражающие элементов культуры ни на одном уровне своей семантики. К числу таких фразеологизмов относятся единицы с компонентами, обозначающими части тела: *Hand und Fuß haben* – иметь под собой реальную основу, быть обоснованным, логичным; родство: *seinem Vater nachschlagen* – пойти в отца.

2. ФЕ, отражающие элементы культуры на одном, двух или трёх уровнях своей семантической структуры. Они в свою очередь подразделяются на фразеологизмы, отражающие:

- общечеловеческую культуру: *einen in die Falle locken* – заманить в ловушку кого-либо; *jmdn zur Rede stellen* – потребовать кого-либо к ответу, потребовать от кого-либо объяснений;

- единицы, отражающие предметы и явления, типичные как для страны изучаемого языка, в нашем случае немецкого, так и для страны исходного языка (русского), но не универсальные. Например, в целом ряде фразеологизмов в качестве компонента выступают названия фруктов, растений, распространённых как в немецкоязычном, так и в русскоязычном ареалах: *es konnte kein Apfel zur Erde (fallen)* – яблоку негде было упасть; *in die Binsen gehen* – не удаваться, не осуществляться;

- фразеологизмы, отражающие в своей семантике предметы и явления, типичные для носителей немецкого языка, но для носителей русского языка являющиеся хотя и известными, но не типичными. По мнению Р.Р. Аллаяровой, в немецком языке по сравнению с русским больше ФЕ, связанных с мореплаванием: *das ist Wind auf j-s Segel* – это в его интересах, *jmdm den (allen) Wind aus den Segeln nehmen* – лишить кого-либо возможности действовать, парализовать чью-либо деятельность;

- фразеологические единицы, которые отражают предметы и явления, типичные для немецкоязычных стран, но либо вообще отсутствующие у нас в стране, либо отличающиеся какими-то отдельными деталями. Например, *er weiß, wo das Gold im Rhein liegt* – он очень умён. Национально-специфичным является не только название реки Рейн, но и прямое значение всего словесного комплекса, содержащее намёк на миф о золоте Нибелунгов («Песнь о Нибелунгах»).

Таким образом, среди ФЕ немецкого языка с точки зрения носителя русского языка можно выделить фразеологизмы с семантикой, не отражающей культуру ни на одном уровне или отражающей культуру на одном, двух или всех трёх уровнях своей структуры, причём последние разделяются на следующие группы: с общечеловеческой семантикой, с семантикой, тождественной для обеих стран, с национально-типичной и национально-специфичной семантикой [1, с. 69-71].

В ходе нашего исследования мы встречаем фразеологизмы как с **национально - типичной**: *andre Länder*, *andre Sitten* – что город, то норы, что деревня, то обычай, так и с **национально-специфичной семантикой**: *in Jaffa liegen*

– быть без сознания, больным или мёртвым, прямое значение фразеологизма – лежать в Яффе – отражает тот факт, что г. Яффа был главным портом крестоносцев, *Bier nach München bringen* – делать что-либо излишнее; именно столица Баварии Мюнхен славится множеством пивоварен.

Стоит подчеркнуть, что наиболее ярко и рельефно национально-культурная специфика языкового сознания проявляется в межкультурной коммуникации. Каждая отдельно взятая культура находит своё выражение в символических действиях, прежде всего в языке и поведении говорящего субъекта.

Культура – явление историческое. Национально-культурная семантика может быть обусловлена диалектикой субъектно-объектных отношений, конкретной общественно-исторической практикой социума и основой отражательной деятельности человека.

Наукой, которая обосновала комплексный подход к лексике и фразеологии как к вместилищу спрессованной в языковых значениях историко-культурной информации, является лингвострановедение. Отметим, что для страноведчески значимых элементов семантики следует проводить строгую дифференциацию между гносеологическим и собственно функциональным анализом, синхронией и диахронией.

Проблема «язык и культура» очень актуальна сегодня, так как в XXI веке интенсивно развиваются межнациональные и межгосударственные контакты. По мнению многих учёных, из всех уровней языковой структуры наиболее тесная и яркая связь проявляется в области лексики и фразеологии. Итак, мы сделали попытку проанализировать фразеологизмы с ландшафтным компонентом в культурологическом ключе. Подобного рода ФЕ изучены мало и представляют большой интерес для дальнейшего исследования в области лингвострановедения, лингвокультурологии, так как нуждаются в рассмотрении не только в плане осмысления их внутренней структуры, внутренних процессов их функционирования и развития в языке, но и в плане изучения процесса отражения в них материальной и духовной культуры народа – носителя языка.

Список литературы

1. Аллаярова Р.Р. Национально – специфические элементы семантики немецких фразеологизмов// Лексико-фразеологическая система немецкого языка и её реализация в тексте: Сб. науч. трудов. Вып. 232. – М., 1984.
2. Бинович Л. Э., Гришин Н.Н. Немецко-русский фразеологический словарь. – М., 1975.
3. Мальцева Д.Г. Национально-культурный аспект фразеологии. – М., 1991.
4. Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. – М., 1980.
5. Чернышёва И.И. Фразеология современного немецкого языка. – М., 1970.
6. Greciano Gertrud. Semantik und Herkunftserklärungen von Phraseologismen/ Gertrud Greciano// Lexikologie. Ein internationales Handbuch zur Natur und Struktur von Wörtern und Wortschätzen. Halbband I. Walter de Gruyter. – Berlin, New York, 2002.
7. Pilz K.D. Phraseologie. Versuch einer interdisziplinären Abgrenzung, Begriffsbestimmung und Systematisierung unter besonderer Berücksichtigung der deutschen Gegenwartssprache.- Göppingen, 1978

8. Reichstein A. D. Zu linguistischen Grundlagen des landeskundlichen Aspekts im Fremdsprachunterricht // Deutsch als Fremdsprache. – 1982. - №5.
9. Seiler F. Das deutsche Sprichwort. – Straßburg, 1918.
10. Duden, Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. – Duden, Band 11. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich, 1992.

Е.А. Иванова
ассистент
кафедра английской филологии
Курганского государственного университета

СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СИНОНИМОВ-НАИМЕНОВАНИЙ ЧЕЛОВЕКА ПО ВЫСОКОМУ СОЦИАЛЬНОМУ ПОЛОЖЕНИЮ

«Синонимия пронизывает все основные единицы языка, обладающие <...> семантической определенностью или смыслом» [1, с. 190]. Синонимия является одним из способов связи между фразеологизмами. А.М. Чепасова дает следующее определение фразеологических синонимов: «Это два, или больше, фразеологизма, обозначающие одно понятие, принадлежащих к одному классу, одной субкатегории и группе и различающихся семантически и стилистически» [3, с.127].

Как отмечает Е.Р. Ратушная, явление синонимии довольно широко распространено среди фразеологизмов-наименований человека. Фразеологические синонимы со значением лица относятся к «семантико-грамматическому классу предметных единиц, имеют категориальное значение предметности, субкатегориальное значение лица, общее групповое значение» [2, с. 188].

В данной статье мы исследуем синонимические ряды фразеологических единиц, обозначающих человека по высокому социальному признаку.

Среди фразеологизмов, обозначающих человека по высокому социальному положению, выделяется синонимический ряд с общим значением «влиятельный, могущественный человек»: *важная фигура, важное лицо, большой человек*. В структуре данных единиц выявляются позитивные коннотативные семы, в первую очередь «уважительность». Дифференциальной семой ФЕ *большой человек* является «высокое служебное положение». Фразеологизм *важное лицо* имеет индивидуальное значение «обладающий властью, влиянием». Например:

Новый фильм известного документалиста, оscarовского лауреата Алекса Гибни — попытка разобраться в обстоятельствах жизни и взглядах на нее одной из самых противоречивых и *важных фигур* американской культуры 60-х и 70-х, знаменитого писателя, наркомана, провокатора и популяризатора гонзо-журналистики доктора Хантера С. Томпсона. (АиФ, 18.09.09). Вы знаменитая, у вас муж *большой человек*. Зачем вы поехали на Кавказ в такое тревожное вре-

мя? (РГ, 21.08.09). В «рыбной» истории есть еще одно *важное лицо*. Это - одно из главных действующих лиц и ярый защитник ОГУПа, советник губернатора по рыбной отрасли Виктория Тихачева. Она открыто владеет двумя рыбодобывающими фирмами.

Следующие ФЕ имеют собирательное значение и употребляются в основном в форме множественного числа: *власть имущие*, *власть предержащие* и *сильные мира сего*. По нашему мнению, данные фразеологизма являются синонимами по отношению друг другу, несмотря на тот факт, что ни один словарь фразеологических синонимов не отмечает этого. Важным условием синонимии является сходство значений, но может присутствовать и дифференциальная сема. С семантической точки зрения данные синонимы имеют разные оттенки значения, но общей семой является «высокопоставленные люди».

Фразеологизм *сильные мира сего* содержит индивидуальную сему «самые влиятельные люди», ФЕ *власть имущие* имеет дополнительное значение «административный пост», «правители», а *власть предержащие* - семы «высшая власть» и «органы власти». Например:

Аксенов был свободным человеком, отказывающимся заигрывать с *сильными мира сего*. С властью он мог быть вежлив, но никогда не преклонялся перед ней, не смотрел на нее снизу вверх. (РГ, 17.07.09). Мы сами не возьмемся за свою собственную профилактику, точнее – лечение больного социального организма. То есть дело не во *власть имущих*, а в нас с вами (АиФ, 5.10.09). К составлению госбюджета на 2009 год *власть предержащие* приступили с удвоенным оптимизмом, явно переоценивая состояние экономики страны на тот период (АиФ, 14.10.09).

Между семантикой синонимических рядов и их компонентным составом наблюдается взаимосвязь. Фразеологические синонимы могут иметь один общий компонент. Так, в структуре следующих синонимических рядов содержится общий компонент *власть* (*власть имущие* и *власть предержащие*) и *важный* (*важная фигура*, *важное лицо*), вторые компоненты могут быть синонимами: *имущие*, *предержащие* (изначально обозначающие «обладающие чем-либо») и *лицо*, *фигура*, *человек*.

Некоторые синонимические ряды характеризуются общностью атрибутивного компонента. Так, в составе большинства фразеологизмов, называющих человека, который занимает высокое общественное положение, выявляются компоненты *важный*, *большой*, *высокий*: *важная фигура*, *большой человек*, *птица высокого полета*.

Фразеологические синонимические ряды могут быть одноструктурными и разноструктурными.

Большинство названных ФЕ относятся к одноструктурным синонимам (тем, которые построены по одной синтаксической модели). Наиболее распространенные модели – «прилагательное + существительное», например: *большой*

человек, важное лицо; и «существительное + причастие»: *власть имущие* и *власть предержащие*.

Разноструктурные синонимы строятся по разным синтаксическим моделям и характеризуются несовпадающим компонентным составом. Из рассматриваемых фразеологических синонимов только ФЕ *сильные мира сего* является разноструктурной по отношению к остальным единицам своего ряда. Например:

Покер в глазах *сильных мира сего* попал в один ряд с попытками микрии игорного бизнеса (РГ, 21.07.09).

Фразеологические синонимы, обозначающие человека, могут различаться по стилистической и эмоционально-экспрессивной окрашенности и по степени употребительности.

Рассматриваемые ФЕ характеризуются разной стилистической принадлежностью (разговорной, книжной). Например: *сильные мира сего* - книжн., *власть имущие* – офиц., *большой человек* – разг. и т.д.

Обычно стилистические различия между синонимами сопровождаются разной эмоционально-экспрессивной окрашенностью, т.к. «коннотативный компонент фразеологического значения тесно связан со стилистической принадлежностью единиц» [2, с. 191].

Фразеологические синонимы также могут отличаться степенью употребительности: некоторые ФЕ являются устаревшими, другие активно используются в современном языке. Например, ФЕ *сильные мира сего* является устаревшей, ФЕ *власть имущие* согласно «Универсальному фразеологическому словарю русского языка» [4] ранее также считалась устаревшей, но в современной публицистике, по нашим данным, этот фразеологизм употребляется достаточно активно, более того, является самым частотным (17 употреблений):

Тем более, стоит учитывать специфический контингент, проживающий в шикарных коттеджах (да что там мелочиться, просто во дворцах!) - их владельцы, люди как минимум богатые, как максимум еще и *власть имущие* (АиФ, 30.10.09). Бывает, звонят поинтересоваться личной жизнью *власть имущих*. Очень волнуются за бывшего мэра Михаила Хоронена (АиФ, 24.09.09). Как известно, не все выдерживают такое испытание – то тут, то там в России возникают скандалы, связанные с тем, что *власть имущие* начинают преследование виртуальных собеседников в реальности (АиФ, 26.06.09).

Члены одного синонимического ряда различаются также своими морфологическими свойствами и синтаксическими функциями. В первом синонимическом ряду (*большой человек*, *важная фигура* и *важное лицо*) единица *важная фигура* активно функционирует в форме мн. числа, а две другие – в форме единственного. Фразеологические синонимы второго ряда (*власть имущие*, *власть предержащие* и *сильные мира сего*) имеют собирательное значение и

употребляются в основном в форме множественного числа, исключение составляет только ФЕ *власть имущие*, которая может иметь форму ед. числа:

Преподобный в то же время вёл себя как *власть имущий*. У него был помощник по устройению опекаемой им дивеевской женской обители Мантуров (АиФ, 05.08.09).

Большинство фразеологизмов, принадлежащих к группе «социальный статус», выступают в роли подлежащего, реализуя субъектное значение именительного падежа. Например, ФЕ одного синонимического ряда выступают в данной синтаксической функции: *власть предержавшие* - в 4 употреблениях, тогда как количество употреблений ФЕ *власть имущие* достигает почти 50% - 9 употреблений из 17:

А *власти предержавшие* пытаются уверить, что жить нам становится все лучше (АиФ, 6.10.09). Если *власть имущие* озаботились государственной идеологией и желанием задуматься о подрастающем поколении, это не вызывает ничего, кроме одобрения (АиФ, 03.11.09).

Довольно активно фразеологизмы-наименования человека группы «общественное положение» употребляются в функции дополнения, которое может быть выражено ФЕ в форме различных косвенных падежей – родительного, винительного, реже - творительного.

В синонимическом ряду *важная фигура*, *важное лицо*, *большой человек* единицы *важная фигура* и *большой человек* чаще употребляются в форме родительного или винительного падежа:

А в Юбилейном в торжество справедливости люди уже не верят: разве будет найдена управа на такого *большого человека*? (РГ, 9.07.09). Предположительно, это должно было увеличить стоимость франшизы, чтобы придать инвесторам вид уважаемых предпринимателей и *важных фигур* в спорте (РГ, 29.07.09).

Во втором синонимическом ряду единица *власть имущие* может употребляться в функции дополнения в родительном и творительном падежах, также, как и *сильные мира сего*:

Хорошо живется только приспособленным и готовым к предательству, лизоблюдству, сговору с *властью имущими* (АиФ, 14.09.09). Чем закончатся эти встречи, покажет время, а пока деятелям культуры остается только уповать на доброту *власти (и деньги) имущих* (АиФ, 14.10.09).

Фразеологизм *власть предержавшие* редко употребляется в функции дополнения, особенно в форме названных падежей.

Фразеологизмы-наименования человека по высокому социальному признаку могут различаться частотой употребления. Если в первом синонимическом ряду нет явного количественного превосходства (*важное лицо* – 1 употребление; *важная фигура* – 2; *большой человек* - также 2 употребления), то в синонимическом ряду *власть имущие*, *власть предержавшие*, *сильные мира сего*

наиболее частотным фразеологизмом является ФЕ *власть имущие* (17 употреблений), а наименее употребительным - *сильные мира сего* (3).

Таким образом, фразеологизмы, характеризующие человека по высокому общественному положению, способны вступать в синонимические отношения. Члены одного синонимического ряда отличаются друг от друга семантическими, стилистическими, морфологическими и синтаксическими признаками, а также частотой употребления.

Список литературы

1. Жуков В.П. Русская фразеология: Учеб. пособие. – М.: Высш.шк., 2006.
2. Ратушная Е.Р. Семантическая структура фразеологизмов в процессе её формирования и функционирования. – Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2000.
3. Чепасова А.М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов: Учеб. пособие. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2006.
4. Универсальный фразеологический словарь русского языка/Под ред. Т. Волковой. – М.: Вече, 2000.

С.П. Иванова

кандидат педагогических наук, доцент

кафедра иностранных языков гуманитарных специальностей

Курганского государственного университета

ОРГАНИЗАЦИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В УСЛОВИЯХ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Система образования в условиях гуманизации, демократизации и интеграции общества обновляется и изменяется. Сегодня абсолютной ценностью общества становится человек – свободная, развитая и образованная личность, а целью образования – всестороннее развитие личности обучаемого как активного субъекта учебной деятельности на основе его внутреннего потенциала. Образование рассматривается как условие для дальнейшего самоопределения и саморазвития личности, вхождения ее в мир культуры, ее социализации и социальной мобильности. Оно ориентировано на переход от образования как передачи знаний к продуктивному образованию, которое позволяет обучаемому овладеть стратегиями образовательной деятельности, конструировать личностные знания и взаимодействовать с другими субъектами образовательного процесса и с окружающим миром как активной, автономной, творческой личности.

В области обучения иностранным языкам главной целью является развитие языковой личности, вторичной языковой личности [5, 1989], способной эффективно осуществлять межкультурное общение во всех его сферах. Языковое образование играет в процессе развития личности ведущую роль, т.к. язык является инструментом создания и интерпретации «образа мира», инструмен-

том проникновения в мировую культуру, социального взаимодействия, формирования и социализации личности.

Преподавание иностранных языков в силу своей коммуникативной природы отличается от других предметов большим творчеством. Эффективное владение иностранным языком предполагает, прежде всего, умение самостоятельно работать над изучением языка, поддерживать и пополнять свои знания и умения, развивать свою коммуникативную и информационную культуру. В связи с этим трудно переоценить роль самостоятельной работы и ее приоритет по отношению к другим видам учебной деятельности при обучении иностранному языку. Она обладает еще одним важным качеством: имеет индивидуализированный характер. Каждый обучаемый использует источник информации в зависимости от своих потребностей и возможностей, работает в своем темпе, чтобы прийти к нужному результату.

В педагогической литературе самостоятельной работой считается работа, при которой:

- учащимся предлагаются учебные задания и руководства для их выполнения;
- нет непосредственного участия учителя, но которая контролируется и оценивается;
- выполнение работ требует от учащихся сознательного участия, наличия познавательных интересов, способности принимать решения самостоятельно и переносить способы решения на другие задачи [4, с.143].

В условиях самостоятельной работы в области изучения иностранного языка и иноязычной культуры воздействие на личностную сферу обучаемого может быть обеспечено ситуацией развития, определяющими характеристиками которой для продуктивной учебной деятельности можно считать следующие:

1. Освоение изучаемого языка и культуры должно происходить преимущественно через овладение стратегиями и приемами его самостоятельного изучения. Данное положение меняет методическую парадигму самостоятельной учебной деятельности по иностранному языку: акцент в самостоятельной работе обучаемого постепенно переносится на модель «продуктивного» изучения языка и культуры. Это означает ориентацию на целенаправленное и опережающее формирование стратегий и умений самостоятельного изучения языка и культуры и развитие учебной компетенции в данной области. Исходным для обучаемого должно быть положение о том, что «непродуктивно полагаться на то, что тебя научат языку на всю жизнь» и «невозможно выучить язык на всю жизнь» [3, с.152].

Необходимо подчеркнуть еще одно важное требование к содержательной стороне самостоятельной учебной деятельности по овладению иностранным языком: ее содержание может и должно быть интегрировано в общее содержание широкой образовательной области «Филология» (язык – коммуника-

ция - культура) и скоординировано с содержанием самостоятельной учебной деятельности по овладению родным языком и культурой. В качестве интегративной основы выступает, с одной стороны, коммуникативная культура и коммуникативная компетенция как цель освоения языка и культуры, а с другой – возможность широкого переноса стратегий и приемов учебной деятельности по освоению языка в условиях мультилингвального обучения (родного языка, первого и второго иностранного).

Интеграция в предметной области «Язык – культура – коммуникация» за счет направленности на формирование учебной компетенции в изучении языка и культуры позволит повысить уровень общей коммуникативной культуры и в силу этого гуманитарного образования и гуманитарной культуры личности [3, с.69].

2. Влияние на личностную сферу обучаемого в процессе самостоятельной учебной деятельности может быть успешным, если содержание этой деятельности имеет личностный смысл. Это обеспечивается за счет аутентичного образовательного контекста, который сокращает разрыв между учебным и реальным использованием и освоением иностранного языка. Ситуация «контекстного типа» воспроизводит реальную ситуацию предметной деятельности и создает условия учебной деятельности, при которых обучаемый имеет возможность «не только деятельности, но и самостоятельности, свободы выбора, самовоспитания» [1, с. 45]. Данные условия обеспечиваются включением обучаемых в ситуацию решения реальных учебно-исследовательских задач, что предполагает совершение реальных предметных действий и поступков, имеющих личностный смысл.

3. Направленность самостоятельной учебной деятельности обучаемого на «открытие языка и культуры» обуславливает поисковый, проблемный характер ее содержания. Это обеспечивается за счет структурирования содержания самостоятельной учебной деятельности в виде определенной программы учебных задач поискового, проблемного, креативного характера, которые отражают реальные цели освоения и использования изучаемого языка.

Анализ содержания самостоятельной учебной деятельности по овладению иностранным языком и иноязычной культурой позволяет выделить следующие учебно-познавательные задачи в данной области:

1) лингвистические задачи: организация языковых средств для последующего использования (составление словарных и грамматических комментариев, опорных схем языковых средств и др.);

2) информационно-познавательные задачи: создание определенного информационного продукта (сочинение, проект, обзор и т.д.);

3) конкретно-практические задачи: создание упражнений для тренировочной работы над языковыми средствами и дополнительной речевой практики.

4. Воздействие на личностную сферу обучаемого предполагает актуализацию в учебной деятельности взаимосвязанных личностных позиций обучаемого как автономного субъекта учебной деятельности. Это требование может быть обеспечено в учебном процессе по иностранному языку и в самостоятельной работе обучаемого за счет личностно-ориентированных технологий, которые создают условия для самостоятельного управления учебно-познавательным процессом со стороны обучаемого и реализации его креативных способностей.

5. Продуктивная самостоятельная работа по иностранному языку должна носить характер сотворчества. Данная работа организуется так, чтобы индивидуальное творчество обучаемого в процессе изучения иностранного языка и культуры сочеталось с творчеством других субъектов учебной деятельности. Это позволит обучаемому оттачивать свои языковые, коммуникативные и личностные качества, вырабатывать и совершенствовать во взаимном обучении свой индивидуальный стиль.

Реализация сформулированных исходных положений предполагает создание инновационной образовательной среды, в которой обеспечивается готовность и способность обучаемого к автономному освоению иностранного языка и иноязычной культуры.

Список литературы

1. Вербицкий А.А. Активное обучение в высшей школе: Контекстный подход.- М., 1991.
2. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам: Пособие для учителя. – М.: АРКТИ, 2000.
3. Коряковцева Н.Ф. Современная методика организации самостоятельной работы изучающих иностранный язык: Пособие для учителей. - М.: АРКТИ, 2002.
4. Пидкасистый П.И. Самостоятельная деятельность учащихся. Дидактический анализ процесса и структуры воспроизведения и творчества. - М., 1972.
5. Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчика). - М.: Высш. шк., 1989.

О.А. Казенас

кандидат педагогических наук, доцент

кафедра французской филологии

Курганского государственного университета

О ЛЕКСЕМАХ FAMILLE / СЕМЬЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Широкий спектр наук (социология, психология, философия, этика, эстетика, культурология, медицина и др.), занимающихся изучением общества в целом, в большей или меньшей степени затрагивают институт семьи.

Лингвистика, лингвокультурология также не остались в стороне.

Исследуются вопросы трансформации концепта «семья» в культуре России (А.С. Сказко), концептуализации семьи в русской языковой картине мира (Е.В. Добровольская), реализации концепта «семья» в политическом дискурсе (Т.В. Андрихина) и др.

Данный перечень не является исчерпывающим, поскольку тема семьи не теряет своей актуальности до тех пор, пока существует общество. Ведь именно семья является его ячейкой, первоэлементом и основой. Кроме того, семья – категория историческая, приобретающая на разных исторических этапах различные формы. Это и послужило толчком к исследованию происхождения и содержания лексем FAMILLE / СЕМЬЯ во французском и русском языках.

Лексема FAMILLE

Французская лексема FAMILLE является достаточно поздним заимствованием из латинского языка. Причем латинское familia происходит от итальянского слова famulus - слуга. Таким образом, familia использовалось для обозначения группы слуг при доме хозяина. Позднее слово стало использоваться для обозначения всех людей, проживающих под одной крышей, независимо от того, являются они родственниками или нет.

Только в VIII веке семантика слова начинает предполагать родственные отношения. Но для того, чтобы окончательно закрепиться в своем современном значении, оно должно было выдержать конкуренцию со стороны других слов, существовавших в старофранцузском языке: parentage, lignee, mesnie.

Но и во французском языке слово претерпевает те же семантические изменения, что и в латинском, и до XIV века обозначает всех людей, проживающих под одной крышей, и чаще только домашних работников. А вот идея близкого родства появляется достаточно поздно (только к 1580 году). Иначе говоря, идея родства и совместного проживания формируется сравнительно недавно.

В XVII веке лексема FAMILLE начинает использоваться для обозначения людей, имеющих общее происхождение, а позднее группы людей, имеющих сходные черты. Последнее послужило основанием для проникновения слова в естественные науки.

В связи с вышесказанным и на основе анализа толковых словарей французского языка семантическое поле FAMILLE может быть представлено в следующем виде:

FAMILLE

1. Юридический институт, объединяющий людей, связанных законным браком, узами крови, усыновления: отец, мать, дети: chef de famille.
2. Дети по отношению к своим родителям: une famille nombreuse; etre charge de famille.

3. Группа проживающих совместно кровных родственников: *une famille royale*.

4. Родственники (от поколения к поколению): *la famille des Habsbourg*.

5. Группа людей или предметов, имеющих общие черты: *famille politique, famille spirituelle*.

6. Все представители одного религиозного ордена, монастыря; философы одной школы: *les philosophes de la famille de Platon*.

7. Право: *livret de famille; code de la famille* – семейный кодекс.

8. Лингвистика: *famille de langues* – группа языков, имеющих общее происхождение; *famille de mots* – однокоренные слова.

9. Ботаника и зоология: для классификации растений и животных, имеющих общие морфологические или физиологические черты: *les singes et les makis forment deux familles distinctes*.

10. Химия: для классификации химических элементов и веществ: *la famille des sels*.

11. Алгебра: множество элементов данного целого: *une famille indexee*.

12. Геометрия: множество.

13. Электроника: класс.

Во французском языке слово **FAMILLE** послужило для образования ряда однокоренных слов:

Familial, ale adj. – семейный.

Familialement adv. – по-семейному.

Familialisme n.m. – тенденция, направленная на абсолютизацию роли семьи.

Familialiste adj. – сторонник данной тенденции.

Помимо этого, лексема **FAMILLE** входит в состав ряда устойчивых словосочетаний:

en famille – в кругу семьи, по-семейному;

de famille – medecin de famille – семейный врач;

faire partie de la famille – тот, к кому относятся как к члену семьи;

attendre (de la) famille (Belgique, Suisse) - ждать ребенка, быть беременной;

avoir un air de famille - быть похожим;

c'est de famille! – черта характера, манера поведения, свойственные другим членам семьи;

ces messieurs de la famille... - на похоронах, члены семьи усопшего;

les deux cents familles – семьи, которые обладают экономическим могуществом, богатством (во Франции);

de bonne famille - по отношению к тому, кто является выходцем из знатной семьи (часто иронич.)

Лексема СЕМЬЯ

В русском языке слово СЕМЬЯ происходит от восточно-славянского *сьемь*, что означало «работник, слуга, домочадец». В устном народном творчестве слово использовалось также в значении «жена». Возможно предположить, что первоначально слово СЕМЬЯ в русском языке также как и его французский эквивалент использовалось для обозначения группы людей, в том числе и не являющихся родственниками, проживающих совместно.

Слово СЕМЬЯ претерпело сужение значения (перестало употребляться в своем первоначальном значении), но расширило сферу своего употребления.

Семантическое поле лексемы СЕМЬЯ в современном русском языке может быть представлено следующими определениями:

СЕМЬЯ

1. Группа людей, состоящая из родителей, детей, внуков и близких родственников, живущих вместе: член семьи, глава семьи.
2. Родственники (от поколения к поколению): происхождение семьи.
3. Организация, группа людей, сплоченная общими интересами: кооперативная семья, дружная семья народов.
4. Группа животных, птиц, состоящая из самца, самки и их детенышей, а также обособленная группа некоторых животных или растений одного вида: семья медведей, пчелиная семья.
5. Языкознание: семья языков – группа родственных языков.

Как видим, семантическое поле русской лексемы СЕМЬЯ оказывается намного уже семантического поля французской лексемы FAMILLE.

Дальнейшее исследование показало, что в русском языке существует ряд слов, в том числе и однокоренных, которые в той или иной степени имеют сходные значения:

Семейка – уменьш. к семья.

Семейство – то же, что и семья в 1 знач. (устар.).

Что касается слова СЕМЕЙСТВО, то помимо основного значения «семья, прибавление семейства» слово используется в систематике животных и растений: группа из нескольких близких между собой родов (биол.): семейство собачьих, семейство лилейных.

Следует отметить, что в русском языке сохранилось и само слово ФАМИЛИЯ. В сознании современного русского человека это слово ассоциируется

прежде всего со значением наследственного семейного наименования, прибавляемого к личному имени и переходящее от отца (или матери) детям, а также (до революции, теперь не обязательно) от мужа к жене: переменить фамилию, девичья фамилия.

Однако раньше слово ФАМИЛИЯ использовалось и в значениях:

- семья, члены семьи: «Наблюдайте вашу болезнь. К тому же вот к вам и фамилия теперь приехала, о ней то попомните» (Достоевский);
- род: ряд поколений, происходящих от одного предка, а также вообще поколение: Пушкин принадлежал к старинной дворянской фамилии.

В связи с этим слово ФАМИЛИЯ послужило образованию прилагательного ФАМИЛЬНЫЙ со значениями:

- принадлежащий семье: фамильный архив;
- наследственный, передающийся по фамилии: фамильное сходство.

Кроме того, семантическое поле русской лексемы СЕМЬЯ включает в себя ряд однокоренных слов:

Семейность ж. – то же, что семейственность.

Семейный – 1. Имеющий семью, не одинокий. 2. Прил. По знач. связанное с жизнью в семье: семейная жизнь, семейное право || Общий, принадлежащий семье: семейное достояние || Предназначенный для семей, для членов семьи: семейный вечер. 3. перен. Совершаемый без формальностей, не общественно, скрытно от других (разг. неодобрит.)

Семейно нареч. – сообща с семьей.

По-семейному нареч. – то же, что семейно.

Семейственность ж. – (разг.) Отвлеч. сущ. к семейственный|| Приверженность к семье, свойство семьянина, любовь к семейной жизни|| Ведение дел по своекорыстному сговору, негласно, по-семейному (неодобрит.): изжить кумовство и семейственность в работе.

Семейственный – 1. То же, что семейный во 2 знач. (книж. устар.): Когда б семейственной картиной пленился я хоть миг единый. Пушкин. 2. Любящий семейную жизнь, приверженный к семье (разг.): семейственный человек, семейственный дух. 3. Лишенный общественного характера, совершаемый негласно, своекорыстно, по сговору (разг. неодобрит.). Семейные бани (дореволюц.) – бани с отдельными номерами, в отличие от общих.

Семейственно (нареч.) – по-семейному.

Семьянин, семьянинка – тот, кто обладает необходимыми для семейной жизни качествами.

Сужение семантического поля лексемы СЕМЬЯ происходит также за счет того, что в систематике животных и растений для обозначения группы животных и растений, обладающих общими признаками, используется лексема РОД.

Таким образом, при сопоставлении семантических полей французской лексемы FAMILLE и лексемы СЕМЬЯ русского языка можно сделать следующие **ВЫВОДЫ**:

- обе лексемы первоначально использовались для обозначения слуг или работников, проживающих под одной крышей с хозяином;

- французская лексема FAMILLE имеет более широкую сферу употребления и используется в различных науках, например, таких как биология, зоология, право, математика и др., а не только в языкознании в отличие от лексемы СЕМЬЯ русского языка, который использует для этого другие лексемы и обязательно однокоренные;

- синонимический ряд лексемы FAMILLE ограничен одним членом, в то время как лексема СЕМЬЯ имеет ряд синонимов, который включает и неоднокоренные слова, а также слова, отличающиеся своей стилистической окраской;

- ряд значений лексемы FAMILLE передается в русском языке другими лексемами;

- семантическое поле лексемы СЕМЬЯ оказывается более разнообразным и неоднородным за счет включения устаревших и разговорных значений слов, а также их использования в неодобрительных значениях, в то время как французское FAMILLE лишь однажды встречается с пометкой иронич.;

- каждое из семантических полей сопоставляемых лексем отражает культурные особенности языков (*livret de famille, les deux cents familles, attendre (de la) famille* во французском языке, семейные бани в дореволюционной России), обозначая свойственные этим языковым культурам реалии и явления;

- культурное своеобразие сопоставляемых языков находит свое отражение и при анализе собственно толкований лексем FAMILLE и СЕМЬЯ: во французских толковых словарях семья ограничивается родственниками одного поколения (отец, мать, дети, в том числе приемные), хотя акцент делается именно на многочисленность семьи и ее репутацию; в толковых словарях русского языка в состав семьи входят родственники разных поколений (например, внуки) и подчеркиваются дружеские внутрисемейные отношения.

С.С. Коваленко
кандидат филологических наук, доцент
кафедра английского языка и перевода
Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ЖАНР» И «СТИЛЬ» В ДИСКУРСЕ СМИ

В современной лингвистике существует три различных подхода к проблеме жанров:

1) лексический, предполагающий обращение к номинациям жанров, толкованию их семантики;

2) стилистический, предполагающий анализ текстов в аспекте их языковой природы, включая композицию, отбор специфической лексики и т.п.

3) речеведческий, предполагающий исследование речевого жанра как особой модели высказывания, а именно: исчисление моделей и изучение их воплощения в различных речевых ситуациях.

Исследователи, работающие в русле речеведческого подхода (М.Н. Кожина, Т.В. Шмелева), говорят о наличии в речевом сознании «типового проекта», канона, схемы речевого жанра, интуитивное представление которого эксплицируется в модели речевого жанра (далее - РЖ) [1, с. 91]. Модель РЖ характеризуется по семи основным признакам: коммуникативная цель (основополагающий признак), образ автора, образ адресата, образ прошлого, образ будущего, диктумное (событийное) содержание и языковое воплощение.

Важными для изучения РЖ являются также такие их неотъемлемые свойства, как смена субъекта речи и диалогичность, связанная с взаимодействием людей в ходе речевого общения и деятельности [2].

Все признаки, которыми обладает жанр, проявляют себя в его речевом воплощении – употреблении. Жанры, по мнению М.М. Бахтина, это «определенные, относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» [3, с. 241].

Исследователи выделяют различные типы жанров, в первую очередь разграничивая их на устные и письменные, что связано с формой передачи информации в речевой коммуникации. Структура письменных жанров тяготеет к более жесткой монологической форме речевых произведений, тогда как устные жанры позволяют большую вариативность в использовании языковых средств [4].

Порождение (употребление) РЖ начинается с появления замысла, который определяет предмет речи и его границы, с одной стороны, и выбор жанровой формы, с другой. Однако замысел впоследствии корректируется выбранным жанром. В результате этого взаимовлияния формируются стиль и композиция.

Однако вопрос об отношениях жанра и стиля сложен. Давно обсуждается проблема: является ли жанр частью стиля или наоборот? В современной науке существует несколько точек зрения относительно этого вопроса. Функциональные стили в лингвистической литературе рассматриваются как производные от функций языка (общение, сообщение и воздействие, по Виноградову [5]), и, соответственно, выделяются обиходно-бытовой, обиходно-деловой, официально-документальный, научный, художественно-беллетристический и публицистический стили), как производные от сферы употребления языка с учетом экстралингвистических форм общественной деятельности (общественных институтов) [6], от формы проявления языка (устная – письменная), от вида речи (монологическая – диалогическая), от способа общения (массовый – индивидуальный), а также тона, или регистра, речи (высокий, нейтральный, сниженный), как производные от трех базовых дифференциальных признаков – эмоциональность/неэмоциональность, спонтанность/неспонтанность, нормативность/ненормативность [7]. Другие исследователи отмечают также, что речевые жанры неразрывно связаны со стилем, обусловлены им.

Некоторыми исследователями высказывается вполне рациональная мысль о сквозных (вертикальных) жанровых формах, способных, сохраняя свою жанровую природу, проявляться в различных стилях речи [8]. Эта способность, впрочем, как считают некоторые исследователи, свойственна не жанру в узком понимании этого термина, а минимальной жанровой единице, «субжанру», которая может выступать во внутрижанровой интеракции на правах речевых тактик, равных одному речевому акту [4, с. 110].

Представленные в газетно-публицистическом стиле различные жанры (интервью, очерк, репортаж и т.д.) по-разному репрезентируют одно и то же событие в зависимости от своих жанровых характеристик: так, например, репортаж с места события будет отличаться наличием большего количества фактической информации, в то время как аналитический очерк будет характеризоваться оценочностью и высокой степенью идеологичности.

Однако, как свидетельствует исследованный материал, выделить в «чистом» виде тот или иной жанр в СМИ или даже отнести тот или иной текст к какому-то определенному стилю порой бывает весьма затруднительно. Современные газетно-журнальные статьи в значительном числе случаев проявляют тенденции к разнообразию речи, отталкиванию от штампа, к взаимопроникновению междужанровых границ.

На построение соответствующих текстов существенное влияние оказывают конкретные установки и цели отправителя информации, его индивидуальные знания и умения, его информированность об описываемом событии.

Это выражается в том, что в тексты, информирующие о том или ином событии, включаются:

- фактические данные из разных источников в сопоставлении этих данных;

- мнения, точки зрения участников события, «заинтересованных сторон» в их сопоставлении;

- наряду с оценками объективного характера встречаются прямые «авторские» оценки описываемых событий;

- элементы разговорной речи, «сниженного» стиля, жаргонизмов и т.п.

Иными словами, наблюдается явная либерализация норм, перемещение границ стилей в сторону большей свободы.

Список литературы

1. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. – Саратов: Изд-во Гос. УНЦ «Колледж», 1997.
2. Кожина М.Н. Некоторые аспекты изучения речевых жанров в нехудожественных текстах // Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. науч. тр. - Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1999.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979.
4. Седов К.Ф. Жанр и коммуникативная компетенция // Хорошая речь. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2001.
5. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М.: Мысль, 1963.
6. Карасик В.И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмоциональные аспекты: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 1998.
7. Долинин К.А. Стилистика французского языка. – М.: Наука, 1987.
8. Орлова Н.В. Жанры разговорной речи и их «стилистическая обработка». К вопросу о соотношении стиля и жанра // Жанры речи. – Саратов: Изд-во Гос. УНЦ «Колледж», 1997.

Е.Н. Коваль

старший преподаватель

кафедра французской филологии

Курганского государственного университета

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА, ОПИСЫВАЮЩИЕ ЧЕЛОВЕКА ПО ОБЩЕМУ ЭСТЕТИЧЕСКОМУ ВПЕЧАТЛЕНИЮ

Среди фразеологизмов, описывающих человека по внешним свойствам, выделяются ФЕ, обозначающие человека по общему эстетическому впечатлению от внешности. Всего нами было отобрано 81 ФЕ с данным значением.

Анализ фразеологизмов показал, что среди семантико-грамматических классов самыми распространенными являются атрибутивные (38 из 81) и предметные ФЕ (31 из 81). Процессуальные ФЕ представляют самую малочисленную группу (12 из 81).

Семантический анализ фразеологизмов позволил разделить их на две большие группы: ФЕ со значением «красивый» (56 из 81) и ФЕ со значением «некрасивый» (25 из 81).

Помимо основного значения «красивый / некрасивый» были отмечены случаи контаминации. Мы выделили следующие дополнительные значения ФЕ:

1. Пол (13):

prix à reclamer – некрасивая девушка, дурнушка;
remède contre (или à) l'amour – страшилище (о женщине);
beau mâle _{разг} – красивый мужчина;
miroir à grues _{арго} – смазливый парень.

2. Возраст (3 ФЕ):

beau comme un Jésus – хорошенький, премиленький (о детях);
beau (joli) comme un chérubin – красивый, хорошенький как херувимчик (о детях);
avoir de la dent – быть красивым, быть молодым.

3. Телосложение (2):

être bien [mal] (fait) de sa personne – обладать приятной [неприятной] наружностью, иметь хорошую фигуру;
un chat écorché – замухрышка (о человеке худого телосложения).

4. Одежда (2):

laid à faire peur – страшен как смертный грех, быть странно и смешно одетым;
épouvantail à chenevière – огордное чучело, пугало, страшилище (о безвкусно одетом человеке).

Кроме того, небольшое количество фразеологизмов объединяет в себе одновременно несколько значений, например:

1. Пол + телосложение (5):

un beau (joli) brin de fille _{разг} – здоровая, крепкая, красивая женщина;
un beau morceau (de femme) _{разг} – видная, статная женщина;
bel homme – крупный мужчина; красивый мужчина;
gros (villain) marsouin _{груб} – уродина (об уродливом мужчине, плохо сложенном);
villain marabout _{разг} – образина (об уродливом, плохо сложенном мужчине).

2. Пол + возраст (2):

une vieille taupe _{арго} – отвратительная женщина, жаба (о старой, некрасивой женщине);
beau (joli) garçon – красивый молодой человек, красавчик.

3. Пол+одежда (1):

joli coeur – красавчик, сердцеед; щёголь.

Формирование значения фразеологизмов в некоторых случаях зависит от значения компонентов, входящих в их состав. Так, в формировании значений «красивый / некрасивый» во фразеологизмах участвуют прилагательные, имеющие эти значения (*beau* (красивый), *joli* (милый), *mignon* (миленький), *gentil* (милый, славный); *hideux* (безобразный), *laid* (уродливый), *vilain* (гадкий, мерзкий)), а также целый ряд слов, которые ассоциируются с понятиями красоты и уродства. Среди компонентов, ассоциирующихся с понятием красоты, можно выделить следующие слова:

- 1) время и явления природы (*soleil_m* – солнце, *astre_m* – небесное светило, *jour_m* – день; *lever du soleil_m* – восход солнца);
- 2) абстрактные понятия (*beauté_m* – красота, *idéal_m* – идеал);
- 3) персонажи (*roi_m* – король, *reine_f* – королева, *prince_m* – принц, *Adonis*, *Apollon*, *Diane*, *nymphe_f* – нимфа, *chérubin_m* – херувим, *dieu_m/déesse_m* – бог / богиня, *ange_m* – ангел, *fée_f* – фея).

Среди слов, ассоциирующихся со значением «некрасивый», также можно выделить абстрактные имена существительные и персонажи, но более многочисленной является группа зоонимов:

- 1) зоонимы (*taupe_m* – крот, *chèvre_f* – коза, *singe_m* – обезьяна, *magot_m* – макака, *guenon_f* – обезьяна, *marsouin_m* – морская свинка, *crapaud_m* – жаба, *chenille_f* – гусеница, *pou_m* – блоха);
- 2) абстрактные имена существительные (*misère_f* – нищета, *péchém* – грех);
- 3) персонажи (*Méduse*, *démon* – демон).

В целом можно сделать следующие выводы:

1. Среди семантико-грамматических классов фразеологизмов, описывающих человека по общему эстетическому впечатлению, самыми распространенными являются атрибутивные (38 из 81) и предметные ФЕ (31 из 81).

2. Помимо основного значения «красивый / некрасивый» фразеологизмы имеют дополнительные значения, такие как пол, возраст, телосложение, одежда.

3. Среди компонентов, входящих в состав фразеологизмов, можно выделить слова (прежде всего прилагательные), имеющие значение «красивый / некрасивый», а также понятия, ассоциирующиеся у носителей языка с этими значениями: абстрактные понятия, персонажи, явления природы, зоонимы.

Список литературы

1. Новый большой французско-русский фразеологический словарь / Гл. ред. В.Г. Гак. – М.: Русский язык медиа, 2006.
2. Французско-русский фразеологический словарь / Гл. ред. Я. И. Рецкер. – М., 1963.

Е.А. Кожокина

старший преподаватель

кафедра иностранных языков гуманитарных специальностей

Курганского государственного университета

К ВОПРОСУ О ПРЕПОДАВАНИИ ДЕЛОВОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

Преподавание делового английского языка (Business English) постепенно начинает входить в программу обучения на неязыковых факультетах высшей школы. Главной предпосылкой эффективности обучения деловому английскому языку является мотивированность обучения, так как рыночная экономика, кото-

рая становится все более ощутимой во всех сферах экономической, социальной и общественной жизни, требует от специалистов многих областей, в том числе и от будущих юристов, делопроизводителей, социологов, знаний по бизнесу.

Многие зарубежные и российские исследователи и практики занимались проблемой делового общения и представили большое количество пособий (David Cotton, Michael Lannon, Т.Н. Астафьева, Рик Бриггер, Т.М. Десяткова). Возможно, однако, что именно в разнообразии материалов и пособий заключается определенная сложность преподавания делового английского. Дело в том, что единого универсального пособия по Business English, на наш взгляд, пока не существует. Некоторые пособия ограничиваются обучением письменному аспекту; другие издания представляют информацию лишь по некоторым аспектам языка деловой и экономической жизни и предпринимательству, а издаваемые в Великобритании и США серии «English for professional purposes» ориентированы исключительно на западную деловую среду и не учитывают российскую специфику ведения бизнеса.

Многие исследователи выделяют следующую дифференциацию подхода к обучению деловому английскому языку:

- 1) общий деловой английский язык (General English), который не ограничен рамками какой-либо профессиональной области;
- 2) деловой английский для специальных целей (Business English for specific Purposes), который учитывает специализированную профессиональную специфику.

К предложенной выше дифференциации можно добавить еще одну:

- 1) эксплицитная модель представления учебного материала предлагает четкий набор упражнений и заданий, направленных на развитие четырех основных умений (аудирование, говорение, чтение, письмо);
- 2) имплицитная модель формирования учебного курса. В основе такого подхода лежит, с одной стороны, максимум исходного материала (тексты и высказывания), а с другой стороны, весьма ограниченный набор упражнений и заданий. Данная модель поощряет творческую инициативу и индивидуальную деятельность как преподавателя, так и изучающего английский язык делового общения.

На основе анализа научной и методической литературы по данной проблеме была выделена совокупность целого ряда факторов для эффективного обучения делового общения: языковая, коммуникативная, профессиональная, культурная и управленческая.

Главной целью обучения делового английского языка студентов неязыковых специальностей является развитие у них языковой и коммуникативной компетенции в деловых вопросах, связанных с их специальностью.

Для выполнения главной цели обучения занятия по деловому английскому языку должны способствовать совершенствованию общего и языкового об-

разования, расширению общеупотребляемых терминов делового общения, совершенствованию специальных умений и применению приобретенных знаний и умений делового общения в конкретных ситуациях, связанных со специальностью обучающихся.

Несомненно, Business English – это широкое многоаспектное явление, охватывающее как письменный, так и устный аспекты обучения. В своей практике работы мы используем многоаспектное и многоцелое преподавание этого курса, а именно: сочетание устных форм обучения (дискуссия, ситуативные диалоги, устный подготовленный и неподготовленный перевод на заданную тему, ролевая игра) и письменных форм обучения (написание деловых писем разных типов, перевод и составление соглашений и контрактов по заданным условиям, ведение протоколов во время деловых встреч). Многоаспектность отражается и в тематическом плане курса, т.е. каждая изучаемая тема включает в себя письменный, устный и творческий аспекты.

Таблица 1

Многоаспектное представление некоторых тем на неязыковых факультетах

Название темы	Устный аспект	Письменный аспект	Творческий аспект
1. Как организовать презентацию	Анализ прочитанного текста «Сила языка» (пример презентации)	Написание презентации на заданную тему	Показ презентации в устной форме с применением компьютера
2. Прием на работу	Анализ рекламных объявлений	Обучение написанию резюме и сопроводительного письма к нему	Ролевая игра «Собеседование о приеме на работу»

Для изучения темы проводится тщательная работа над каждым аспектом (устным, письменным, творческим). Преподаватель должен уделять больше внимания введению нового фактического материала и лексики, проверке их усвоения студентами. В своей практике мы предлагаем обучаемым оригинальные и строго ориентированные на конкретные темы деловой жизни тексты, описывающие проблемные ситуации и представляющие фактическую информацию, а также содержащие определенное количество специальной лексики и современных идиоматических выражений.

Для проверки понимания текстов мы подбираем упражнения, которые развивают память, языковую догадку и логическое мышление студентов. Упражнения типа «multiple choice» также представляются полезными в связи с тем, что они широко используются в западных текстах, и российские студенты должны приобретать такой опыт. Интересны и полезны тексты типа «quiz», стимулирующие мыслительную деятельность студентов.

Особой формой обучения Business English является ролевая игра, используемая как метод обобщения пройденного материала, позволяющая более эф-

фактивно проверить знания и умения пройденного материала и развить навыки спонтанной речи и свободной импровизации.

Итак, обучение деловому английскому языку (Business English) начинает приобретать большое значение для студентов неязыковых специальностей, так как способствует развитию у них языковой и коммуникативной компетенции в деловых вопросах их специальности (юриспруденции, делопроизводства, социологии). А знания по бизнесу всегда будут востребованы в условиях рыночной экономики. Практический опыт преподавания курса показал, что Business English вызывает большую заинтересованность у обучаемых и стимулирует их творческую и предпринимательскую активность.

Список литературы

1. Вестон Лиин, Холсолл Элиноор. Деловой английский за 30 дней: Учеб. пособие. – М.: ООО «Изд-во Астрель», 2005.
2. Johnson Christine, Trapple Tonya. Intelligent Business. – Longman, 2009.
3. Сайперс Линда. Практика делового общения: Путеводитель по миру делового английского. – М.: Рольф, 2001.
4. Вишнякова-Вишневецкая Н.П. Дистанционное обучение как перспективная образовательная технология. – СПб., 2004.

Е. А. Корикова

*кандидат филологических наук, доцент
кафедра английской филологии*

Курганского государственного университета

Е.В. Шевцова

студентка 521 группы

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ «ROSE» В ПОЭЗИИ ТОМАСА СТЕРНСА ЭЛИОТА

Томас Стернс Элиот родился в США, но прожил большую часть своей жизни в Англии. Он был школьным учителем, профессором литературы, поэтом и видным литературным критиком. В своем творчестве тяготел к символизму и мистике.

Прежде чем описывать специфику поэтической окказиональной фразеологии с компонентом «роза» в лирике Элиота, раскроем значение грамматически главного компонента этих фразеологизмов. Лексема «rose», судя по толковому словарю, не так уж многозначна.

«Rose –

1) a flower with a sweet smell that grows on a bush with thorns (sharp points) on its stems;

2) a deep pink color;

3) a sprinkling-nozzle with many holes, e.g. on a watering can or hosepipe» [2, с. 1322].

Фразеологизмы с этой лексемой часто имеют семы *удача, прелесть, счастье* (success, pleasures, happiness)

- A bed of roses – pleasant, easy conditions of life.
- Not all roses – not all perfect, having some discomfort or disadvantages.
- No rose without a thorn – pure happiness cannot be found.
- Gather life's roses – seek for pleasures of life.
- Be coming up roses (informal) (of a situation) – to be developing in a successful way.

- Put roses in smb's cheeks (Br.E., informal) – to make smb look healthy.

A rose by any other name would smell as sweet (saying) – what is important, is what people or things are, not what they are called [2, с. 1322].

- Under the rose – secretly (SUB ROSA)
- See smth through rose-colored glasses/spectacles – to think (smth) is pleasanter than it really is [3, с. 1431].
- Come up smelling of roses – to come out of a difficult situation with your reputation better than it was before, especially if you don't deserve it.
- Everything's coming up roses (for smb) – used for saying that things are beginning to be very successful for someone [4, с. 1235].

Словари символов дают широкое толкование этой лексемы, это не случайно. Роза - очень сложный амбивалентный символ, поскольку обозначает и небесное совершенство, и земную страсть, время и вечность, жизнь и смерть, плодородие и девственность. На Западе роза и лилия занимают место восточного лотоса, мистическая роза - близкий его аналог по значению. Роза - это совершенство, завершенность, таинство жизни, неведомое, красота, благодать, счастье, но также сладострастие, страстность; в сочетании с вином - чувственность и соращение. Символизируя сердце, роза занимает положение в центре креста - точку единения. Как цветок женских божеств роза означает любовь, жизнь, творчество, плодородие, красоту, а также девственность [1].

Увядание розы символизирует смерть, смертность и скорбь. Ее колючки - боль, кровь и мученичество. В похоронных обрядах она символизирует вечную жизнь, вечную весну, воскресение. Роза символизирует также молчание и тайну - нечто говорится *sub rosa*, т. е. наедине, поэтому не подлежит разглашению. Розу вешают или рисуют в залах для совещаний, что символизирует секретность и осторожность. *Золотая роза* означает совершенство; *красная* - желание, страсть, радость, красоту, завершенность (это цветок Венеры, кровь Адониса и Христа); *белая роза* - это цветок света, невинность, девственность, духовное раскрытие, очарование; *красная и белая розы* символизируют союз огня и воды, соединение

противоположностей; *голубая роза* - символ недостижимого и невозможного. *Четырехлепестковая роза* олицетворяет четверичное деление космоса, *пятилепестковая* - микрокосм, а *шестилепестковая* - макрокосм.

Розетка - это изображение розы (или лотоса) при взгляде сверху. Роза ветров рисуется в виде круга, охватывающего двойной крест, что символизирует четыре стороны света вместе с промежуточными направлениями, тем самым она разделяет символическое значение круга, центра, креста и лучей солнечного колеса. Розовый сад - символ рая и место мистического брака, единство противоположностей [1].

В алхимии роза - это мудрость, а *rosarium* - это работа; кроме того, это символ возрождения духовного после смерти тленного.

В Китае означает благоухание, сладость в запустении, процветание. Ее метафизическая символика связана с лотосом.

В христианстве роза - цветок рая благодаря своей красоте, совершенству и благоуханию. Белая роза - невинность, чистота, целомудрие, Дева Мария; красная - милосердие и мученичество, она выросла из капель крови Христа на Голгофе. Гирлянда роз - символ небесного блаженства и Богородицы как Розы Небес, роза Шарона - это церковь. Шипы розы - это грехи, начавшиеся с грехопадения, а роза без шипов, или Мистическая Роза, - это Богородица, освобожденная непорочным зачатием от последствий первородного греха. Золотая роза - эмблема Папы, означающая также особое папское благословение [1].

В Египте розы были посвящены Изиде, символизируя чистую любовь, освобожденную от всего плотского, и использовались в мистериях Изиды и Озириса.

В греко-римской традиции роза - торжествующая любовь, радость, красота, желание; эмблема Афродиты (Венеры). Розы выращивались в садах при склепах как символ воскресения и вечной весны. Их приносили на празднества Розалии и разбрасывали на могилах. Римский император носил венок из роз. Красная роза выросла из крови Адониса. Роза - эмблема Авроры, Гелиоса, Диониса и муз.

Еврейская традиция (каббала): центр цветка - это Солнце, лепестки - бесконечное, но гармоничное разнообразие природы. Роза происходит от Древа Жизни.

В индуизме к символике мистической розы добавляется лотос как атрибут духовного центра, особенно чакр.

В исламе роза символизирует кровь пророка, а также двух его сыновей, Хасана и Хусейна, его два глаза или две розы. В Багдадской Розе первый круг символизирует закон, второй - путь, третий - знание; а все три - Истину и имена Аллаха.

В философии розенкрейцеров роза и крест - мистическая роза как колесо и крест: роза - божественный свет вселенной, а крест - переходящий мир

страдания и жертвы. Роза растет на Дереве Жизни, что символизирует возрождение и воскресение. Роза в центре креста - это четыре элемента и точка их единства [1].

Безусловно, фразеологизмы с компонентом «rose» в творчестве Томаса Стернса Элиота часто вбирают в себя многогранный символический потенциал лексемы, которая участвует в формировании структуры фразеологического значения. Сложно найти у такого своеобразного и мистического по сути поэта узуальную фразеологию. В дискурсе его творчества фразеологические единицы подвергаются значительному преобразованию как структурно, так и семантически. Более того, автор на основе узуальных единиц создает окказиональные. Они и вызывают, на наш взгляд, особый интерес: **The single Rose, Rose of memory, Rose of forgetfulness.**

Например, в стихотворении «Пепельная среда» мы выявили три окказиональных фразеологизма с компонентом «rose». Тема стиха связана с религией и католической символикой. Само название «Пепельная среда» называет первый день поста у католиков. Не случайно в ходе церемонии священник чертит пеплом крест на лбу кающегося и произносит: «Помни, о человек, что прах ты и в прах возвратишься». Таким образом, в контексте стихотворения единица **The single Rose** называет рай. В стихотворении описывается Эдемский сад, и автор неоднозначно говорит, что «The Single Rose is now the Garden». В данном случае перед нами метонимичный перенос, метаморфоза, при которой роза становится садом.

Фразеологизмы **Rose of memory** и **Rose of forgetfulness** («Ash Wednesday») называют «память» и «забвение», «небытие» - единицы, опять же непосредственно связанные в нашем сознании со смертью. Память, забвение, смерть бессмертного – эти концепты находят у Элиота отражение в символе розы: «Lady of silences / Calm and distressed / Torn and most whole \ **Rose of memory** \ **Rose of forgetfulness** \ Exhausted and life-giving \ Worried reposeful \ **The single Rose** \ Is now the Garden \ Where all loves end \ Terminate torment \ Of love unsatisfied \ The greater torment \ Of love satisfied \ End of the endless \ Journey to no end \ Conclusion of all that \ Is inconclusible \ Speech without word and \ Word of no speech \ Grace to the Mother».

По нашим наблюдениям все три фразеологизма, благодаря контексту, включают в себя семы *женщина* и *мать* (Lady of silences, Grace to the Mother). Сема смерти, таким образом, актуализируется через конец любви (символ жизни): «...For the Garden / Where all love ends».

В «Четырех квартетах» («Four quartets») мы снова видим **Rose Garden**: «What might have been and what has been \ Point to one end, which is always present. \ Footfalls echo in the memory \ Down the passage which we did not take \ Towards the door we never opened \ Into the **rose garden**. My words echo \ Thus, in your mind». Еще раз о смерти напоминает нам все тот же прах, пыль: «Disturbing **the dust on a bowl of rose-leaves**».

«Четыре квартета» (40-е годы) были написаны на 10 лет позже «Пепельной среды» (1930), и здесь мы можем проследить эволюцию религиозных взглядов писателя. Тема некоего царства смерти в обоих произведениях перекликается, но в «Четырех квартетах» мы видим, что Элиот начинает уходить от католических традиций, увлекаясь восточной философией. Об этом нам снова говорит роза, но уже в новой своей метаморфозе. Она трансформируется в лотос: «Dry the pool, dry concrete, brown edged, / And the pool was filled with water out of sunlight, / And **the lotus rose**, quietly, quietly, / The surface glittered out of heart of light, / And they were behind us, reflected in the pool».

Можно предположить, что лотос и является символом бессмертного в этом мире, в то время как все остальные розы покрыты пеплом, восточная роза лотоса излучает свет и лежит на поверхности пруда, отдельно от всех.

Далее (в третьей части «The Dry Salvages») мы встретим упоминание о Кришне, опять же в контексте с розой, на этот раз Царской: «I sometimes wonder if that is what Krishna meant - / Among other things - or one way of putting the same thing: / That the future is a faded song, a **Royal Rose** or a lavender spray / Of wistful regret for those who are not yet here to regret, / Pressed between yellow leaves of a book that has never been opened».

Столкновение прошлого с будущим, концепция времени в понимании Элиота - миг в розовом саду: «Time past and time future / Allow but a little consciousness. / To be conscious is not to be in time / But only in time can the **moment in the rose-garden**, / The moment in the arbour where the rain beat, / The moment in the draughty church at smokefall / Be remembered; involved with past and future».

Во второй части «Четырех квартетов» («East Coker») мы видим две параллельные конструкции, находящиеся в разных частях стихотворения, но одинаково обозначающие концепцию жизни и смерти через цвет: «**Red into grey** and tumble down / **Late roses filled with early snow**»; «And quake in frigid purgatorial fires / Of which the **flame is roses**, and the **smoke is briars**».

Традиционно красный цвет обозначает жизнь и любовь, серый - смерть и упадок. Пламя и дым, соответственно, ассоциируются с этими же красками. Совмещая красное и серое, автор создает аллегорическую картину: розы умирают, следовательно, умирает жизнь. В состав фразеологии входит сема *смерть бессмертного*.

Подобные сравнения повторяются и в четвертой части произведения («Little Gidding»): «Ash on and old man's sleeve / **Is all the ash the burnt roses leave**»; «**And the fire and the rose are one**».

В последней части также появляется некий призрак розы, выраженный окказиональной фразеологической единицей, символизирующей смерть: «Why should we celebrate / These dead men more than the dying? / It is not to ring the bell backward / Nor is it an incantation / To summon **the spectre of a Rose**».

Ставит точку и является логичным завершением поэмы последняя глава, в середине которой роза противопоставляется дереву тиса. Роза - жизнь. Тис - смерть. Мгновение жизни равно мгновению смерти: «We die with the dying: / See, they depart, and we go with them. / We are born with the dead: / See, they return, and bring us with them. / **The moment of the rose and the moment of the yew-tree / Are of equal duration.** A people without history / Is not redeemed from time, for history is a pattern / Of timeless moments».

Таким образом, окказиональные фразеологизмы с компонентом «rose» в стихах Томаса Стернса Элиота представлены достаточно сложными по семантике единицами, которые вбирают в себя богатый символический потенциал лексемы «rose». Рассмотренные ФЕ выступают неотъемлемой частью художественно-языковой картины мира поэта, позволяя раскрыть многогранный мистический смысл его творчества.

Список литературы

1. Энциклопедия знаков и символов / Под ред. О.В. Вовк. – М.: Вече, 2006.
2. Oxford advanced learner's dictionary/Chief editor Sally Wehmeier. – 7 edition. – Oxford: Oxford University press, 2005.
3. Longman Dictionary of Contemporary English/Director Della Summers. – 4 edition. – Harlow: Pearson Education Limited, 2005.
4. Macmillian English Dictionary/Managing editor Michael Mayor. – Oxford: Macmillian Publishers Limited, 2005.

Т.Л. Маханова

старший преподаватель

кафедра иностранных языков технических специальностей

Курганского государственного университета

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ВНУТРЕННЕГО ПЕРЕВОДА

Перевод как особый вид речевой деятельности представляет собой сложное и многогранное явление. Различные стороны его (перевода) привлекают внимание как лингвистов, так и преподавателей. В данной статье мы рассматриваем закономерности перевода как процесса двуязычной коммуникации.

Одной из задач обучения иностранному языку является развитие у студентов навыков устной речи. Один из важных вопросов, требующих в первую очередь освещения, – это вопрос о том, как построить систему эффективных упражнений для развития устной речи на основе принципа сознательного обучения. Сознательное овладение умением читать иностранные тексты неразрывно связано с переводом, основанным на сравнении иностранного языка с родным. Мы учим студентов понимать иностранные тексты с помощью перевода и таким путем ведем их к беспереводному, непосредственному пониманию.

Задача развития навыков устной речи заключается в том, чтобы дать студенту возможность выражать свои мысли на иностранном языке в быстро

изменяющейся ситуации устного общения. При развитии навыков устной речи большое место должно принадлежать переводным упражнениям (переводу с родного языка). Однако, когда мы применяем переводные упражнения, мы создаем привычку к внутреннему (мысленному) переводу, который предшествует высказыванию. Следовательно, внутренний перевод является тормозящим фактором, мешающим устному общению. Он порождает также пословный перевод, искажающий иностранную речь студентов. Вот почему система упражнений, имеющих целью развитие умения говорить на иностранном языке, должна включать переводные упражнения лишь в небольшом количестве.

Таковы обычные возражения, которые выдвигаются против предложения широко пользоваться переводными упражнениями с родного языка для развития навыков устной речи на иностранном языке. Эти возражения заслуживают серьезного рассмотрения, так как применение перевода с родного языка действительно способствует развитию внутреннего перевода. Следовательно, нужно выяснить, что представляет собой внутренний перевод и какова его роль в развитии речевых навыков.

Внутренний перевод имеет место в сознании студента в том случае, если он (студент) пытается выразить свои мысли на иностранном языке при помощи языковых явлений, еще недостаточно усвоенных и автоматизированных. Когда студент хочет сказать что-либо на иностранном языке, содержание его высказывания полностью или частично фиксируется в сознании на родном языке, после чего происходит мысленное подыскивание грамматических и лексических эквивалентов на иностранном языке и выражение результатов этой работы в высказывании.

Описанный процесс представляет большой интерес с психологической и методической точки зрения, однако он освещен в литературе недостаточно. Остановимся на этом вопросе подробнее.

Для того чтобы установить истинное место и роль внутреннего перевода, мы должны исходить из правильного понимания взаимосвязи речи и мышления. Наша задача – научить студентов говорить на иностранном языке. Это значит, что мы должны привить им такие умения и навыки, которые позволят в нужный момент переключать процесс мышления в русло иностранной речи, заменить родной язык иностранным в целях общения. Для достижения этого мы должны помочь студентам овладеть теми специфическими языковыми средствами, при помощи которых оформляется мысль на иностранном языке. Для упражнений такого типа характерно:

- 1) осознание мысли, которая должна быть выражена на иностранном языке;
- 2) оформление этой мысли на иностранном языке на основе сознательного применения усвоенной лексики, грамматических правил.

Если высказывание какой-нибудь мысли на иностранном языке требует использования слов и грамматических форм, которые находятся еще в процессе

усвоения, естественно, что сначала эта мысль в сознании студента формируется на родном языке и фиксируется в сознании, а затем происходит ее переоформление на иностранном языке. Родной язык необходим в таких случаях и для того, чтобы зафиксировать мысль, подлежащую оформлению на иностранном языке, и для того, чтобы продумать вопрос о том, какие иностранные слова и грамматические формы должны быть в данном случае употреблены.

Однако практика показывает, что характер внутреннего перевода не остается неизменным на протяжении всего обучения. Если сначала студенту требуется развернутое мысленное оформление высказывания на родном языке, то с усвоением лексики и грамматических форм студент не фиксирует в сознании мысль полностью на родном языке для последующего внутреннего перевода на иностранный язык. Например, в рассказе о себе студент хочет сказать предложение *Mein Bruder ist Student der technologischen Fakultät*. В его сознании последовательно и расчленено происходят операции, связанные с переводом отдельных слов (брат, технологический факультет) и применением грамматических правил, необходимых для построения этого предложения (употребление глагола-связки и др.). И если слова студент вспоминает сразу, то освоение конструктивных особенностей данного предложения часто отстает. Включение в конструкцию предложения глагола-связки происходит так: в сознании появляется русское слово *есть*, которое немедленно ассоциируется с немецким *ist*. Позднее высказывание на немецком языке происходит непосредственно без предварительного появления в сознании элементов родной речи. Но зачастую бывает и так, что, воспроизведя в сознании русский эквивалент *Мой брат – студент технологического факультета*, где глагол-связка опущен, студент высказывается по-немецки без глагола вообще.

По мере обучения устному высказыванию появляющиеся в сознании формы родного языка подвергаются значительным структурным изменениям, то есть студент уже меньше обращается к прямому внутреннему переводу на русском языке, и этот перевод становится необходим только в случаях применения сложного грамматического правила. Например, в несложной беседе на английском языке студент должен высказать мысль *If I have time, I shall read this book* (это утверждение должно было явиться ответом на вопрос, будет ли он читать эту книгу). Студент сразу говорит *If I* и останавливается. После некоторых размышлений он высказал мысль в целом. Что же происходит в сознании? Начальные слова возникли *If I* автоматически без предварительного появления слов родного языка. Затем происходит остановка, так как продолжение было связано с решением вопроса о том, какое время нужно употребить в условном придаточном предложении, если в главном предложении сказуемое в будущем времени.

Таким образом, родной язык продолжает включаться в процесс речи как основа тех мыслительных процессов, которые оказываются необходимыми для преодоления трудностей, возникающих при оформлении мысли на иностранном языке. Но необходимо добавить, что если бы внутренний перевод был

стойким, неизменяющимся явлением, мы должны были бы избегать его. Однако особенности внутреннего перевода таковы, что при правильной методике преподавания он является путем к непосредственному общению на иностранном языке.

Каким же образом можно организовать упражнения для правильного развития внутреннего перевода как закономерного и необходимого явления в процессе овладения речевыми навыками? Здесь серьезное внимание следует уделить переводу с родного языка и особенно обратить внимание на устный перевод с родного языка на иностранный. Внутренний перевод – это очень сложная умственная деятельность, требующая значительного напряжения. Поэтому упражнения надо строить так, чтобы не возникало одновременно слишком много трудностей. В противном случае студент не может их преодолеть и сбивается на путь *дословного* перевода с родного языка на иностранный, что в этом случае вредно.

Рассмотрим следующий пример. Студентам предложено устно перевести предложение *Он ходит в школу*. Преподаватель должен сам предварительно проанализировать грамматическую структуру и лексический состав этого предложения. Цель анализа – выяснить, какие элементы данного предложения уже полностью усвоены студентами и какие элемента этого уровня не достигли. Предположим, в результате анализа выяснилось, что:

1. Слова *he, school* являются усвоенными элементами.
2. Правило образования 3-го лица единственного числа глаголов, оканчивающихся на *-o*, находится в процессе усвоения.
3. В сочетании *to school* возможны ошибки:
 - а) употребление предлога *in* вместо *to*,
 - б) употребление артикля перед *school*.

Очевидно, что предложение содержит много трудностей для устного перевода. Поэтому сначала с помощью специальных упражнений тренируется конструкция *в школу*. Тогда перед студентом возникнет лишь одна трудность – правильно образовать 3-е лицо единственного числа от глагола *to go*. Студент должен объяснить: как образуется 3-е лицо единственного числа глагола *to go*, почему в конце слова *goes* буква *s* произносится как [z], почему нужно употребить предлог *to* и т.д.

На основе всего сказанного можно сделать следующие выводы:

1. Внутренний перевод является необходимым элементом речевой деятельности студентов при оформлении устного высказывания на иностранном языке.
2. Преподаватель должен подбирать упражнения таким образом, чтобы трудности, преодолеваемые при помощи внутреннего перевода, не были многочисленными.

3. Перевод с родного языка на иностранный, применяемый для развития устных речевых навыков, является важным видом работы, помогающим преподавателю верно направлять развитие внутреннего перевода в речевой деятельности студентов. Перевод с родного языка способствует развитию устных речевых навыков.

Список литературы

1. Клименко А. В. Ремесло перевода. Практический курс. – М.: АСТ; Восток-Запад, 2007.
2. Краснянская З. Я. Правда в переводе: этюды о работе переводчика с английского. – М.: Изд-во деловой и учебной лит., 2007.
3. Пиввуева Ю. В. Пособие по теории перевода (на английском материале). – М.: Филоматис, 2004.
4. Сдобников В. В. Теория перевода. – М.: АСТ; Восток-Запад, 2007.

Н.А. Медведева
кандидат филологических наук, доцент
кафедра русского языка
Курганского государственного университета

К.В. Евстюфеева,
С.В. Сафонова
выпускницы 2010 года

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ТЕКСТАХ РЕКЛАМЫ

Интеграция России в мировое сообщество и процесс глобализации стали причиной вхождения в русскую речь конца XX века многочисленных англицизмов и американизмов. Особенно большой «импорт» англицизмов наблюдается в сфере товаров и услуг, рекламе, шоу-бизнесе, в средствах массовой информации и в сети Интернет. Рекламируемые объекты и услуги, их характеристики часто называются заимствованными именами существительными, написанными латиницей (нередко выделяемые шрифтом). Чаще всего это имена собственные: GPS - навигаторы, Citroen C4 Picasso и Mazda 3 (марки автомобилей), Motolivn и Sony Ericsson (телефоны), Epson (принтер), Sideko (мебель), Astravel (туристическое агентство), FarPost (агентство по трудоустройству). Интересно также и то, что многие русские имена существительные написаны латинскими аллографами. Это характерно для названия российских сайтов: *dyxi.ru*, *odnoklassniki.ru*, *mirmaek.ru*, *dosuga.net*, *kukushka.net*, *sladkiy-son.ru*, *chashki-tarelki.ru*.

Сочетание русской семантики и латинского написания букв иногда создает определенный комический фон, например, в названиях сайтов: *mirmaek.ru* (реклама сайта продажи футболок, маек), *zabroniryi.ru* (создатели сайта самим названием призывают потенциальных клиентов забронировать номер в гостинице), *dosuga.net* (казалось бы - «досуга нет», но это - развлекательный сайт

XXI века), kukushka.net (сайт, прогнозирующий дату смерти), радио zausev.net (первое в мире Радио Зайцев – утверждают разработчики) и т.д.

В последнее время возникло большое количество английских слов, передаваемых средствами латинского алфавита, которые нередко реализуют декоративную функцию, являясь созидательным, красочным средством в рекламе: *new* (новинка), *best* (лучший). Такие слова в рекламе не столько информативны, сколько прагматичны. Они ассоциируются у русского покупателя с модной одеждой, с товарами высокого качества.

Как известно, употребление чужого слова воспринимается некоторыми носителями языка как престижное и современное. Внутренняя форма слова чаще для обычного покупателя остается скрытой. Частая нетранслитерированность англоязычного вкрапления объясняется притягательностью английской графики, стремлением показать причастность к цивилизованному миру. Многие варваризмы, встречающиеся в подобных рекламных текстах, сохраняют свой оригинальный облик, то есть написаны по-английски и заключены в кавычки: «PC Magazine», компания «Microsoft», фирма «Union Carbide Co.».

Элементы чужого языка (заимствованные слова, морфемы, синтаксические конструкции и т.п.) характерны и для текстов наружной рекламы. Анализ показал, что в наружной рекламе города Кургана содержится огромное количество заимствований: «Next. Новые перспективы»; «Пришли свой "nick" на ТНТ». Результаты нашего исследования позволяют сделать вывод о приоритетности англоязычных вкраплений над другими видами иноязычных заимствований в рекламных сообщениях. Как показывает анализ, экзотизмы и варваризмы становятся основным слоем заимствований, внедряющихся в рекламный текст. Основное различие между экзотизмами и иноязычными вкраплениями заключается в том, что иноязычные вкрапления в большинстве случаев передаются графикой иностранного языка, в то время как экзотизмы – средствами русского алфавита, например, «Яблочный Fairy. Яблочнее яблок»; «МАХ!мально выгодные цены»; «И [Di] на прорыв» - вкрапления; «Бодибилдинг»; «Аква-аэробика»; «Аква-марис» - экзотизмы. Подобные заимствования обнаруживаются в названиях марок, брендов как элемента наружной рекламы (использование иноязычной лексики в рекламных слоганах): «ПРАЙМ. Приоритет вашей рекламы»; «НОРД. Народные магазины»; «Эльдорадо. Дарим 50%. SONY. LCD TV 19999.-»; «NORMANN. Идеальное качество»; «WILO. Настоящие немецкие насосы».

В рекламном тексте обнаруживаются различные типы заимствований: иноязычные вкрапления, экзотизмы, частично ассимилированные заимствования. Исследования наружной рекламы города Кургана позволяют выделить различные типы семантизации заимствований. Наиболее продуктивным вариантом является использование английского слова, чаще всего номинации бренда, в оригинальном виде. Последующая информация слогана представлена на русском языке, что полностью или частично раскрывает значение этой номинации: «Opel Astra. Теперь вас ничто не остановит!»; «StarLine. Удобно. Надежно. Выгодно»; «СтимулW. Гарантия. Сервис. Монтаж»; «La Portiera. Шторы»;

«GLENFIELD. Коллекция весна-лето»; «NO PASARAN. Враг не пройдет!»; «BOSCH. Всегда есть выбор»; «ZENDEN. Главный обувной центр в Кургане»; «EVGO. Жизнь одна – люби ее...».

Не менее активно используется прием языковой игры, который заключается в нарушении норм русского языка, выдаваемом за средство выразительности: «Не тормози! Сникерсни!» (сочетание жаргонизма с новообразованием от американского слова SNICKERS), «Tuborg Green. Двигай на вечеGREENку» (новообразование из названия).

В текстах наружной рекламы часто используются английские лексемы в оригинальном, нетранслитерированном виде в самом слогане: «SMS-конкурс "Зауральский хоккей"»; «Кузовной ремонт и покраска TOYOTA и LEXUS. Качественно. Гарантия работы. Выгодные цены»; «Акция от компании RIEKER. Коллекция весна-лето 2009 ПО ЦЕНАМ прошлого года!!!»; «Эксперт. SONY. ЖК телевизор. Выгодная арифметика!». Иногда часть слова-заимствования повторяется в слогане, который поясняет значение: «А, Е, S - класс. Выбирая окно, спрашивайте: «Какого оно КЛАССА?»»; «Kodak Express. Яркие моменты вашей жизни на фотобумаге Kodak». Иногда слоган является переводом или мотивирует английскую номинацию: «Живите активно. Nestle activia».

Заимствования в рекламном тексте могут быть частично ассимилированными, представляя собой отдельные лексемы («Законы "Монстров общения". Звони и отправляй SMS за 5 копеек»), а также части слов («РекТайм. Размещение рекламы на остановках», «ИнТурЛайн. Туристическое агентство», «ГиперСити. Торгово-развлекательный центр. 5 км», «БиЛайн. Кому добавки?»), или полностью ассимилированными, не нуждающимися в разъяснении («ТАХИ ЭКСПРЕСС. 47 47 47»).

Наименования коммерческих предприятий также выполняют важную функцию – прагматическую, которая состоит в привлечении внимания потенциального потребителя и воздействии на него с целью посетить то или иное предприятие. Эта функция во многом определяется возможностями русской и иноязычной графики. Графика и орфография реализует функцию воздействия, если оным выходит за рамки привычного облика слова. В статье «Толерантность и интенциональность орфографии в текстах современной рекламы» А.И. Дунев выдвигает понятие «интенциональность орфографии», которое связывается прежде всего с обращенностью к орфографической норме. Под интенциональностью в данном случае понимается смысловая актуализация в рамках всего высказывания орфографической ненормативности. Интенциональность в данном случае предполагает отступление от современной орфографической нормы или имитацию ненормативности. Мы вслед за А.И. Дуневым рассматриваем интенцию как свойство прагматической функции слова, проявляющееся в большей или меньшей степени [1, с.169].

Одной из тенденций использования орфографии является актуализация связей наполовину искусственной орфографической системы с живыми языко-

выми процессами. Так, отдельное написание испанской по происхождению лексемы «*Прима Вера*» (наименование мебельного салона от испанского «весна») актуализирует первую часть, которая переосмысливается как «самое лучшее», вторая часть – имя владелицы. Данный тип интенций, основанный на ассоциативной связи слов, различающихся одной буквой или графическим знаком, активно используется современной рекламой и коммерческим неймингом.

Как разновидность данного типа интенций могут быть рассмотрены случаи актуализации внутренней формы слова или своеобразное переосмысление внутренней формы слова путем изменения графического облика (выделения более крупным шрифтом, другим шрифтом, изменение одной буквы и т.д.). Подобным образом строится наименование кадрового агентства «*АртИст*»; использование прописной буквы внутри слова членит его на две составляющие: «*Арт*» - в значении «художественный, творческий», «*Ист*» - в переводе с английского «восток», в результате чего происходит наложение двух смыслов – «артист» и «творческий, креативный восток». Изменение привычного облика слова приводит к переосмыслению внутренней формы и появлению желательных для создателей наименования ассоциаций.

Другой тип интенций – использование в названиях орфографического знака как символа определенной культуры. Один из приемов построен на том, что в написаниях онимов часто встречается совмещение кириллицы и латиницы. Это позволяет создать новый облик слова: «*Moda*», «*Крафт*», «*Твое TV*», «*Art-zona*», «*Best книга*». Не менее распространены атрибутивные сочетания, содержащие иноязычные компоненты, оригинальные и транслитерированные: *Red Cat; Prima Vera; Santa Fe; London pub; Golden; Interstar; Сенсер – сервис; Систем сервис; Бизнес - клуб; Мега - Блин; Best книга и др.* Такие сочетания используются в основном для номинации предприятий, оказывающих услуги по продаже зарубежных товаров (компьютеров и компьютерных программ, парфюмерии), а также предприятий питания, отличающегося национальным характером. Новое орфографическое оформление слова приводит, как правило, к переосмыслению известной лексемы.

Интенциональность русской графики и орфографии проявляется в тесном взаимодействии графического облика слова с параграфическими средствами (чередованием шрифтов, использование аллографов, цифр, знаков, рисунков). Как отмечает Р.И. Мокшанцев в монографии «Психология рекламы, «буквы любого алфавита являются своего рода символами и имеют свой потаенный смысл, скрытую энергию. К примеру, буква "омега" олицетворяет конец цикла, что-то завершающее. Эзотерики не рекомендуют использовать ее в аббревиатуре предприятия. Зато буква "А" или "а" символизирует начало, побудительный момент, движение. Латинская "S" символизирует энергию» [по 2]. Наименования предприятий часто включают в свой состав буквы латиницы и кириллицы: «*Паритет – М*», «*Джет – М*», «*Астра – М*»; иногда включаются названия букв: «*Ай-Ти сервис*». По-прежнему актуальна модель с буквами «и К» (от англ.

энд компании»: «*Магистраль и К*» (услуги телефонной связи), «*МАЗУРiК*» (переосмысление жаргонизма и аббревиатуры «МАЗ», «УРАЛ», «КАМАЗ»).

Таким образом, орфография и графика могут выступать как средство воздействия на потребителя. Диалог культур на уровне языка прекрасно воплощается в прагматически направленных текстах, активно использующих иноязычные элементы.

Список литературы

1. Дунев А.И. Толерантность и интенциональность орфографии в текстах современной рекламы: Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективная монография / Отв. ред. Н.А. Купина, М.Б. Хомяков. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2003.
2. Шатин Ю.В. Построение рекламного текста. – М.: Бератор-Пресс, 2003.

Ю.Н. Менщикова

кандидат философских наук, доцент

кафедра иностранных языков технических специальностей

Курганского государственного университета

МЕДИАКАНАЛ КАК ЭЛЕМЕНТ КОММУНИКАТИВНОЙ МОДЕЛИ

Коммуникация как один из аспектов социального взаимодействия представляет собой средство достижения общности индивидов. Имея коммуникативную направленность, речь есть способ бытия языка, его использование отдельными представителями общества с целью выражения своих мыслей в единицах (или отрезках) звучания, обозначающих некоторое понятие, заключающее в себе определенный смысл [3, с. 136]. Речевое мышление, или речевое представление мира, есть дифференциация, членение мира в речи и посредством речи. Речевая коммуникация, таким образом, есть общение, опосредованное языком и ориентированное на понимание, взаимодействие, координацию поведения представителей данного лингвистического сообщества. Эти функции речевой коммуникации осуществляются такими элементами ее структуры, как адресант, адресат, канал коммуникации, ее предмет и собственно речевое общение [7, с. 319].

Рассмотрим коммуникативные каналы, получившие наибольшее распространение в современном медиаландшафте Германии. Все они обуславливаются устной или письменной речью, оформляющей информационное сообщение. Устная речь ориентируется на трансляцию личностных смыслов, выражаемых собеседниками с помощью заданного контекста социокультурной ситуации, референтов, или предметов обозначения, темы разговора, предпосылочных знаний коммуникантов относительно друг друга.

Письменная речь, разграничивающая процессы текстообразования и интерпретации в пространственно-временных параметрах и отделенная от душев-

но-духовного мира субъекта речи, приобретает объективность, своеобразную независимость от автора и тем самым предлагает возможным адресатам неограниченное число текстовых прочтений с различными смысловыми оттенками [4, с. 73, 78].

Радио «возбуждает фантазию, стимулирует чувства и тем самым дает работу и мышлению, и неосознанным эмоциям» [6, с. 215]. С помощью этого коммуникативного средства можно обращаться к каждому слушателю в отдельности, но из-за своей незатейливости оно приобретает в современном медиаландшафте ретро-тенденцию.

Потребление телевизионных услуг в день составляет в Германии 207 минут: «Информация и развлечения, образование и пропаганда, релаксация и гипноз – все сливается и затуманивается в языке телевидения» [2, с. 322]. Конкурентоспособность этого медиаканала объясняется двойственной системой государственного (ARD, ZDF) и частного (RTL, ProSiebenSat.1), местного и международного вещания. Телевизионные сети варьируют разнообразными программами – от актуальных новостей до художественных фильмов и развлекательных шоу. Предложение увеличивается за счет трансляций документального канала «Phönix», детского канала – «KIKI», немецко-французского – «Arte», культурного – «3Sat». С ноября 2009 года действует новый цифровой канал «ZDFneo», цель которого – комедиями и популярными сериалами привлечь молодую аудиторию [8, с. 46-47].

«Коммуникация вместо информации» – под этим девизом осуществляется доступ к всемирной сети. 78% молодых людей в возрасте 14-19 лет по крайней мере один раз в неделю посещают Интернет-сообщества – форумы, чаты. Социальное взаимодействие, при котором «доминантные ценности и интересы конструируются безотносительно к прошлому или будущему, <...> где все выражения или мгновенны, или лишены предсказуемой последовательности» [2, с. 504], является для них наиболее важной причиной использования компьютерной сети. 30% пользователей – это создатели виртуальных миров, игроки, для которых Интернет постепенно становится дополнительной средой обитания с заданными поведенческими образцами. Ежедневное потребление услуг сети вовлекает 69% населения федеративной республики и составляет 120 минут. Наибольшей популярностью отмечены целевые порталы «SchülerVZ», «StudiVZ» и «MeinVZ» с общим числом пользователей 15 миллионов [8, с. 51].

Несмотря на конкуренцию с радио, телевидением и сетью Интернет, газете как медиаканалу отводится 71,4% потребительской аудитории. В стране есть малоформатные местные газеты, крупные региональные и межрегиональные издания, которые в день выпускают свыше 25 миллионов экземпляров. Статистические данные свидетельствуют о том, что это средство массовой информации до сих пор является актуальным, особенно в освещении вопросов политики и социального устройства. Ежедневной газетой, пользующейся наибольшим спросом, считается «Bild», бульварная газета с тиражом в 3,3 миллио-

на экземпляров, определяющая тематический диапазон для пресс-агентств и телевидения, но подвергающаяся критике из-за резких суждений.

К пяти газетным изданиям, имеющим межрегиональный статус, относятся «Süddeutsche Zeitung» (Мюнхен, тираж 430.000 экземпляров), «Frankfurter Allgemeine Zeitung» (Франкфурт-на-Майне, тираж 368.000 экземпляров), «Welt» (Берлин, тираж 264.000 экземпляров), «Frankfurter Rundschau» (Франкфурт-на-Майне, тираж 150.000 экземпляров), «Tageszeitung» (Берлин, тираж 56.000 экземпляров). «Süddeutsche Zeitung» отстаивает в политике позицию левых либералов, в то время как в экономике выбирает курс предпринимательской инициативы. «Frankfurter Allgemeine Zeitung» является консервативно-либеральной, «Welt» – консервативной и ориентирующейся преимущественно на пожилую читательскую аудиторию, «Frankfurter Rundschau» - леволиберальная газета. Альтернативу представляет «Tageszeitung», которая сотрудничает непосредственно со своими читателями. Следует упомянуть «Stuttgarter Zeitung» (Штутгарт), «Tagesspiegel» (Берлин), «Kölner Stadt-Anzeiger» (Кельн), «Rheinische Post» (Дюссельдорф), которые также освещают политические события и имеют межрегиональное распространение.

Что касается немецких журналов, то количество общих и специальных изданий исчисляется тысячами. Есть журналы для широкого профиля интересов – для владельцев собак, любителей путешествий, лиц, интересующихся политикой, коллекционеров монет, подростков и т.д. 93,5% немецкоязычной читательской аудитории используют это средство массовой информации в повседневной жизни. Издания пытаются привлечь потенциальных потребителей необычными новыми идеями. Так, издательство «Gruner+Jahr» активно завоевывает рыночную нишу своим кулинарным журналом для мужчин «Beef!».

Креативность остается отличительной маркой таких издательств, как «Stern», «Spiegel», «Focus», «Mare», «Cicero», «Geo», «Brand Eins». «Stern» является самым любимым еженедельным журналом с читательской аудиторией более 7 миллионов человек. «Spiegel» представляет собой журналистскую икону, особенно в политической коммуникации. «Focus» есть лаконичный, красочный журнал для современных читателей, ценящих свое время. «Mare» – это журнал о жизненном пространстве планеты Земля. «Cicero», или «Печатный салон», является консервативным изданием, демонстрирующим культуру обмена мнениями. «Geo» представляет собой известную марку и претендует на статус научно-популярного издания. «Brand Eins» – это экономический журнал с инновационным макетом, отмеченным международными премиями.

В целом рынок немецкой прессы обнаруживает глубокие основания, высокий профессиональный уровень и в силу этого тенденцию к концентрации. Агентство печати Германии собирает, обрабатывает и распространяет новости по всему миру, пересылая ежедневно около 220.000 слов и изображений, что составляет 1,2 миллиона сообщений в год [8, с. 42-45]. В связи с этим уместно утверждение о том, что «наша цивилизация, более чем любая другая, является цивилизацией письма» [1, с. 304].

Медиаканал представляет собой один из элементов модели коммуникации и наряду с другими способствует ее эффективности. Выбор адресантом канала и средства, подходящего к данной ситуации общения, не только передает информацию и тем самым формирует поведение адресата, но и отражает индивидуальность субъекта речи. Как отмечает немецкий философ М. Хайдеггер, «человек не был бы человеком, если бы ему было отказано в том, чтобы говорить – непрестанно, всеохватно, обо всем, в многообразных разновидностях» [5, с. 259].

Список литературы

1. Барт Р. Риторика образа // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М., 1989.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М., 2000.
3. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М., 1977.
4. Филатов В.П. К типологии ситуаций понимания // Вопросы философии. – 1983. – №10.
5. Хайдеггер М. Путь к языку // Хайдеггер М. Время и бытие. – М., 1993.
6. Шерель А.А. Аудиокультура XX века. История, эстетические закономерности, особенности влияния на аудиторию: Очерки. – М., 2004.
7. Якобсон Р.О. Язык в отношении к другим системам коммуникации // Якобсон Р.О. Избранные работы. – М., 1985.
8. Magazin-Deutschland.de. Forum für Politik, Kultur und Wirtschaft. – 2009. – №6.

С.Е. Мосталыгина

старший преподаватель

кафедра иностранных языков технических специальностей

Курганского государственного университета

«ЛОЖНЫЕ ДРУЗЬЯ ПЕРЕВОДЧИКА» В ПЕРЕВОДЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В практике преподавания иностранных языков особые трудности представляют межъязыковые относительные синонимы сходного вида, а также межъязыковые омонимы и паронимы. Роль межъязыковых синонимов играют слова обоих языков, полностью или частично совпадающие по значению и употреблению и, соответственно, являющиеся эквивалентами при переводе. Межъязыковыми омонимами можно назвать слова обоих языков, сходные по степени отождествления графической формы, но имеющие разные значения. Наконец, к межъязыковым паронимам следует отнести слова сопоставляемых языков, не вполне сходные по форме, но которые могут вызвать ложные ассоциации и отождествляться друг с другом, несмотря на фактическое расхождение их значений.

Принципиально следует различать «ложные друзья переводчика» как в устной, так и в письменной формах речи. Исторически «ложные друзья переводчика» являются результатом взаимовлияний языков. С первого взгляда может показаться, что «ложные друзья переводчика» способны вводить в заблуждение только людей, начинающих изучение языка или плохо владеющих им. В дейст-

вительности дело обстоит наоборот: основная масса «ложных друзей» оказывается опасной именно для лиц, уверенно или практически удовлетворительно пользующихся языком.

В английском и русском языках «ложные друзья переводчика», насчитывающие несколько тысяч слов, встречаются в пределах четырех частей речи: существительных, прилагательных, наречий и глаголов. В большом числе случаев в данной роли выступают не единичные слова, а все представители словообразовательных гнезд. Нельзя полностью понимать слово и правильно пользоваться им, не зная его функционально-стилистической и эмоционально-экспрессивной окраски. Наиболее часто встречаются в англо-русских сопоставлениях расхождения в функционально-стилистических окрасках, то есть в допустимости употребления слов преимущественно или исключительно в определенных стилях речи. Например, даже в сходном значении «совещание специалистов» англ. *consultation* и русск. *консультация* не вполне совпадают, так как первое слово стилистически нейтрально, а второе имеет книжный характер. К тому же многие трудности связаны со спецификой употребления английских слов в различных странах, прежде всего в Великобритании и США. Тривиален пример с термином *gasoline*, обозначающим в Великобритании «газолин», а в Америке – «бензин».

Проблема «ложных друзей переводчика» применительно к условиям научно-технического перевода приобретает свои характерные особенности. Можно отметить, что «ложные друзья» в научно-технических текстах характеризуются определенной спецификой. Эта специфика проявляется как в количественном составе «ложных друзей», так и в их качественных характеристиках. Поскольку большой процент слов, относящихся к категории «ложных друзей переводчика», составляют интернационализмы, то необходимо кратко рассмотреть некоторые характерные трудности их перевода.

Говоря о количественной специфике «ложных друзей» в научно-технических текстах, можно привести классический пример «ложного друга переводчика» – слово *accurate*. В научно-технических текстах это слово не переводится «аккуратный», как это хочется сделать с первого взгляда. В специальных текстах это прилагательное употребляется в таких ситуациях, в которых передача его русской параллелью «аккуратный» практически исключаются, например, *accurate results* – «точные результаты». Значительные расхождения в значениях англо-русских аналогизмов, а также контекст в большинстве случаев предостерегают от ошибок.

Интернационализмы – это слова, встречающиеся в ряде языков и обладающие в той или иной степени фонетическим, грамматическим и семантическим сходством. Интернациональная лексика научно-технических текстов включает как терминологические, так и нетерминологические единицы. Интернационализмы составляют примерно 50% всех полнзначных слов в научных текстах. Можно отметить положительную роль интернационализмов при переводе, поскольку нередко они способствуют первичному оформлению мысли на

языке перевода, даже если и не сохраняются затем как подходящие в данном случае речевые переводные эквиваленты. Однако нередки случаи, когда ввиду несоответствия значений параллельных интернационализмов возникают существенные смысловые и стилистические искажения при их буквальном переводе. Таким образом, интернационализмы могут выступать как в роли «подлинных друзей переводчика», так и в роли «ложных друзей переводчика».

В научно-технических переводах постоянно встречаются ошибки при передаче как интернациональных терминов, так и интернациональных общенаучных слов, причем ошибки при передаче последних существенно преобладают. Дело в том, что международное значение слова при переводе технического текста кажется студенту понятным, и он не затрудняется поиском значения этого слова в словаре, хотя результаты перевода вследствие этого бывают плачевными. Например, словосочетание *adequate pressure* нужно переводить как *правильный* выбор давления (а не *адекватное* давление), *complex devise* – *сложное* устройство (а не *комплексное* устройство), *candidate fume compositions* – *представляющие интерес* газообразующие составы (а не *кандидатные* газообразующие составы), *permanent change* – *необратимое* превращение (а не *перманентное* превращение) и т.д.

Многие интернациональные общенаучные слова, например *analysis* (хим. разложение), *critical* (переломный; опасный), *originally* (первоначально), *history* (динамика процесса), *pioneer* (инициатор; сапёр), *revolutionary* (вращающийся), *practical* (фактический; реальный), *signal* (знак; импульс), *principal* (основной) и пр., регулярно встречающиеся в научно-технических текстах, выступают в роли «ложных друзей переводчика». Эти английские слова совпадают с русскими параллелями в своих интернациональных значениях и поэтому легко отождествляются при переводе. В результате таких отождествлений нарушается либо смысл высказывания, либо стилистические нормы перевода.

При переводе научно-технических текстов возникают дополнительные проблемы, которые требуют учета факторов, характеризующих специфику именно научно-технического перевода. Можно выделить три основных преобразования при переводе интернациональных слов, носящие закономерный характер. Этими закономерностями являются: 1) специализация английской общенаучной интернациональной лексики при переводе на русский; 2) деинтернационализация английской интернациональной лексики в научно-технических текстах; 3) стилистическая нейтрализация стилистически окрашенных лексических средств.

Специализация английской общенаучной общенародной лексики – наиболее характерная и ярко выраженная закономерность англо-русского научно-технического перевода. Под специализацией лексики понимается замена общенародного слова соответствующим русским словом, имеющим более специальное (общенаучное) значение. Такие русские переводные эквиваленты отражают содержание соответствующих английских слов в форме, характерной для способа выражения научно-технической мысли в русском языке. Приведем приме-

ры: *the power of the approach* – достоинство подхода, *these cars feature a radar sensor system* – эти автомобили оборудованы радиолокационной системой, *to combat noise* – уменьшить шум и т.д.

Процесс деинтернационализации относится только к английским общенаучным словам (слова-термины здесь не затрагиваются). При переводе на русский язык английские общенаучные интернационализмы, как правило, заменяются русскими не интернациональными словами, т.е. происходит их деинтернационализация. Если при переводе использовать соответствующее русское интернациональное слово, то это часто приводит к ложным отождествлениям. В англо-русских переводах можно встретить следующие сочетания: *pioneering work* – пионерская работа (вместо *основополагающая* или *фундаментальная*), *revolutionary changes in tube design* – революционные изменения в конструкции труб (вместо *существенные* или *радикальные*), *intriguing scheme* – интригующая схема (вместо *перспективная*) и т.д.

Анализ англо-русских переводов научно-технических текстов показывает, что значительные трудности представляют стилистически окрашенные лексические средства, которые используются английскими или американскими авторами для придания экспрессивности своему изложению. В технических переводах приходится прибегать к «нейтрализации», «сглаживанию» стилистического приема автора, поскольку яркая стилистически окрашенная лексика не характерна для русских научно-технических текстов.

Английские интернационализмы приобретают в научно-технических текстах определенную специфику. Они обогащаются новыми связями, вступают в новые сочетания, получают новые значения. Наличие «ложных друзей переводчика» говорит о сложности перевода различных слов в зависимости от контекста и о влиянии этого перевода на смысл передаваемого высказывания. Главная задача переводчика в этом случае – это подобрать правильную эквивалентную единицу, соответствующую смыслу текста. Но с этой задачей трудно справиться без англо-русского словаря «ложных друзей переводчика».

Список литературы

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение: Учеб. пособие для студентов филологических и лингвистических факультетов вузов. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2004.
2. Борисова Л. И. «Ложные друзья переводчика» научно-технической литературы. – М.: НВИ-Тезаурус, 2005.
3. Пиввуева Ю. В. Пособие по теории перевода (на английском материале). – М.: Филоматис, 2004.
4. Язык. Текст. Стил: Сб. науч. ст./ Отв. ред. О. А. Степаненко. – Курган: Изд-во КГУ, 2004.

*Е.П. Острянина
старший преподаватель
кафедра иностранных языков
Курганского государственного университета*

РЕЧЕВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ КАК ЗНАЧИМОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ КАЧЕСТВО БУДУЩЕГО ИНЖЕНЕРА

Предметом нашего исследования является проблема развития речевой компетенции студентов технических специальностей вуза. Остановимся более подробно на таких понятиях, как компетенция, речевая компетенция, процесс развития речевой компетенции студентов.

Для уточнения содержательного аспекта категории «речевая компетенция» обратимся к анализу понятий «компетенция» и «компетентность». В контексте реализации компетентного подхода к современному образованию к анализу рассматриваемых понятий обращаются многие ученые.

В настоящее время еще не сложилось окончательно утвержденных научных определений понятий «компетентность» и «компетенция». Мы считаем правомерной позицию ученых, разграничивающих данные понятия.

Например, А.С. Белкин, В.В. Нестеров трактуют компетентность как совокупность профессиональных и личностных качеств, обеспечивающих эффективную реализацию компетенции. В противном случае компетенции останутся нереализованными – их можно отнести к категории потенциальных [4, с. 30].

Э.Ф. Зеер рассматривает компетентность как глубокое, доскональное знание существа выполняемой работы, способов и средств достижения намеченных целей, а также наличие соответствующих умений и навыков; совокупность знаний, позволяющих судить о чем-либо со знанием дела. По мнению автора, компетентность выражается в способности правильно оценивать сложившуюся ситуацию и принимать в связи с этим решение, позволяющее достигнуть значимого результата. Компетентность предполагает не столько наличие у специалиста значительного объема знаний и опыта, сколько умение актуализировать накопленные знания и умения в нужный момент и использовать их в процессе реализации своих профессиональных функций [1, с. 66, 95].

Таким образом, относительно образовательного процесса компетенция определяется рядом исследователей как требование или процесс профессионального обучения, а компетентность - как его результат или состоявшееся качество личности.

Наиболее соответствующим идее нашего исследования является понимание компетентности как интеллектуально и личностно обусловленной социальной характеристики человека, основывающейся на знаниях. Другими словами, компетентность – это качество личности (вернее, совокупность качеств), которое предполагает владение, обладание студентом соответствующей компетенцией, включающее его личностное отношение к ней и предмету деятельности,

минимальный опыт деятельности в заданной сфере. То есть компетенция – это заданное содержание компетентности, которое необходимо освоить, чтобы быть компетентным. В этом случае под компетентностью понимается не суммарная совокупность, а целостная система личностно-осмысленных знаний, умений и принятых ценностей, как раз и направленных на применение этих самых компетенций. При этом необходимо подчеркнуть, что компетентность – это опыт успешного осуществления деятельности по выполнению определенной компетенции. Это означает, что компетенция, являясь частью целого и достигая необходимого уровня развития в результате обогащения новыми знаниями, умениями, навыками, становится компетентностью как интегративным качеством личности. В любом случае как компетенция, так и компетентность рассматриваются как результат развития личности в образовательном процессе.

Анализ определений компетентности и компетенции в различной литературе позволил развести эти понятия следующим образом. Мы трактуем компетенцию как осведомленность, некоторую степень знакомства, знания, опыта в какой-либо деятельности личности, а компетентность – как сформированное профессиональное качество личности, поэтому рассматриваем компетенцию как основу или базу для дальнейшего развития компетентности.

Выделяя основные группы ключевых компетенций, И.А. Зимняя в рамках компетентностей, относящихся к самой личности как субъекту жизнедеятельности, выделяет среди прочих компетенций также следующее: языковое и речевое развитие, владение иностранным языком.

Автором предложен перечень основных действий, характеризующих социальные компетентности. По содержанию основные социальные компетентности могут быть представлены определенными действиями (дескрипторами). Среди них можно выделить следующие:

- владеть нормативной культурой устного и письменного общения на родном и иностранном языках;
- владеть нормативной культурой общения на иностранном языке в бытовой, научной и производственной сферах;
- владеть основами бизнес-коммуникации на родном и иностранном языках [3, с. 23].

Следовательно, речевую компетенцию студентов можно отнести к социальным компетенциям. Данная компетенция является одной из компетенций, входящих в состав профессиональной компетентности инженера.

Иноязычная подготовка является одним из системообразующих звеньев подготовки будущих специалистов в университете. Основу такой подготовки может составить речевая компетенция студентов в процессе изучения иностранного языка. Однако мы согласны с И.А. Зимней, что нужно разграничивать общую, отдаленную цель обучения иностранному языку и конкретную цель определенного этапа курса обучения.

«В качестве общей, отдаленной, никогда не достигаемой в полной мере и не достигаемой в срок обучения цели выступает коммуникативная компетенция в полном объеме понятия» [3, с. 27].

В качестве конкретной цели обучения иностранному языку автор называет обучение общению в определенных регламентируемых и расширяющихся по программе ситуациях на предусмотренные программой темы, обеспеченные иноязычными языковыми (лексико-грамматическими) средствами [3, с. 29].

Понятие «коммуникативная компетенция» сопряжено с понятием речевой (языковой) компетенции и противопоставляется ему.

Коммуникативная компетенция, как полагает И.А. Зимняя, является индивидуальной способностью человека адекватно самым разнообразным ситуациям общения организовать свою речевую деятельность в ее продуктивных и рецептивных видах соответствующими каждой конкретной ситуации языковыми средствами, способами [3, с. 28].

Под речевой же компетенцией понимается способность говорящего произвести на основе преподанных ему правил цепь грамматических фраз (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров).

В исследованиях отечественных ученых термин «речевая компетенция» определяется как приобретенное знание небольшого количества правил, которые лежат в основе построения глубинных структур языка, преобразуемых в процессе общения в разнообразные высказывания (М.В. Вятютнев); всеобъемлющее знание о языке «идеального говорящего-слушающего» (Н. Хомский); «реальное знание языка» всем языковым сообществом и каждым индивидом, в основе «реального знания» лежит долговременная память (И.А. Горелов), «способность к программированию, реализации и контролю высказывания (А.А. Леонтьев); система основных видов деятельности – слушания, говорения, чтения, письма (И.А. Зимняя).

Многие исследователи рассматривают речевую компетенцию в качестве одной из составляющих его коммуникативной культуры; другие ученые считают речевую компетенцию аспектом коммуникативной компетентности человека (Г.М. Андреева, Н.В. Бордовская, А.К. Михальская).

С.С.Телигисова в своем диссертационном исследовании рассматривает речевую компетенцию как составляющую языковой компетентности, которая выражается в умении отбирать и правильно употреблять языковые средства [5, с. 13].

В ходе исследования мы пришли к выводу, что речевая компетенция, с одной стороны, является органической частью коммуникативной компетентности образованного человека, а с другой – значимым профессиональным качеством студента-будущего инженера, входящим в состав его профессиональной компетентности.

Рамки профессиональной компетентности специалиста устанавливаются нормативно-правовым документом – квалификационной характеристикой, которая представляет обобщенные требования к подготовке специалиста на уровне теоретического и практического опыта. Таким образом, профессиональная компетентность специалиста выражается как в профессиональных знаниях и умениях, так и в профессионально значимых качествах личности.

В определении речевой компетенции мы придерживаемся подхода Е.Д. Божович к речевой компетенции как к системе сложных умений оперировать языковым материалом в разных видах деятельности, что позволяет рассматривать ее как комплекс, включающий в себя знания о языке и языковой опыт.

Исследование родовых и видовых понятий в русле исследуемой нами проблемы, таких как компетентность, компетенция, коммуникация, общение, позволило нам уточнить понятие речевой компетенции студентов технических специальностей вуза.

Мы определяем речевую компетенцию студентов технических специальностей вуза как интегративное качество будущего инженера, представляющее собой целостность личностного, теоретического и инструментального компонентов, проявляющееся в готовности и способности специалиста использовать знания и умения в области профессиональной речи, личностный опыт, полученный в жизнедеятельности и квазипрофессиональных ситуациях общения, и личностные качества для успешного речевого взаимодействия.

В рамках нашего исследования мы выявили значимые знания, качества, умения и навыки в каждом из компонентов речевой компетенции студента-будущего инженера.

Теоретическая составляющая в структуре речевой компетенции зависит главным образом от объема общих языковых знаний. В состав теоретического компонента входят:

- знания о системе языка;
- о способах и средствах речевого общения;
- о функциях профессиональной речи инженера;
- об особенностях и видах профессиональной речи;
- о жанровых и стилистических особенностях профессиональной речи и т.д.

Личностный компонент представляет собой совокупность значимых психологических качеств, эмоционально-психологическую основу речевой компетенции студента-будущего инженера и включает способность воспринимать, понимать, перерабатывать и передавать информацию в процессе общения. В данной совокупности мы выделяем такие качества, как социальная наблюдательность (восприятие), память и мышление (понимание), активность, устойчивая положительная мотивация к речевому общению на изучаемом языке, реф-

лексивные способности, умение управлять эмоциями в соответствии с ситуацией профессионального взаимодействия, умение добиваться цели.

Инструментальный компонент представлен совокупностью умений и навыков, обеспечивающих эффективное речевое общение в профессионально значимых ситуациях. Главные качества в данной совокупности – это умение выбирать приемлемый стиль речевого поведения при межкультурной коммуникации, а также способность моделировать речевой акт с постановкой конкретной коммуникативной задачи и реализовать ее. В состав данного компонента входят:

- владение системой языковых средств;
- умение строить речь с учетом ситуации общения;
- умение организовать профессиональный диалог;
- владение приемами поддержания внимания;
- умение адаптировать свою речь к аудитории и т.д.

Рассмотренные нами структурные компоненты в системе речевой компетенции находятся в отношениях тесной взаимосвязи и взаимовлияния. Заметим, что данное единство не есть суммарная категория, а образование целостное и развивающееся.

Что касается уровней развития речевой компетенции студентов технических специальностей вуза, то следует остановиться на этом подробнее. Как полагает И.А. Зимняя, в учебном общении студент обучается принимать и выдавать речевое сообщение. Общению на иностранном языке можно научить. Коммуникативную компетенцию как способность можно только развивать и диагностировать. Дело в том, что она подчиняется собственным законам совершенствования в структуре целостной личности, в разнообразной деятельности общения, хотя, конечно, целенаправленное обучение в этом процессе играет важнейшую роль. «В результате обучения у студента формируется средний или выше среднего, но не высший уровень коммуникативной компетенции, которая выявляет весь личностный опыт, этнокультурную специфику человека» [3, с. 29].

Согласно данным утверждениям мы выделяем следующие уровни развития речевой компетенции студентов технических специальностей: начальный (репродуктивный), средний (продуктивный) и продвинутый (творческий).

Речевая компетенция формируется и развивается в процессе иноязычной подготовки студентов. Под развитием мы понимаем неотъемлемое свойство материи, сознания, деятельности как сложный процесс количественных и качественных изменений в них в прогрессивном направлении. Данный процесс носит закономерный характер. Поскольку мы занимаемся проблемой качественного преобразования речевой компетенции будущих специалистов с техническим образованием в процессе их иноязычной подготовки в вузе, ведь студент

приходит в вуз с определенным уровнем речевой компетенции, то применительно к данному качеству логично использовать понятие «развитие». При этом в отношении знаний, умений и навыков, отсутствующих у студента к моменту начала опытно-поисковой работы, применим термин «формирование».

Процесс развития речевой компетенции понимается нами как процесс, осуществляемый по принципу постепенного усложнения педагогических средств и приемов, обеспечивающих постепенное продвижение студента в овладении исследуемым качеством от репродуктивного через эвристический к творческому характеру познавательной деятельности.

В результате теоретического анализа научной литературы были выделены следующие основные критерии диагностики уровней развития речевой компетенции студента-будущего инженера:

1) степень сформированности знаний, необходимых будущему инженеру для эффективного межкультурного общения (когнитивный критерий);

2) степень развитости психических качеств, способствующих эффективному профессиональному общению (мотивационный критерий);

3) степень развитости речевых умений, необходимых для осуществления эффективного профессионального общения (практический критерий).

Содержание каждого критерия раскрыто нами через показатели и признаки развития речевой компетенции студента-будущего инженера. Таким образом, показателями выделенных критериев являются сформированность лингвистической, психологической и коммуникативной сфер личности и деятельности будущего инженера.

Различная степень проявления выделенных критериев характеризует уровни развития речевой компетенции студентов технических специальностей: начальный (репродуктивный), средний (продуктивный), продвинутый (творческий). Положительная динамика продвижения студента от более низкого к более высокому уровню позволяет говорить об эффективности процесса развития речевой компетенции у студентов технических специальностей вуза.

Список литературы

1. Зеер Э.Ф. Личностно-ориентированное профессиональное образование. – Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. проф.- пед. ун-та, 1998.
2. Зимняя И.А. Социальные компетентности выпускников вузов // Высшее образование сегодня. – 2007. - № 1. – С. 22-27.
3. Зимняя И.А. Психология обучения неродному языку. – М.: Русский язык, 1989.
4. Нестеров В.В. Педагогическая компетентность. – Екатеринбург: Центр «Учебная книга», 2003.
5. Телигисова С.С. Формирование языковой компетентности будущего учителя в образовательном процессе вуза: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Оренбург, 2009.

А.А. Пережогина
кандидат педагогических наук, доцент
кафедра французской филологии
Курганского государственного университета

Т.А. Найданова
выпускница 2009 года

НАЗВАНИЯ УМЕРШИХ ЛЮДЕЙ И КАТЕГОРИЯ ОДУШЕВЛЕННОСТИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Одушевленность - одна из категориальных языковых форм, свойственная главным образом существительным, которые обозначают названия живых существ, и составляющая универсальное семантическое противопоставление одушевленности - неодушевленности, отражающееся в структуре разнотипных языков [7].

Словарь-справочник лингвистических терминов Д.Э. Розенталя, М.А.Теленковой определяет существительные одушевленные как «существительные, служащие наименованиями живых существ (людей и животных), а существительные неодушевленные как существительные, служащие наименованиями предметов и явлений реальной действительности, не причисляемых к живым существам» [3, с.124].

Анализ разнообразных языковых средств выражения категории одушевленности / неодушевленности во французском языке (морфологических, словообразовательных, лексико-грамматических, синтаксических и других) подтвердил, что эта категория является функционально-семантической, так как представляет собой «систему разнородных языковых средств, способных взаимодействовать для выполнения определенных семантических функций» [1, с.61-62].

В то же время исследование разных лексико-грамматических подклассов существительных с точки зрения выражения данных языковых средств показало, что существуют группы имен, занимающих промежуточное положение между одушевленными и неодушевленными существительными, так как они совмещают разные грамматические показатели тех и других. К таким существительным во французском языке наряду с зоонимами и собирательными существительными относятся названия умерших людей.

С давних времен понятия о смерти и умерших неразрывно связаны с осмыслением человеком живой природы, поскольку «умерший» - это всегда «бывший живым», «ранее обладавший жизнью». Следует принять во внимание влияние ранних стадий развития мышления, когда люди настойчиво отказывались видеть в смерти полную потерю жизненных свойств. Весьма упорно держались народные представления о том, будто мертвый человек способен слышать и вспоминать. Люди продолжали верить, что умершим присуща некоторая остаточная форма жизни. Данные представления, безусловно, нашли отражение в языке.

Слова *un cadavre, un mort, un corps, un décédé, un défunt, un macchabée (arg.), un trépassé* [4, с.178] во французском языке группируются вокруг семантических компонентов «человек», «умерший», обнаруживая в своей семантике совмещение признаков живого и неживого.

Н.Н. Кряжевских отмечает, что при отнесении существительного к тому или иному подклассу следует обратить внимание на то, как одушевленность/неодушевленность проявляется в структуре контекста, который обеспечивает возможность того или иного лексико-семантического варианта. Имеет смысл посмотреть, какие типы словесного окружения характерны для одушевленного/неодушевленного объекта [2, с.158].

Контекстный анализ показал, что субстантивированные слова *un mort, un décédé, un défunt, un trépassé* (умерший, скончавшийся, усопший, покойный) встречаются чаще всего в лексическом окружении, характерном для одушевленных существительных: «... *il passait devant le tabernacle, soupliant le très-haut pour cette morte qu'il avait baptisée, qu'il avait instruite...*» (E.Moselly. *Terres lorraines*, 1907); «*L'application à l'étude et les divers talents du mort prêtèrent à la tante Aurélie un sujet de louange*» (P.Adam. *L'enfant d'Austerlitz*, 1902) [Здесь и далее примеры с 8]. С ними часто сочетаются существительные, указывающие на родственные связи, что также свойственно одушевленным существительным: «*Le même acte contiendra ... les prénoms, noms, profession et domicile des père et mère du décédé, et le lieu de sa naissance*» (Code civil des Français, 1804).

Указанные выше существительные могут сочетаться с одушевленно-маркированными глаголами и выражениями в форме прошедшего времени: «*Quand on ouvrit le testament du mort, on trouva qu'il nous laissait toute sa fortune. Il n'avait pas sa famille...*» (A.Dumas fils. *Le fils naturel*, 1858). Кроме того, с данной группой существительных употребляются антропонимичные прилагательные: «*Elle n'était pas bonne, la défunte; méchante, hargneuse, dépensière...*» (H.Murger. *Scènes de la vie de la jeunesse*, 1851).

Семантическое согласование субстантивов этой группы с одушевленно-маркированной лексикой осуществляется за счет связующих сем «человек» и «бывший живым».

Данные существительные, как и большинство одушевленных существительных, имеют коррелирующие пары: *un mort - une morte, un décédé - une décédée, un défunt - une défunte, un trépassé - une trépassée* (умерший - умершая, скончавшийся - скончавшаяся, усопший - усопшая, покойный - покойная). Категория рода у этих существительных значима и указывает на пол умершего.

Наиболее отчетливо грамматическая одушевленность данных существительных подтверждается случаями местоименной замены. Так, например, при субституции какого-либо из указанных выше существительных с предлогом *à* употребляется косвенное местоимение *lui*: «... *chacun s'approcha de la morte et lui baisa les mains et la figure*» (E.About. *La Grèce contemporaine*, 1858).

Вместо существительного с предлогом употребляется ударная форма личного местоимения либо относительное местоимение с предлогом, что также является грамматическим показателем одушевленности: «*La nourriture que la famille apportait, était réélement pour le mort, exclusivement pour lui...*» (J.Verne. *L'île mystérieuse*, 1874); «*Au même moment, Rodolphe encadrait dans un magnifique élan de lyrisme les derniers paroles du défunt en l'honneur de qui il venait de travailler*» (H.Murger. *Scènes de la vie de bohème*, 1869).

Употребление личного приглагольного местоимения (в данном случае дополнения) во втором лице указывает также на связь с одушевленным референтом: «*...elles t'ont oubliée, oubliée à jamais, la trépassée*» (T.Gautier. *La comédie de la mort*, 1833).

Аналогичный анализ существительных *un cadavre, un corps* в значении «*труп, тело*» указывает на их принадлежность к классу неодушевленных существительных, за исключением мистических произведений. Эти существительные характеризуются преобладанием признаков, указывающих на неживое, и выходят за пределы описываемого класса понятий, группирующихся вокруг инвариантного смыслового компонента «умерший человек» [6].

Контекстный анализ данных существительных показал, что в большинстве случаев эти слова имеют предметные значения, так как являются объектами определенных действий, манипуляций «*...nous avons glissé le cadavre dans le sac*» (G.Leroux. *Le parfum de la dame en noir*, 1908); «*Coelio jeta à terre le cadavre du vieux pontife...*» (G.Péladan. *Le vice suprême*, 1886). Именно поэтому слова *un cadavre, un corps* особенно часто употребляются в анатомии и криминалистике: «*...disséquer un cadavre c'est étudier l'homme* (L.de Bonald. *Essai analytique sur les lois naturelles*, 1800); «*... la difficulté d'apprendre l'anatomie à Rome, où l'on ne délivre, pour les études médicales, que des morceaux des femme au lieu du cadavre entier*» (E.de Goncourt, J.de Goncourt. *Madame Gervaisais*, 1869). Необходимо отметить, что исключения составляют мистические произведения, где покойники и трупы обладают всеми признаками живых существ: «*...le cadavre qui revient pour tuer et manger les vivants...*» (P. Loti. *Le mariage de Loti Rarahu*, 1882).

Отсутствие коррелирующих пар, наличие фиксированного рода подтверждает принадлежность существительных *un cadavre, un corps* к классу неодушевленных. Хотя при необходимости пол «тела бывшего живого человека» уточняется через дополнения: «*La jeune fille, sur le cadavre de son frère, pousse les cris lamentables*» (M. Barrès. *Le voyage de Sparte*, 1906).

Особый интерес представляет анализ случаев местоименной замены. С одной стороны, встречаются примеры, подтверждающие грамматическую неодушевленность данных слов: «*Cacher le cadavre eût été bien, nous en débarasser suffit*» (J.Péladan. *Le vice suprême*, 1986). В соответствии с правилами французской грамматики косвенное местоимение *en* в данном случае является субститутутом неодушевленного существительного с предлогом *de*.

С другой стороны, в ряде случаев имеет место местоименная замена субстантива *un cadavre*, свойственная одушевленным существительным: «...*ainsi qu'un grand cadavre, à qui manque la tête!*» (E.Quinet. Napoléon, 1836); «...*un malheureux lié à un cadavre et condamné à pourrir avec lui* » (J.de Maistre. Les soirées de Saint-Petersbourg, 1821). Употребление относительного местоимения *qui* и ударного личного местоимения *lui* с предлогом *à* характерно для субституции одушевленных существительных.

Встречаются примеры, где косвенное местоимение *lui* замещает существительное *un cadavre* с предлогом *à*, что также является грамматическим показателем одушевленности: «...*alors que les chimistes et les prêtres étendent le cadavre de la morte sur un banc de jaspe, lui tirent avec des aiguilles courbes la cervelle par les fosses du nez...* » (J.-К. Huysmans. A rébours, 1884).

Грамматическая одушевленность субстантива *un cadavre* в ряде случаев объясняется тем, что это существительное также содержит компонент, косвенно указывающий на предмет, бывший живым, поскольку *trun* - это тело бывшего живого организма, то есть часть, только материальная оболочка бывшего организма.

Но все же следует подчеркнуть преобладание признаков неживого в содержании этого субстантива: его ведущий смысловой компонент «тело умершего организма» вызывает представление о материальной оболочке, лишенной свойств живого, в отличие от компонента «человек», ассоциирующегося с самостоятельным носителем всех жизненных свойств, в том числе мыслительной и речевой деятельности. Отсутствие компонента «человек» обуславливает то, что существительное *un cadavre* может быть отнесено как к телу мертвого человека, так и умершего животного (*corps d'un homme ou d'un animal mort*) [5, с. 229].

Итак, преобладание семантических компонентов, указывающих на живое, обуславливает грамматическую одушевленность большинства существительных, обозначающих умерших людей, а грамматическая неодушевленность слов *un cadavre, un corps* мотивирована семантическим компонентом, указывающим на неживое. Таким образом, категория одушевленности/неодушевленности отражает обыденные представления о живом и неживом, то есть субъективную оценку человеком объектов действительности, далеко не всегда совпадающую с научной картиной мира.

Список литературы

1. Еременко Т.Ю. Категория одушевленности и критерии ее выделения во французском языке// Коммуникативный статус и реализация стилистических единиц во французском языке: Сб. науч. тр. Вып. 340. – М., 1989.
2. Кряжевских Н.Н. Особенности выражения языковой категории одушевленности/неодушевленности в английском существительном «ghost»// Вестник ВятГГУ. - 2008. - № 3 (1).
3. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителей. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1976.

4. Dictionnaire des synonymes, analogies et antonymes / réd. dirigé par. - Paris: Bordas, 1981.
5. Dictionnaire Hachette illustré / réd. dirigé par J.-P. Mével. – Paris: Hachette livre, 2008.
6. <http://rus.1september.ru>
7. <http://www.znachenie-slova.ru>
8. <http://www.cntrl.fr>

А.П. Подкорытов
кандидат филологических наук, доцент
кафедра французской филологии
Курганского государственного университета

НАУЧНЫЙ СТИЛЬ И ФРАНЦУЗСКАЯ РЕАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРОЗА XIX ВЕКА

Характеризуя особенности произведений французских реалистов XIX века, многие исследователи указывают на значительное присутствие в них элементов стиля научного изложения [7, с.120; 8, с. 3; 5 и др.].

Научный стиль во Франции XVIII - XIX вв. был еще на стадии формирования, которое не закончилось и по настоящее время. В средневековье языком европейской науки в основном являлась латынь. Научные трактаты на родном языке писались в довольно произвольной форме (включая стихотворную) и по языковым параметрам мало чем отличались от рукописных или печатных произведений ненаучного плана. Еще в древнем Риме философская поэма Лукреция «О природе вещей» как и «Энеида» Вергилия была написана дактилическим гекзаметром, хотя это разные по тематике и задачам произведения. Некоторые трактаты Галилея, по мнению современников, отличались излишней беллетристичностью.

Современный стиль научного изложения наряду с публицистическим и официально-деловым В.В. Виноградов относил к «стандартному» стилю в отличие от художественной речи и разговорного языка. Исследователи научного стиля достаточно единодушны, считая, что «в научном тексте релевантным оказывается отсутствие индивидуальности отправителя речи, т.е. выраженная стандартность вокабуляра, словосочетаний, синтаксических построений, большое количество клише, иначе говоря, всего того, что необходимо для функции сообщения, для передачи информации» [1, с. 68-69]. Индивидуальное считается допустимым в научном тексте, но оно отстает перед стандартом данного стиля [2, с.120].

Соотношение стандартного и индивидуального в текстах научного изложения зависит от жанра (диссертация, реферат, монография, статья, аннотация и т.д.), тематики (научно-технические и гуманитарные тексты, работы по химии и философии, лингвистике и литературоведению не могут не отличаться друг от друга не только выбором лингвостилистических средств лексического и грамматического плана, но и степенью «стандартизации»). Стиль начинающих исследователей может отличаться от манеры изложения крупных ученых, во-первых, разным уровнем владения нормами научной речи, во-вторых, различной степе-

ную самостоятельности изложения, позволяющей в определенных пределах выходить за рамки сложившегося стандарта. В работах «маститых» ученых в большей степени могут проявляться элементы эмоциональности и образности, реализующиеся в риторических вопросах, восклицательных предложениях и переносах значения. В научном изложении может находить отражение возраст, а также пол автора [6, с.263]. На стиль научного изложения не может не влиять и язык, к которому он относится. Например, немецкий стиль научного изложения отличается от французского большим проявлением книжности и эмоциональной и субъективно-оценочной нейтральности, русский и английский научные стили занимают в этом плане промежуточное положение [6, с.263].

К сожалению, мы не располагаем данными сопоставительного анализа французского научного языка начала XIX века и нашего времени, хотя с уверенностью можно предполагать, что какое-то различие между ними существует, поскольку интенсивное формирование современного стиля научного изложения происходило в 50-70 гг. [6, с.263]. Известно, например, что в научной литературе XIX в. часто употреблялось авторское «я» вместо «мы», чего не наблюдается в современных научных текстах. Повидимому, можно говорить также о большей индивидуальности научного изложения XIX в, поскольку тенденции к выработке «стандарта» стали проявляются в более позднее время. В целом же мы исходим из того, что научный стиль XIX в. во многом был аналогичен современному.

Ю.В. Рождественский, определяя специфику стиля научной литературы, отмечал, что в его основе лежат представления о ясности, точности, адекватности понимания текста и воспроизводимости его содержания. По его мнению, к научному изложению предъявляются следующие требования:

1. Должна быть определена область научного знания, к которой относится данный научный текст.
2. Научный текст должен содержать точные указания на предшествующие исследования по данному предмету (цитирование).
3. В научном тексте обязательно использование терминов и понятий той области научного знания, к которой он относится.
4. В научном изложении обязательно использование научного аппарата (математического, химического и т.д.) и правил построения научного текста, принятых в данной области знания.
5. Термины и понятия должны употребляться в постоянном значении в рамках научного текста.
6. Научное изложение не должно выходить за пределы научных посылок данной области знания, если это не оговорено специально [4, с.217].

Большая часть перечисленных признаков прослеживается при анализе текстов французских реалистов первой половины XIX века: Бальзака, Мериме, Стендаля, а также авторов «физиологических» очерков, опубликованных в

1840-42 гг. в восьмитомном альманахе под редакцией Кюрмера. Сборник включал очерки 101 автора, среди которых были О. де Бальзак, Ж. Санд, Ж. Жанен, П. де Кок, А. Монье и др., и носил название «Моральная энциклопедия XIX в. Французы в собственном изображении». Разумеется, все перечисленные тексты нельзя относить к научному изложению в чистом виде в первую очередь потому, что они были написаны во время безраздельного господства романтизма во французской литературе и не могли не включать в себя стилевые черты этого направления: эмоциональность, субъективность и образность в принципе малохарактерные для научной речи. В «Этюде о Бейле» Бальзак, характеризуя особенности своей писательской манеры, назвал ее «литературным эклектизмом», синтезирующим «литературу идей» в традициях классицистов XVII - XVIII вв. и «литературу образов» в духе Шатобриана и Гюго.

Критики не случайно называли Бальзака «доктором социальных наук»: его «Человеческая комедия», насчитывающая 2000 персонажей – типов, представляла собой модель французского общества XIX в. Ипполит Тен сравнивает творчество Бальзака с французской энциклопедией за широту охвата действительности. Созданная под влиянием английской энциклопедии (общего словаря искусств и наук) Э. Чемберса в 1728, французская энциклопедия (толковый словарь наук, искусств и ремесел) в 17 томах под редакцией Дидро и д'Амбера включает в себя работы П. Лапласа, А. Лавуазье, К. Бернара, Ж.-Л. Бюффона, Ж.Ж. Руссо и другие статьи по самым разнообразным областям научной и профессиональной деятельности. «Важнейшая особенность творчества Бальзака состоит в том, что он оставил нам не просто большое число романов, но историю целого общества; действующие лица его произведений – врачи, стряпчие, судьи, государственные деятели, купцы, ростовщики, светские дамы, куртизанки – переходят из тома в том, и это придает осязаемость и достоверность...» [3, 209]. И. Тен также отмечает широту охвата действительности и достоверность, близкую к научному изложению: «Г-н де Бальзак говорит как словарь искусств и ремесел, как учебник немецкой философии и как энциклопедия естественных наук <...> Этот стиль – гигантский хаос <...>, там есть всё: искусство, науки, ремесла, всеобщая история, философии, религии; нет ничего, что не поставляло бы туда слова <...> Химия объясняет любовь; кухня затрагивает философию; музыка или бакалея роднятся с философией» [9, с.88-92].

«Бальзак автор неизменно стоит на позиции ученого, философа, анализирующего, дедуцирующего и обобщающего» [7, с.120]. Авторская речь содержит подробные описания, рассуждения и выводы, где прослеживаются многочисленные лексико-грамматические признаки стиля научного изложения: предложения с вневременным настоящим, преобладание подчинительной связи внутри сложных предложений, частотность придаточных условных, причинных и сравнительных предложений, многосложные «книжные» слова с греко-латинскими корнями и аффиксами. Так, например, существительные с суффиксами -ment, -ation (établissement, évènement, renforcement, monument, ornement ; observation, sensation, agglomération, fructification и т.д.), прилагательные с суффиксами -ique, -able, -ible, -al, -el (dramatique, classique, métallique,

problématique, mécanique, véritable, favorable, considérable, incurable, indestructible, possible, inentelligible, social, catarrhal, général, artificiel, paternel, superficiel), наречия на -ment (également, incessamment, promptement, entièrement) в бальзаковских текстах фигурируют с большей частотностью, чем в произведениях предшествующей литературы (например, в готическом романе или прозе романтиков, где элементы научного стиля появлялись лишь спорадически или полностью отсутствовали). Текст Бальзака изобилует терминологией, причем это не только термины социального или философского плана (société, politique, publique, civilisation, institution, populaire, phénomène, thèse и т.д.), но и термины различных отраслей знаний и профессий (от медицинских до полиграфических). Введение этих терминов не всегда мотивировано тематикой изложения, гораздо чаще они используются в переносном значении в составе тропов. В результате создается специфическая образность. Например: «Peut-être pourrait-elle (la pièce) se décrire si l'on inventait un procédé pour évaluer les quantités élémentaires et nauséabondes qu'y jettent les atmosphères catarrhales et sui generis de chaque pensionnaire, jeune ou vieux». В этом примере физическая и медицинская терминология и латинское выражение используются для того, чтобы описать тошнотворный запах, царящий в пансионе мадам Воке.

Еще один пример: «L'embonpoint blafard de cette petite femme est le produit de cette vie, comme le typhus est la conséquence des exhalaisons d'un hôpital». Здесь медицинская терминология входит в состав сравнения и используется в переносном значении. При этом оба предложения и по своей грамматической форме близки к научному стилю (вневременное настоящее, придаточные условные и сравнительные).

Однако бальзаковский текст содержит одновременно целый ряд признаков, свойственных стилю романтической прозы: это риторические вопросы, восклицательные предложения, инверсии, в том числе употребление прилагательных в препозиции, эмоционально-оценочная лексика экспрессивного плана (ne bon – mauvais, но magnifique, parfait, splendide, divin и т.п. – horrible, terrible, abominable, infernal и пр.), слова семантического поля «тайна»: énigmatique, mystérieux, secret, inconnu, поля «смерть»: mortel, funeste, tragique и т.д., присущие стилю романтической литературы. Подобно романтикам Бальзак старается выбрать самый экспрессивный член синонимического ряда, используя все ресурсы французского языка. Но и этого ему кажется мало: он вводит собственные неологизмы, которые ему представляются более экспрессивными. Например: «Cette première pièce exhale une odeur sans nom dans la langue, et qu'il faudrait appeler l'odeur de pension» (Le père Goriot). «Saisirez-vous bien cette figure pâle et blafarde, à laquelle je voudrais que l'académie me permit de donner le nom de face lunaire: elle ressemblait à du vermeil dédoré» (Gobseck).

С научным стилем бальзаковскую прозу сближает большое количество цитат и ссылок на ученых – естествоиспытателей, философов и историков, писателей и поэтов. Декарт, Паскаль, Савари, Дарсе, Палисси, Мессмер, Лафатер, Галь, Биша, Кювье, Гей-Люссак, Араго; Вольтер, Руссо, Дидро, Цицерон, Тит

Левий, Сен-Симон; Стерн, Байрон, Рабле, Расин, Шекспир, Оссиан – вот далеко не весь список научных и литературных авторитетов, которые встречаются на страницах только одного романа «Шагреновая кожа». Вместе с именами композиторов, политических деятелей, литературных персонажей все эти антропонимы придают тексту Бальзака большую документальность, но создают пестроту стиля, характерную для романтических произведений [7, с.145].

Стиль «физиологических» очерков в большой степени напоминает манеру изложения Бальзака, который сам является автором очерков «Нотариус», «Бакалейщик», «Физиология брака». «Физиологи́сты» часто называли свои очерки монографиями или исследованиями, широко используя при этом романтический метод описания с его вычурностью и патетикой, которые, как и научный стиль, мало подходили для описания заурядных героев «физиологических» очерков. В результате противоречия между коннотациями возникал комический эффект, который в немалой степени способствовал популярности этого жанра.

Стендаль и Мериме также широко использовали стиль научного изложения при описании своих «исключительных героев в исключительных обстоятельствах»: Бернар Мержи, Коломба, Кармен, Жюльен Сорель, Фабрицио дель Донго – это ведь по сути романтические герои, но они описываются не восторженным романтиком, но ученым историком (как у Мериме) или внимательным наблюдателем и трезвым аналитиком (как у Стендаля).

В заключение можно отметить, что проза реалистов первой половины XIX века отличалась большой полифоничностью, чему немало способствовало использование элементов стиля научного изложения.

Список литературы

1. Береснев С.Д. Исследование лексики немецких научных текстов с позиции получателя речи: Дис. ... д-ра филол.наук. - Свердловск, 1973.
2. Морен М.К., Тетеревникова Н.Н. Стилистика современного французского языка. – М.: Высш. школа, 1970.
3. Моруа А. От Монтеня до Арагона. - М.: Радуга, 1983.
4. Рождественский Ю.В. Общая филология. – М., 1996.
5. Тихонова О.В. История западно-европейской литературы XIX в (романтизм, реализм). – Воронеж: Изд-во полиграфического центра Воронежского гос. ун-та, 2008.
6. Троянская Е.С. Лингвостилистическое исследование немецкой научной литературы. – М.: Наука, 1982.
7. Эткинд Е.Г. Семинарий по французской стилистике. Проза. – Л.: Госучпедгиз, 1960.
8. Rincé Dominique. La littérature française de XIXe siècle . – P.: Presse Universitaire de France, 1982.
9. Taine H. Nouveaux essais de critique et de l'histoire. - P.: Hachette, 1880.

М.А. Поманисочка
старший преподаватель
кафедра английской филологии
Курганского государственного университета

ЭМОТИВНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ АКАДЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Обширные знания о различных аспектах речевой деятельности, накопленные студентами факультетов и отделений иностранных языков ко времени, когда они становятся студентами старших курсов, их способность грамматически правильно строить собственную речь на иностранном языке не приводят к желаемому успеху до той поры, пока не решена еще одна не менее важная задача - каким смысловым содержанием наполнить эту речь.

Существует ряд стандартных приемов, прошедших проверку временем, используемых преподавателями для того, чтобы дать в распоряжение учебной аудитории необходимые средства для создания условий с целью в конечном счете получить от студентов полноценные логически законченные высказывания по предложенной теме, другими словами, создать необходимую учебную ситуацию с тем, чтобы студенты могли синтезировать свой собственный текст, который способствовал бы дальнейшему благополучному совершенствованию их риторических компетенций.

Любому преподавателю, занимающемуся практикой письменной и устной речи по иностранному языку в любом учебном заведении, прототип этой учебной задачи знаком также хорошо как гурману рецепт приготовления его любимого блюда. Рабочая программа педагога предельна проста: дайте учебной аудитории необходимые лексические средства, снабдите ее надлежащими лексико-грамматическими моделями, озадачьте ее жизненно вероятными коммуникативными пресуппозициями, уповайте на то, что стимулирование их деятельности академическими оценками по-прежнему эффективно, надейтесь на то, что сложный клубок социально-психологических отношений в данном учебном коллективе не создаст труднопреодолимых барьеров на пути созидательного порыва каждого из членов этого коллектива, и со священным трепетом ждите успешного выполнения вашего учебного плана. Это с одной стороны. С другой стороны, любому преподавателю-практику в той же степени хорошо знакомы ощущения несостоявшегося ожидания, когда студенты не справляются с заданием в первую очередь потому, что оказываются неспособными наполнить свою речь релевантным содержанием.

Содержательное наполнение (или контент) академической речи студентов представляется нам предметом исключительно многогранным, и в данном конкретном случае мы хотели обратить внимание на эмотивную составляющую в речевых отрезках разной масштабности, создаваемых студентами в процессе своей учебной деятельности. Нуждаются ли средства эмоциональной оценочности в специальной разработке в ходе учебного процесса или их следует считать частью основного пласта изучаемой тематической лексики?

С того самого времени, когда научное сообщество, размышляющее над проблемами языкознания, начало в должной мере уделять внимание изучению смысловых составляющих речи в отличии от ее формальных элементов, когда язык и речь стали предметами исследования не только в парадигматике аналитической философии, феноменологии и герменевтики, но и заинтересовали собственно лингвистов, началась дискуссия о функциональной стороне языковых средств плана выражения.

Описание эволюции лингвистических теорий, освещающих проблематику функциональности языка и речи, в кратком, но исчерпывающем виде дано в работе О.Е. Филимоновой «Язык эмоций в английском тексте», где она, опираясь на выводы большого числа ученых, говорит о необходимости пристального изучения эмотивной функции языка наряду с более глобальными, такими как коммуникативная, когнитивная, эстетическая. Автор указывает, что во многих случаях исследователи, в частности выдающийся американский лингвист Роман Якобсон, рассматривают понятия «экспрессивная функция» и «эмотивная функция» как синонимичные, а В.А. Аврорин выделяет особую эмотивно-волеутикативную и «относит [ее] к функциям речи наряду с номинативной, сигнальной, поэтической, магической и этнической». Как отмечает О.Е. Филимонова, количество языковых функций, выделенных учеными, превысило 30 и в будущем нам следует ожидать увеличения их числа.

Другой исследователь, Г.А. Золотова, утверждает, что «соотношения функций внутри каждого уровня <...> не рядоположено, они то пересекаются, взаимодействуют, наслаиваются друг на друга, то отталкиваются, противопоставляются ...».

Поскольку типология функций языка не является предметом данного исследования, сочтем важным упомянуть, что применительно к изучению категории эмотивности О.Е. Филимонова постулирует релевантность рассмотрения модальной, регулирующей, поэтической функций и функции самовыражения.

Многообразна и подчас противоречива трактовка категории эмотивности, она занимает центральное место в исследованиях, посвященных проблемам семантики, стилистики, прагматики, лексикографии, психолингвистики, теории речи и текста. Из последних работ, в фокусе которых оказалась эмотивность, следует отметить труды В.И. Шаховского, Ю.А. Сорокина, С.В. Ионовой.

В частности С.В. Ионова, ориентируясь на трактовку профессора В.И. Шаховского, понимает эмотивность как «имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики, отраженные в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции. Эмотивность текста рассматривается как двусторонняя сущность, имеющая план выражения и план содержания, через которые манифестируются эмоциональные отношения / состояния говорящих. Основу плана содержания эмотивности составляет субъективная оценочность, являющаяся источником появления эмоционального состояния / отношения говорящего;

план выражения представлен категорией экспрессивности, главная функция которой состоит в способности повышать воздействующую, прагматическую силу языковой единицы, обеспечивая ее эмоциогенность. В круг рассматриваемых вопросов включаются все проявления эмоционального в тексте: эмоциональный объект отражения, само эмоциональное отражение, способ выражения эмоционального».

Мы далеки от намерения вступать в полемику с авторитетными учеными о статусном положении эмотивности, пытаться при этом установить для нее отношения подчиненности или инкорпорированности в составе более всеобъемлющей экспрессивной функции, как считает, например, Е.В.Бреус. Более того, мы склонны разделить точку зрения О.Е. Филимоновой о необходимости выполнения когнитивно-дискурсивного исследования этой категории, ее «комплексное изучение <...> как в самых простых, элементарных контекстах реальных жизненных ситуаций, отраженных в <...> текстах нехудожественной прозы, так и в различных фикциональных жанрах, в поэзии, прозе, драме и в фольклоре» и, соглашаясь с ее предложением о всепроникающем ее характере, присвоить ей ранг универсальной.

Вместе с тем, наша задача выглядит много более прагматичной: в какой степени, в каких качествах должна присутствовать эмотивность в академическом дискурсе студентов, изучающих иностранный язык на старших курсах романо-германского отделения филологического факультета, каким образом мотивировать их обращение к элементам эмотивности в процессе речевой деятельности, какие ее средства должны быть представлены в тех или иных видах текстов.

Эмоциональный фон любой познавательной деятельности есть неотъемлемая часть ее порождения, протекания и ее результатов, он практически всегда имплицитно учитывается при рассмотрении весьма популярной в наши дни категории мотивации. Практикующий преподаватель также безоговорочно уверен, что положительный эмоциональный фон любого вида занятия – это одна из важнейших гарантий успеха его усилий, что существует только одна альтернатива положительным эмоциям в учебной аудитории – это обращение к командно-приказной дисциплине.

Преподаватель прогнозирует эмотивность учебной ситуации еще на стадии подготовки занятия, на стадии поиска материала, который спровоцировал любознательность аудитории, и будет стараться поддерживать эту положительную эмотивность на столько, на сколько будет хватать его таланта и физических сил. В наших условиях при поиске учебного материала для занятий учитывается тот эмоциональный отклик, который будет иметь место при знакомстве с ним учебной аудитории. Скажем, выбирая между описанием пребывания королевской особы в Зимбабве и политизированным очерком о непростой ситуации в Магнитогорске в журнале Newsweek, трудно ошибиться в выборе. То, как видится наша реальность носителям иной культуры, живущими в другой реальности, вызывает неподдельный интерес аудитории.

Но как же быть с лексикой, которая репрезентировала бы чувства и эмоции в собственной речи студентов? Ставшие доступными с некоторых пор многочисленные пособия по развитию речи английских и американских авторов содержат разделы, направленные на активизацию эмоционально-оценочных средств английского языка.

В качестве примера хотелось бы привести выдержки из пособия по развитию письменной речи издательства Express Publishing *Successful Writing* Вирджинии Эванс. На странице 10 пособие содержит экплицитные рекомендации об использовании приемов описания:

Narrative techniques (use of direct speech, weather description, use of dramatic language to create mystery/suspense, reference to feelings/ moods, etc.) can be used when describing people. This will make your composition more interesting to the reader. See how an ordinary beginning can be made more exciting:

Instead of saying: I first met Steven, the secretary of the manager of Sunnington Ltd, last Monday.

You could say:

- *A cold wind was blowing down the street last Monday morning as I pushed open the heavy glass door of Sunnington Ltd. Chilled and nervous, I walked up to Mr Tibbs' secretary. A pair of friendly dark eyes met mine. So this was Steven! (weather description, your feelings, suspense)*
- *«Mr Tibbs is at a meeting. Would you like to wait? He'll be about ten minutes.» He had a sharp clear voice, and a narrow intelligent face. I could see why Mr Tibbs, the manager of Sunnington Ltd, spoke so highly of Steven. (direct speech, mystery)*

Надо отметить, что практически каждый раздел этого пособия содержит упражнения, суть которых сводится к выбору релевантных ситуации эмоционально-оценочных прилагательных и наречий для описания этой ситуации. Довольно часто пособие предлагает уже готовый набор именных сочетаний для создания собственного нарратива. Скажем, для описания особенностей ландшафта автор дает следующий набор именных сочетаний: *crowded streets, burning sand, icy cold air, colourful shop signs, snow-covered mountains, whistle of cold wind, tall buildings, car horns beeping, etc.*

Как же все-таки мотивировать студенческую аудиторию к развернутому употреблению подобных лексических единиц? В чем должна состоять выгода и прелесть их употребления? Стоит ли апеллировать к эмотивному восприятию собеседника или рассчитывать, что известный благодаря экскурсам в область прагматики коммуникативный эффект будет достигнут и без этого? Что касается упомянутого пособия, то автор на В. Эванс этот счет немногословна, ее мотивация представлена выше в фрагменте из учебного пособия: «... more interesting...». Ваше описание станет более интересным и не более.

Во-первых, учебная ситуация с предъявлением студентами устных и письменных речевых отрезков различной протяженности и сложности достаточно реальна, чтобы говорить о реализации прагматических установок конкретно в этих условиях. Рассматривая эту ситуацию с позиций эпистемологии, полезно обратиться к статье Б.С. Шалютина «О сущности и формах эмпатического познания», в которой говорится о том, что этот вид познания, неизвестный до сей поры эпистемологии, «представляет собой самостоятельный механизм познания, рядоположный сенсорному и понятийному».

Собственно понятие «эмпатия» достаточно известно, об этом свидетельствует наличие статьи в популярной электронной энциклопедии. Википедия трактует его следующим образом: «Эмпатия - способность поставить себя на место другого человека и животного, способность к сопереживанию. Эмпатия также включает способность точно определить эмоциональное состояние другого человека на основе мимических реакций, поступков, жестов и т. д.». Именно эта способность сопереживать, разделять в той или иной мере чувства и эмоции других делает нас восприимчивыми ко всем видам вербального и невербального воздействия. Именно эта готовность ощущать на себе видимое и слышимое превращает нас в читателей, зрителей и слушателей.

Можно предположить, что чем больше потенциал эмотивности в получаемой нами информации, тем в большей степени мы готовы к подобным ощущениям.

Справедливости ради стоит отметить, что академическое занятие - это все же симбиоз сенсорного и понятийного видов познания, описанных Б.С. Шалютиным. Но если говорить именно об потенциальном эмотивном содержании речи студентов и о том, что следует предъявить студенческой аудитории в качестве стимулирования употребления эмоционально-оценочных языковых средств, то этой аудитории, весьма искушенной в вопросах практического вербального воздействия, не потребуется долго объяснять, какую же все-таки пользу они извлекут из овладения достойным арсеналом этих средств.

Потребуется проделать значительный объем работы, чтобы ответить на остальные вопросы, сформулированные в начале нашей статьи.

Но одно несомненно: привнесение эмоционально-оценочных средств во всем их разнообразии в контент академического дискурса обернется многими выигрышными обстоятельствами для реализации непростых задач по развитию компетентного потенциала студенческой аудитории, ее возможностей создавать на иностранном языке высказывания, в большей степени насыщенные элементами персвазивности и обладающие большей убедительной силой.

Список литературы

1. Бреус Е.В. Курс перевода с английского языка на русский. - М.: Р.Валент, 2007.
2. Ионова С. В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема: Дис. ... канд. филол. наук. - Волгоград, 1998.

3. Филимонова О.Е. Язык эмоций в английском тексте. - СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2001.
4. Шалютин Б.С. О сущности и формах эмпатического познания // Вестник КГУ. Серия «Гуманитарные науки». – Вып. 4. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2008.
5. Evans V. Successful Writing. Express Publishing, 1998.

Д.В. Портнягин

кандидат филологических наук, доцент

кафедра английской филологии

Курганского государственного университета

С.Г. Достовалов

кандидат психологических наук, доцент

кафедра психологии развития и возрастной психологии

Курганского государственного университета

ЧЕРТЫ ЛИЧНОСТИ В ДРАМАТИЧЕСКОМ ОБРАЗЕ ПРИВИДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПРИЗРАКА ОТЦА ГАМЛЕТА)

Может ли привидение быть личностью? Данный вопрос не случаен, если речь идёт о Шекспировских фантомах.

Драматический образ привидения, чье развитие в дошекспировской драме было прослежено Дж. А. Саймондсом (J.A.Symonds, 1840 – 1893) [5], претерпел под пером самого Шекспира (Shakespeare, 1564 – 1616) значительные изменения, а его художественная роль подверглась существенной модификации. В то время как в пьесах предшественников Шекспира привидение было простой машиной, голосом, «озвучивавшим» месть, у Шекспира призрак начинает наделяться *личностными чертами*. Шекспировское привидение, как отметил Лессинг (Lessing, 1729 – 1781) в памятном пассаже из «Гамбургской драматургии» («Hamburgische Dramaturgie», 1767), – «eine wirklich handelnde Person» [4, с.67]. Фантом Шекспира отличается от духов античных трагедий, которые пробуждались из Эреба для того, чтобы парить над актерами. Образно говоря, Шекспир не стал обряжать привидение в грязные лохмотья, а представил призрак в одеждах, присущих тому до обретения бессмертия. Не всегда понятным массовому зрителю бормотаниям о танталовых муках, исходящим из уст «вестников», «теней», «ликков» и т. п., Шекспир предпочел свойственные своему времени представления о сверхъестественном. Кроме того, по ходу «очеловечивания» призрака Шекспир придал этому образу такую степень идейной значимости, которая вряд ли присутствовала у его предшественников. Шекспировское привидение – это *одновременно* и воплощение горестного предчувствия, и инструмент божественного правосудия.

Одной из творческих задач, представших перед Шекспиром на пути реформирования драматического образа привидения, явилось *создание* «личности» призрака, представление его в качестве существа, наделённого моралью и интеллектом, способного завоевать симпатию зрителей. Представляется, что

наиболее успешно данная задача была решена драматургом в образе призрака отца Гамлета.

В «Гамлете» («Hamlet», 1600 – 01) необходимость придания призраку личностных качеств является в некотором смысле вынужденной. В то время как в других пьесах Шекспира зритель имеет возможность познакомиться с Банко, Юлием Цезарем и жертвами Ричарда III в их земной жизни, в «Принце Датском» смерть старого короля *предшествует* началу трагедии.

Первое впечатление, которое производит Призрак, появляясь перед Горацио и другими персонажами в начале пьесы, – впечатление великого короля-завоевателя. Он двигается по сцене «грозным шагом» («martial stalk») в том же доспехе, в котором бился со старым Фортинбрасом Норвежским. Воинственный и величавый вид Призрака заставляет Марцелла понять бесполезность угроз в адрес привидения:

We do it wrong, being so majestic,
To offer it the show of violence;
For it is, as the air, invulnerable,
And our vain blows malicious mockery [7, с.896].

При повторном появлении фантома в 4 сцене I акта перед зрителем предстаёт всё тот же «мёртвый повелитель датчан», но в его образе видны новые черты – черты заботливого отца. Тень учтиво предлагает Гамлету отойти поодаль и, возлагая на принца священный долг мести, одновременно беспокоится о его душевном состоянии. На себе испытав суровое пламя Чистилища, Призрак оглашает строгое предписание:

Taint not thy mind...[7, с. 902].

Но ещё более поразительно милосердие, которое выходец с того света проявляет по отношению к королеве. Гертруда, может быть, и не причастна к убийству короля, но она, несомненно, изменила ему в его земной жизни (см.: I, v, 41f.; [3, 166]). Между тем его «...благородная любовь/ Шла неизменно об руку с обетом,/...данным при венчанье» [6, с.35]. Однако король продолжает любить и после смерти. Он приказывает Гамлету:

...nor let thy soul contrive
Against thy mother aught. Leave her to heaven
And to those thorns that in her bosom lodge,
To prick and sting her [7, с.902].

При явлении Призрака в 4 сцене III акта зритель имеет возможность ещё раз оценить благородство тени отца Гамлета. Принц проигнорировал указания фантома, но «блаженный образ» возникает перед Гамлетом как раз в тот момент, когда, измученная упрёками сына, Гертруда молит о пощаде:

O , speak to me no more!
These words like daggers enter in mine ears.
No more, sweet Hamlet! [7, с.918].

Данный эпизод – единственный во всей пьесе, где Призрак выступает в качестве «субъективного» фантома. Следует признать, что вопрос «Почему королева *не видит* Призрака?» относится к одной из загадок трагедии и по-разному решается шекспироведами. Однако можно предположить, что привидение не показывает себя Гертруде из уважения к её чувствам и страха за её душевный покой. Свидетельство тому – последующие слова Призрака, где он прямо признаёт, что страдания бывшей супруги заставили его отложить основную цель визита – «...заострить притупленную волю» [6, с.98] сына:

Do not forget! This visitation
Is but to whet thy almost blunted purpose.
But, look, amazement on thy mother sits.
O, step between her and her fighting soul.
Conceit in weakest bodies strongest works.
Speak to her, Hamlet [7, с.919].

Привидение ещё некоторое время остаётся на сцене, наблюдая за бывшей женой и сыном с видом настолько скорбным, что, по словам Гамлета, он мог бы растрогать камни, и деликатно удаляется.

История литературоведения знает немало примеров того, как на стыке с другими областями знания обнаруживались или доказывались интересные явления в наследии классиков. В случае с призраком отца Гамлета любопытно проследить, как новаторство Шекспира в наделении вспомогательного драматического образа чертами личности подтверждается данными психологической науки. В психологии личность преимущественно определяется своим отношением к окружающему миру, к другим людям. Критериями сформировавшейся личности являются:

- наличие иерархии мотивов, т. е. способность преодолеть собственные побуждения ради чего-то другого;
- сознательное руководство собственным поведением [1].

Нетрудно заметить, что во всех «призрачных» сценах выходец с того света действует вполне осознанно, а в сцене с Гертрудой проявился ещё один *психологический* критерий личности – иерархия мотивов.

Таким образом, в отличие от невнятных теней из трагедий Сенеки Шекспир наделяет своего Призрака чертами **личности**. Фантом последовательно предстаёт перед зрителями то в роли короля-воина, то как заботливый отец, то, наконец, как милосердный муж, чья любовь к неверной супруге оказалась сильнее горечи от преступления и бесчестья.

Список литературы

1. Божович Л.И. Этапы формирования личности. – М.: Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995.
2. Путеводитель по английской литературе / Под ред. М. Дрэббл и Дж. Стрингер. – М.: ОАО Изд-во «Радуга», 2003.

3. Шекспир У. Полное собрание соч. в 8 т. / Под общ. ред. А.Смирнова и А. Аникста. – Т.6: Гамлет. Мера за меру. Отелло. Король Лир. – М.: ГИ «Искусство», 1960.
4. Bradley A. C. Shakespearean Tragedy: Lectures on Hamlet, Othello, King Lear and Macbeth. – L.: Macmillan & Co, 1908.
5. Lessing G. E. Hamburgische Dramaturgie. – Leipzig: Göschen'sche Verlagshandlung, 1856.
6. Symonds J. A. Shakspeare's Predecessors in the English Drama. – L.: Smith, Elder & Co; NY: Charles Scribner's Sons, 1900.
7. Shakespeare W. The Complete Dramatic and Poetic Works/ Ed. from the text of the early quartos and the first folio by W. A. Neilson. – Boston & NY: Houghton Mifflin Company; Cambridge: The Riverside Press, 1906. – (The Cambridge Edition of the Poets).

Е.А. Постовалова

старший преподаватель

кафедра иностранных языков гуманитарных специальностей

Курганского государственного университета

ЭТНИЧЕСКИЕ АВТОСТЕРЕОТИПЫ РУССКИХ И АМЕРИКАНЦЕВ В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В современном мире в период глобализации происходит расширение взаимосвязей различных стран и народов, интенсивное общение представителей разных культур друг с другом. И в этом общении (межкультурной коммуникации) иногда случаются конфликты, происходящие очень часто из-за несовпадения культурного кода культур, из-за разных систем ценностей, и что особенно важно, из-за ложных представлений и стереотипов.

Главной причиной межкультурных конфликтов являются культурные различия между народами, т.е. между различными системами норм и ценностей. Они возникают из-за причин социального характера – от простого языкового непонимания партнера и негативных предрассудков и предубеждений по отношению к его культуре до глубинных, неосознаваемых самими участниками конфликта причин. В процессе межкультурной коммуникации причинами напряженности и конфликта часто бывают ошибки атрибуции (приписывание объекту общения мотивов поведения). Важную роль в построении атрибуций играют стереотипы. Индивидуальное сознание имеет массу установок и стереотипов, свойственных своей национальной общности. Многие установки и стереотипы индивид воспринимает на уровне обыденного сознания, не задумываясь, в качестве готовых рецептов, такими, какими они сформировались в общественном сознании.

Для профилактики межкультурных конфликтов очень важно знать представления нации о самой себе, т.е. ее этнических автостереотипах.

В отечественной социальной психологии этнический стереотип трактуется как «социально обусловленное схематически стандартное представление этнофора о своей этнической общности (автостереотип) или других этнических общностях (гетеростереотип)» [3, с.78].

«Этнические стереотипы выполняют важную функцию, определяя поведение человека в различных социальных ситуациях, составляя непреходящий атрибут в этнокультурной социализации, влияя на этнические симпатии-антипатии, на национальные установки, определяющие межэтнические взаимодействия людей» [3, с.79].

Именно этнические стереотипы составляют основу национального характера.

В современном мире несомненным является то, что вся мировая культура испытывает огромное влияние культуры США. Россия не является исключением. С началом процессов перестройки, с увеличением числа контактов нашей страны с Америкой, с проникновением в нашу культуру предметов и ценностей американской культуры, к которым, прежде всего, можно отнести предметы масс-культуры (фильмы, музыка, компьютерные игры, и т. п.), можно ставить вопрос о влиянии в той или иной мере американской культуры на русскую. Но что мы знаем о самих американцах? Стереотипы и представления индивидуального сознания часто складываются из третьесортных дешевых американских фильмов, которыми наводнено наше телевидение.

В предлагаемой статье делается попытка сравнительного анализа этнических автостереотипов, основанная на современных исследованиях проблемы. Начнем мы с исследований русского национального характера.

Исследованию русского национального характера посвящено множество работ, от общеполитических, связанных с размышлениями о «загадочной русской душе», до узконаучных, рассматривающих те или иные черты русского национального характера на основе проведенных экспериментов.

В исследовании петербургских ученых [4, 1996] основными индикаторами русского национального характера стали ответы на вопрос «Назовите, пожалуйста, 5 основных качеств, присущих большинству русских». Соотношение автостереотипов с преобладанием положительной и отрицательной оценки 3:1.

Самым главным качеством является доброта (27,6%) и ее выражение в отношении к людям: доброжелательность, радушие, душевность, отзывчивость, сердечность, милосердие, великодушие, сострадание, сопереживание. Первые места занимают качества, отражающие общий стиль поведения русского человека (простота, открытость, честность, терпимость, всего 40 качеств) и отношение человека к другим людям (50 качеств). Значительно реже стереотипы выражали отношение русского человека к самому себе (в частности, гордость, уверенность в себе и т. д.) - их было всего 23. Этот факт, думается, свидетельствует о типичной для русских установке на других (групповой стереотип поведения) и слабой фиксации самооценки. Недостатки преобладают над достоинствами лишь в одном гнезде стереотипов, фиксирующих отношение к труду: русский трудолюбив, работоспособен и вынослив, но значительно чаще ленив, халатен, безалаберен и безответственен, его трудовую деятельность отличают

«наплеватьство и разгильдяйство» (на 9 положительных качеств 16 отрицательных).

К. Касьянова выделяет следующие черты русского национального характера: терпение (долготерпение, терпимость), доброту, «широту души», открытость, бесшабашность, щедрость, трудолюбие, оптимизм, гостеприимство, веру, лень, безалаберность. Основными ценностями русского народа названы, прежде всего, духовные ценности (дух довлеет над материей, православные и общехристианские ценности, мораль, порядочность, культура), затем коллективизм (с такими качествами общинной личности, как доброта, терпение, сострадание, любовь и т. п.), порядок, патриотизм, семья, терпение. Материальные ценности тоже входят в список главных ценностей, однако их немного, присутствуют они в этом списке из-за того, что «...идеология, распространяемая нашими СМИ, активно поднимает на щит эти ценности», доказывая, что на духовных ценностях капиталистического общества не построить [2, с.474].

Интересно также кратко рассмотреть гетеростереотипы американцев в отношении русских. По мнению американского филолога-русиста Дж. Майклсона, информацию о нас американцы получают в основном через средства массовой информации, благодаря знакомству с русской культурой (литература, музыка, живопись, драматургия, кино), а также через общение с русскими эмигрантами. А четвертого и самого важного источника - общение с русскими на их земле - нет, так как американцы в Россию не ездят - они вообще, по мнению автора (мы вполне разделяем его мнение) не ездят в страны, где могут быть бытовые неудобства, а каждый второй не говорит по-английски.

В американских средствах массовой информации сложился отрицательный образ русских. Наибольшее внимание в американской печати уделяется борьбе за власть в России, возможности возврата к коммунистическому прошлому, русской или чеченской мафии и т.п. Из знакомства с русской культурой возникает положительный образ русских людей, по крайней мере, русских людей XIX - начала XX веков. Образ России в целом здесь следующий - огромная страна с неисчислимыми ресурсами и суровым климатом, с постоянной борьбой между жестокой властью и человеком. Неразвитый быт, материальные трудности, общественные неурядицы, необходимость покоряться незавидной судьбе, а вместе с тем долготерпение, широта души, гостеприимство, чадолюбие, щедрость, любопытство, романтика, утонченный эстетический вкус и тонкое чутье к духовному существу человеческой жизни. Из общения с русскими в Америке американцы получают противоречивые впечатления, в зависимости оттого, какие им попадаются русские знакомые.

Если суммировать представления американских антропологов о традиционном русском типе личности, то это «...теплая, человечная, очень зависимая, стремящаяся к социальной принадлежности, эмоционально нестабильная, сильная, но недисциплинированная личность, нуждающаяся в подчинении сильному авторитету».

Сейчас много говорится о том, не становится ли русский похожим на американца? Появились работы, сравнивающие два народа и находящие между ними много общего. Ведь, несомненно, происходят колоссальные преобразования как в экономических структурах, так и в социальной и культурной жизни России (пресловутая «американизация» массовой культуры). Иначе говоря, «прорубается очередной раз "окно в Европу", или, точнее, широко распахнуты ворота для наплыва всевозможных ветров из-за Атлантического океана». Но, по мнению автора, окончательного уничтожения специфических русских ценностей и обычаев не произойдет.

На основании данного анализа русского национального характера и русской идеи мы можем сделать вывод, что специфическими чертами русского национального характера являются доброта, терпение, открытость, гостеприимство, широта души, отрицательными качествами - лень, бесшабашность, слабование.

Теперь рассмотрим особенности американского национального характера и «душу» их нации - «американскую мечту». Обратимся сначала к исследованиям по данной проблеме самих американцев, а затем приведем мнения русских ученых.

Изучение ценностей американской культуры и своеобразия национального характера берет свое начало с работы А. Торквилля «Демократия в Америке» (1830).

По мнению Дж. Горера, американское общество базируется на отрицании европейского наследия, традиций, прежде всего английских. Основная его идея - резкий контраст между национальными характерами Англии и США [1, с.184].

Основными специфическими чертами американского национального характера многие американские исследователи считают свободолюбие, независимость, инициативность, законопослушность, патриотизм, индивидуализм, установку на успех и материальное благополучие [см. Althen 1988, Triandis 1994, Barbu 2001, Reynolds 1998].

Совершенно иной подход к анализу ценностей американской культуры у Ф. Хсю. Базовой чертой, присущей американскому образу жизни, он называет «...уверенность в себе, наиболее существенным психологическим выражением которой является страх перед зависимостью». В то же время «...уверенность в себе в Америке неотделима от воинственного требования индивидом экономического, политического и социального равенства» [5, с.205].

Представления русских ученых об американском национальном характере во многом совпадают с мнением их американских коллег.

С.В.Чугров предлагает следующие американские автостереотипы:

- представление американцев о своей исключительности, «особой миссии» в мире, т.е. США - это эталон, модель, с которой должны сверять свое развитие другие страны. Своя история рассматривается ими как своего рода пода-

рок Провидения. Собственные идеалы провозглашаются самыми гуманными, самыми благородными, политическая система - самой совершенной. Все, что противоречит «богоизбранности» нации и ее идеалам - «от дьявола». Таким образом, сложился стереотип «уникальности» американской внешней политики, которая свободна от пороков внешней политики других народов [8].

Стереотип, сложившийся на протяжении двух веков: культ преодоления препятствий, борьбы за место «под солнцем», конкуренции. Если у многих народов, например русских, препятствия преодолевались, прежде всего, коллективно, то американцы всегда ценили индивидуальный успех превыше всего. Олицетворением успеха и воплощением «американской мечты» стал дядя Сэм, личность вполне реальная, торговец мясом, начавший трудовую жизнь в 14 лет без цента в кармане, став затем процветающим дельцом. Установка на успех, господствующая в массовом сознании общества, становится своего рода «регулятором ценностных ориентаций» [8, с.46-58].

О.А. Леонтович описывает эксперимент, в котором участвовало 100 человек от 18 до 82 лет с высшим образованием или обучающихся в высших учебных заведениях. Испытуемым было предложено написать десять типичных черт американцев. Американцы оказались индивидуалистами, эгоистичными, ориентированными на материальные блага, стремящимися к успеху и власти, оптимистичными, веселыми, трудолюбивыми, дружелюбными, образованными, поверхностными, шумными, разговорчивыми. Американцы выглядят разнообразными, счастливыми, богатыми, занятыми, собранными, улыбающимися, здоровыми, успешными, всегда куда-то спешащими.

Таким образом, специфическими чертами американского характера можно назвать индивидуализм, патриотизм, стремление к материальному благополучию и успеху, независимость, трудолюбие. Отрицательные черты - эгоизм и самоуверенность.

Итак, мы рассмотрели этнические автостереотипы русских и американцев. Многие исследователи сейчас пытаются найти сходство между двумя великими народами. Исходя из основных автостереотипов, схожесть русского и американского народов скорее внешняя - многонациональность, обширные территории, которые они занимают, и т. д., однако их духовный мир различен. Знание основных этнических автостереотипов вносит, на наш взгляд, существенный вклад в профилактику межкультурных конфликтов российско-американской коммуникации.

Список литературы

1. Белик А.А. Культурология. Антропологические теории культур. - М., 1998.
2. Касьянова К. О русском национальном характере. - М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003.
3. Крысько В.Г. Этническая психология: Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. - М.: Издательский центр «Академия», 2002.
4. Сикевич З.В. Русские - «образ» народа (социологический очерк). - СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1996.

5. Хсю Ф.Л.К. Базовые американские ценности и национальный характер // Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология / Под общей ред. А.А. Белика. – М: Смысл, 2001. - С. 204-228.
6. Чугров С.В. Россия и Запад: метаморфозы взаимовосприятия. – М.: Наука, 1993. – 143 с.
7. Triandis H.C. Culture and social behavior. N.Y. etc., 1994.
8. Reynolds Simon. Generation Ecstasy: Into the World of Techno and Rave Culture. Little Brown & Company, 1998.

Е.Р. Ратушная
доктор филологических наук, профессор
кафедра русского языка
Курганского государственного университета

ЛЕКСЕМА ДУША В РУССКОМ РЕЧЕВОМ ЭТИКЕТЕ

Речевой этикет понимается как система языковых знаков и правил их употребления, принятых в данном обществе в данное время с целью установления речевого контакта между собеседниками и поддержания общения в эмоционально положительной тональности в соответствии с речевой ситуацией.

Понятие духовности является очень важным в русской культуре, входит в систему базовых ценностей русского человека. Лексема *душа* обладает сложной семантической структурой, включающей около шести значений и различные семантические оттенки. Душа является средоточием внутренней жизни человека, его чувств, настроений, переживаний, а также символизирует человека как носителя каких-либо черт, качеств.

В философии и психологии душа понимается как особое нематериальное начало, существующее независимо от тела и являющееся носителем психических процессов. По религиозным представлениям, душа представляет собой бессмертное нематериальное начало в человеке, отличающее его от животных и связывающее его с богом.

Лексема *душа* занимает важное место в русском речевом этикете, функционируя и как самостоятельная языковая единица, и в составе устойчивых выражений. В роли этикетных слов выступают также суффиксальные дериваты лексемы *душа* – *душенька*, *душечка*. Семантика данных языковых единиц обуславливает их активное употребление в позиции обращения.

Обращение – обозначение лица или другого живого существа, к которому обращена речь. Обращение является важнейшей составной частью речевого этикета.

Основная функция обращения – называние того, к кому направлена речь – очень часто сочетается с экспрессивной оценкой, с выражением субъективного отношения говорящего (пишущего), т.е. с оценочно-характеризующей функцией. Как известно, лексической опорой оценочно-характеризующей функции обращения являются слова с качественной семантикой. М.В. Ломоносов в

«Кратком руководстве к красноречию» определял обращение как «великолепную, сильную, словооживляющую фигуру», отмечая, что «сею фигурой можно советовать, засвидетельствовать, обещать, грозить, хвалить, насмехаться, утешать, желать, прощаться, сожалеть, повелевать, запрещать, прощения просить, оплакивать, жаловаться, просить, сказывать, толковать, поздравлять и проч.».

Фразеологические обращения с компонентом *душа* (*душенька*, *душечка*) построены по модели «существительное + местоимение», в которой наблюдается инверсионное расположение компонентов, благодаря чему семантическим центром становится субстантивный компонент: *душа моя*, *душенька моя*, *душечка моя*. Роль местоименного компонента, находящегося в постпозиции, заключается в усилении эмоционально-экспрессивной окрашенности субстантивного компонента. В свободном употреблении местоимение *мой* имеет притяжательное значение – «принадлежащий мне, имеющий отношение ко мне», которое практически утрачивается в составе фразеологической единицы. Присоединение местоименного компонента усиливает позитивную оценочность компонента *душа*. В контексте может происходить синтаксическое варьирование – изменение порядка расположения компонентов, однако семантическое тождество фразеологизма при этом не нарушается.

Лексические и фразеологические обращения с компонентом *душа* используются в определенных речевых ситуациях, предполагающих заранее заданный набор коммуникантов и характеризующихся положительной тональностью речевого общения. В роли коммуникантов выступают лица, связанные дружескими, непринужденными или родственными взаимоотношениями.

Так, например, единицы *душа*, *душенька*, *душа моя* употребляются в разговорной, диалогической речи в роли ласкательного или дружеского обращения к родственнику, родственнице; приятелю, приятельнице; равным или младшим по возрасту. Они могут употребляться как самостоятельно, так и в сочетании с фамилией, именем адресата. Например:

- Не теряй, *душенька*, платков: славный полубатист! (И.Гончаров. Обыкновенная история) – в данном контексте – обращение матери к сыну. Прощай, *душа*: не ленись и будь здоров. (А.С.Пушкин. Письмо П.В. Нащокину, 21 июля 1831 г.) – обращение к приятелю. «Романтик сказал бы: я чувствую, что наши дороги начинают расходиться, а я просто говорю, что мы друг другу приелись». – «Евгений...» - «*Душа моя*, это не беда; то ли еще на свете приедается!» (И.Тургенев. Отцы и дети) – обращение к приятелю. «Что ты? *Душа моя* Катенин, надеюсь, что не сердишься на меня за письмо, а если сердишься, так сделай одолжение, перестань» (А.Грибоедов. Письмо П.А.Катенину, 19 окт. 1817) – в данном контексте фразеологизм употребляется в сочетании с фамилией адресата. – *Щи, моя душа*, сегодня очень хороши! – сказал Собакевич. (Н.Гоголь. Мертвые души) – обращение к супруге.

В диалогической речи наблюдается употребление синонимичных обращений, что позволяет субъекту речи передать наивысшую степень чувств и эмоций по отношению к адресату речи:

– Не езд, *душечка*, *ангел мой*, не езд! Я решительно от тебя этого требую. Я тебя не отпущу. Я хочу глядеть на тебя. Смотри, какой ты сегодня хорошенький! – говоря это, Настенька взяла Калиновича за руку. (А.Писемский. Тысяча душ).

Возможно также употребление лексических и фразеологических обращений в иной речевой ситуации, в которой коммуниканты занимают неравное социальное положение, находятся на разных ступенях социальной иерархии. В таких случаях обращения выражают оттенок ласковой фамильярности по отношению к малознакомому или незнакомому человеку, низшему по положению или младшему по возрасту. Например:

- Как тебя зовут, *душа моя*?

- Акулиной, - отвечала Лиза, стараясь освободить пальцы от руки Алексеевой, - да пусти же, барин, мне и домой пора. (А.Пушкин. Барышня-крестьянка) – обращение барина к крестьянке Акулине.

(Марья Антоновна): *Душенька* Осип, какой твой барин хорошенький! (Н.Гоголь. Ревизор) – обращение барыни к слуге.

Как видно из приведенных примеров, обращения *душа*, *душенька*, *душечка*, *душа моя* были широко распространены в русском речевом этикете в XIX веке, функционировали как в устной, так и в письменной речи, часто употреблялись в эпистолярном жанре.

В русском речевом этикете выделяются фразеологизмы с компонентом *душа*, характеризующие доброго, отзывчивого человека, оказывающего положительное психо-эмоциональное воздействие на окружающих, способного помочь окружающим. Они построены по синтаксической модели «прилагательное + существительное»: *добрая душа*, *золотая душа*, *милая душа*, *любезная душа* и др. Субстантивный компонент в таких фразеологизмах обобщенно передает идею лица, указывая на человека как носителя каких-либо свойств, качеств. Атрибутивный компонент выполняет роль семантического конкретизатора, указывая на определенное свойство характеризуемого лица. Такие фразеологизмы могут выступать в позиции обращения, передающего ярко выраженную позитивную оценку адресата речи. Например:

- Ну, до свидания, - сказал князь Андрей, протягивая руку Тушину. - До свидания, голубчик, - сказал Тушин, - *милая душа!* Прощайте, голубчик, - сказал Тушин со слезами, которые неизвестно почему вдруг выступили ему на глаза (Л.Толстой. Война и мир).

Функциональные ограничения присущи некоторым обращениям с компонентом *душа*, используемым в народно-поэтической речи: *душа-девица*, *душа-зазнобушка* – ласковое обращение к возлюбленной.

Территориальные ограничения свойственны диалектным суффиксальным дериватам, образованным от лексемы *душа*: *душанюшка*, *душатка*, *душаточка* – «обращение к женщине, девочке»; *душенек* – «дружок, миленький».

В русском речевом этикете, преимущественно в эпистолярном жанре, в частных письмах, используются фразеологизмы *ваш душою*, *ваш сердцем*, *всей душой преданный (кому-либо)* в сочетании с подписью адресанта, передающие значение «преданный Вам, находящийся в Вашем распоряжении, готовый помочь, оказать услугу». Такие выражения выполняют функцию эпистолярного комплимента, которым заканчивается письмо к знакомому адресату. Например:

Милый Чуковский! Это уж свинство. Из-за того только, что я «передержал» шутку – в чем и извиняюсь, - Вы к нам не заходите. И Мария Карловна и я по Вас соскучились. Если нет времени зайти, то хоть напишите, что не сердитесь. *Ваш душою* автор «Поединок» А.Куприн (А.Куприн. Письмо К.Чуковскому).

В устной и письменной речи используется фразеологизм *от всей души* – «совершенно искренне, горячо, с полной откровенностью, непосредственностью», который выступает в качестве интенсификатора вежливости, учтивости, экспрессивности. Употребляется при выражении благодарности, просьбы, приглашения, пожелания благополучия. Например:

- Итак, поздравляю, капитан, – Яхно еще раз встряхнул руки Озерова, - *от всей души* поздравляю! (М.Бубеннов. Белая береза). *От всей души* рад, что Петр Петрович и Павел Петрович теперь у нас (Н.Гоголь. Письмо М.И.Гоголь, 16 мая 1828 г.).

В этикетных формулах благодарности, комплимента, радушного приветствия используются фразеологизмы *душой рад (кому-либо, чему-либо)*, *душевно рад (тебя, Вас видеть)*, например:

Адвокат Иконников принял Болотова как старый знакомый: «Рад очень...*Душевно рад*...Все ли в добром здоровье?» (Б.Савинков. То, чего не было).

Таким образом, лексема *душа* активно используется в русском речевом этикете как в качестве самостоятельной языковой единицы, так и в составе фразеологизмов, передавая доброжелательное, позитивное отношение к адресату речи.

Список литературы

1. Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2001.
2. Матвеева Т.В. Русский язык. Культура речи. Стилистика. Риторика: Учебный словарь. – М.: Флинта; Наука, 2003.
3. Ратушная Е.Р. Семантическая структура фразеологизмов в процессе ее формирования и функционирования (на материале фразеологизмов-наименований человека в современном русском языке). – Курган: Изд-во КГУ, 2000.
4. Словарь русского языка: В 4 т. – М.: Русский язык, 1985. – Т.1.
5. Фразеологический словарь русского языка/Под ред. А.И.Молоткова. – М.: Русский язык, 1978.

М.В. Савельева
старший преподаватель
кафедра английской филологии
Курганского государственного университета

СИНТАКСИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТ ЭТО В КОНСТРУКЦИЯХ С ИМПЕРАТИВНЫМИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ЕДИНИЦАМИ

В процессе изучения языковых свойств процессуальных единиц с императивной семантикой (далее ИПЕ) возникает необходимость проследить зависимость актуализации семантической структуры ИПЕ от синтаксических способов выражения субъекта побуждения. Исследование показало, что самым продуктивным средством выражения синтаксического субъекта, эксплицитно представленного в предложении, являются личные одушевленные имена существительные, собственные и нарицательные. Это объясняется тем, что содержание семантики всех процессуальных единиц имеет «антропоцентрическую направленность» [1, с. 5-6], то есть в структуре их значения представлены семы, отражающие волю, эмоции, желания, потребности и оценки человека. В сочетании с синтаксическим субъектом, выраженным одушевленным существительным, ИПЕ в полной мере реализуют компоненты своей семантической структуры: категориальные, групповые, индивидуальные семы и семы, схожие с семами субкатегорий «деятельность» и «отношение».

Среди имен существительных наиболее продуктивным способом выражения синтаксического субъекта в сочетании с ИПЕ являются местоименные существительные. В силу своего дейктического характера «местоимения не называют предметов, явлений, признаков, количественных отношений, а лишь указывают на них, обобщая уже обобщенные понятия» [2, с.26]. Высокая частотность употребления местоимений как синтаксических субъектов при ИПЕ объясняется тем, что в предложении они могут выступать вместо любого имени существительного: собственного, нарицательного, одушевленного, неодушевленного, конкретного, абстрактного, вещественного, собирательного. Это позволяет избегать многократного повторения наименования ранее упомянутого субъекта побуждения.

Целью данной статьи является описание сочетаемости ИПЕ с указательным местоимением *это* как одним из средств выражения синтаксического субъекта и особенностей трансформации семантической структуры ИПЕ в подобных конструкциях. Указательные местоимения обладают несомненной дейктичностью и относятся к наиболее употребительным лексическим единицам. Они обладают способностью заменять не только отдельные слова, но и целые предложения, помогая тем самым избегать излишних повторений [4, с.30-31]. Употреблению конструкций с синтаксическим субъектом *это* в сочетании с ИПЕ непосредственно предшествует указание на ситуацию, которая является причиной, вызвавшей осуществление или побудившей кого-либо к осуществлению действия, выраженного объектным инфинитивом. Таким образом, указательное местоимение *это* выполняет анафорическую функцию, отсылая к тому,

о чем шла речь ранее, указывая на элементы контекста, их следование и связи, и выступая тем самым средством развертывания и установления смысловых связей в тексте [3, с.171; 5, с.6].

В ходе исследования семантической структуры ИПЕ нами была установлена определенная общность сем, что позволило объединить единицы в следующие группы: приказ, просьба, разрешение/запрет, совет, приглашение, принуждение. Анализ корпуса употреблений ИПЕ показывает, что сочетаемость местоимения *это* с ИПЕ ограничена. Семантика ИПЕ в сочетании с местоимением *это* становится в значительной степени абстрактной, императивность нивелируется, на первый план выходят причинно-следственные отношения. Более всего к абстрагированию своей семантики склонны ИПЕ группы разрешение / запрет – *позволять*, ИПЕ группы принуждение – *заставлять*, *вынуждать* (*принуждать*), *побуждать*, в единичных случаях ИПЕ *требовать*, потому что они не обладают ярко выраженными индивидуальными семами. Немаловажным фактором также является и то, что сема «говорение» является вспомогательной в структуре их значения и не актуализируется в конструкциях с неодушевленным синтаксическим субъектом.

Самой продуктивной является модель с ИПЕ *позволять* – более 700 употреблений в основном в текстах научно-публицистического характера. Высокая продуктивность употребления единицы *позволять* в конструкции с синтаксическим субъектом *это* объясняется тем, что единица обладает нейтральными индивидуальными семами, которые в целом создают позитивный эффект, в частности, это такие семы, как «нацеленность на результат», «желательность результата», «реальная возможность достижения результата»:

Ну а тогда, увлекаясь гоголевским Чичиковым, я считал, что сила «Мертвых душ» заключается в том, что Гоголю удалось найти движущегося героя. В силу своей страсти к обогащению *Чичиков принужден все время быть в движении* — покупать у разных людей мертвые души. Именно это позволило автору создать целую галерею человеческих типов и характеров, что составляет содержание его разоблачительной поэмы (Катаев «Алмазный мой венец»). Суть алгоритма заключается в том, что для нахождения решения на каждом этапе строятся итерационные процессы с разными скоростями сходимости. А это позволяет найти решение на каждом этапе. И процесс завершается тогда, когда решение находится хотя бы в одном из этапов (Алгулиев «Об одном нейронном алгоритме решения задачи линейного программирования»).

ИПЕ являются синкретичными по своей природе, сочетая признаки номинативных и релятивных единиц языка. Реализуя свое релятивное значение, ИПЕ выражают связи и отношения между номинативными единицами языка, что объединяет их со служебными единицами. Из анализа семантической структуры ИПЕ следует, что они устанавливают связи между тремя номинативными элементами: субъект, адресат, действие. ИПЕ раскрывают отношения субъекта и адресата побуждения к действию, а также отношения между субъектом и адресатом. ИПЕ *позволять* в конструкциях с синтаксическим субъектом

это актуализирует компоненты своей семантической структуры таким образом, что основным становится релятивное значение, схожее со значением союзов *из-за чего, благодаря чему, поэтому*. Например, проведем трансформацию предложения «Аналогично обозначались и шестидесятеричные дроби. Это позволяло совершать действия с целыми числами и с шестидесятеричными дробями по единообразным правилам» (Колмогоров «Математика») и получим «Аналогично обозначались и шестидесятеричные дроби, из-за чего / благодаря чему / поэтому действия с целыми числами и с шестидесятеричными дробями можно было совершать по единообразным правилам». В придаточном предложении актуализируется сема «возможность».

Анализ корпуса употреблений ИПЕ *позволять* в конструкциях с синтаксическим субъектом *это* выявил 37 случаев использования этой единицы с отрицательной частицей *не*:

Стекла очков были окружены плотными сетками, прилежавшими к лицу: это не позволяло песку заклепать глаза (Волков «Урфин Джюс и его деревянные солдаты»).

Семантика ИПЕ сохраняет релятивный характер, частица указывает на то, что действие, выраженное инфинитивом, не имеет возможности осуществиться вследствие указанных причин – препятствий. Сравним: «Стекла очков были окружены плотными сетками, прилежавшими к лицу, из-за чего / благодаря чему песок не заклепал глаза».

ИПЕ *не позволять* с синтаксическим субъектом *это* имеет две синонимичные конструкции: первая – с ИПЕ *давать* (в значении *позволять*) в сочетании с отрицательной частицей *не* (8 случаев употребления) и вторая – с каузативной единицей *мешать* (100 случаев употребления). Например,

Дружить надо с теми, кто моложе тебя. Это не дает стареть — во-первых, во-вторых, легко поступать по-своему (Крупин «Выбранные места из дневников 70-х годов»). У Вашингтона лицо простой рязанской крестьянки. Это помешало мне проникнуться нужным чувством (Щербакова «Армия любовников»).

В семантической структуре каузативной единицы *мешать* присутствует сема «препятствие», которая актуализируется в структуре значения ИПЕ *позволять* посредством отрицательной частицы *не*. Следовательно, единицы *мешать* и *не позволять* являются синонимичными. Для сравнения подвергнем трансформации приведенное выше предложение: У Вашингтона лицо простой рязанской крестьянки. Это помешало мне проникнуться нужным чувством / Это не позволило мне проникнуться нужным чувством / из-за чего я не прониклась нужным чувством. Полученные при трансформации варианты равны исходному предложению по смыслу: вследствие определенной причины – преграды (не то лицо у Вашингтона) осуществить желаемое действие (проникнуться нужным чувством) оказалось невозможным.

Заметим, что сочетание единицы *мешать* с отрицательной частицей *не* синонимичным конструкциям с ИПЕ *позволять* не является:

Образ героини выписан так, что дает свободу для самых различных прочтений ее характера. Да, конечно, симпатии Островского принадлежат Ларисе, но это не мешает безжалостному глазу автора не только показать приятные стороны ее натуры, но и обнажить свойства, прямо скажем, не украшающие нрав героини (Рязанов «Подведенные итоги»).

В конструкциях с *не мешать* показано, что существуют определенные причины – преграды, но они являются недостаточными для того, чтобы действие, выраженное инфинитивом, не осуществлялось или прекратилось. Функционально семантика единицы *не мешать* схожа с семантикой предлога *несмотря на*, передающего уступительное значение.

В конструкциях с ИПЕ группы принуждение, как с ИПЕ *позволять*, синтаксический субъект *это* указывает на причины, побудившие кого-либо к осуществлению или вызвавшие осуществление действия, выраженного инфинитивом. Семантика императивности единиц нивелирована. Конструкции с ИПЕ *заставлять* насчитывают около 400 употреблений. Высокая продуктивность объясняется нейтральной, по сравнению с другими единицами этой группы, семантикой:

Ей же я обязан восприятием кинематографа. При том, что никто никогда на меня не давил. И я всегда считал, что живу независимо, руководствуясь собственным выбором и желаниями. Это заставляет меня лишний раз поблагодарить маму за бесконечную тактичность ее незаметных уроков (Кио «Иллюзии без иллюзий»). Как отмечали современники, «добросовестный судебный пристав треть содержания тратил на извозчиков». <...> Это заставляло судебных приставов искать дополнительные заработки («Система вознаграждения судебных приставов в России в 1864-1917 гг.»).

Значительно меньше по количеству употреблений конструкций с ИПЕ *побуждать* – 55, *вынуждать (принуждать)* – 48:

Кремня в базальте не было, и пришлось предположить, что где-то во владениях вампу в обрывах окраины находятся и другие породы, например известняк или мел, нередко содержащие кремль. Это побуждало совершить новую экскурсию, уже в глубь земли вампу (Обручев «Земля Санникова»). Тяжелая вода Мраморного моря производит на нижние слои большее давление, чем легкая вода Черного моря на тех же глубинах, и это побуждает воду стремиться из области большого давления в область малого (Островский «Адмирал Макаров»). Кроме того, вследствие повышения интенсивности рубки, вызванного понижением отпускного размера и более полным использованием лесосек, при эксплуатации ельников начал резко проявляться распад оставшейся на корне части древостоя. Все это вынуждало искать новых форм ведения хозяйства <...> (Алексеев «Рубки в лесах севера»). Он тотчас же заметил, что его перестают слушать, это принудило его повысить тон речи (Горький «Жизнь Клима Самгина»). И старики, и все, кто был вокруг нас, считали невозможной и

боялись моей любви к Гале. Это принуждало нас реже видеться, видеться вне дома, в Эрмитаже (Пунин «Дневники. Письма»).

Семантика ИПЕ группы принуждение в описываемых конструкциях абстрактна, схожа с семантикой союзов *из-за чего, поэтому, по причине чего*, передающих причинное значение. В структуре своего значения эти единицы имеют сему «нежелание выполнять действие», поэтому при трансформации предложений меняется модальность по сравнению с конструкциями с ИПЕ **позволять**, например, Быть сторонником мира в этой стране можно только тайно. Это вынуждает меня скрыть свое имя (Шпанов «Ученик чародея»): «Быть сторонником мира в этой стране можно только тайно, из-за чего / поэтому / по причине чего я должен / вынужден (мне приходится) скрыть свое имя». Модальность долженствования, а не возможности.

Конструкции с ИПЕ **требовать** единичны, потому что здесь преобладает сочетание с существительным в позиции дополнения, например, Кое-кто промышлял по крестьянским огородам. Это требовало **мужества**: можно было получить заряд дроби в спину (Грекова «Фазан»). Модальность необходимости:

У нас нет оборудования или лабораторий — лишь преподаватели и исследователи. Если бы мы решили создать кампус где-то еще, то это потребовало бы командировать десятки преподавателей, что чрезвычайно сложно (Кокшаров «Понять причину»). Понятно, что в борьбе с набирающими силу в цифровой среде мощными торговыми предприятиями не проиграешь, только если используешь несколько каналов сбыта и предоставляешь более качественный сервис. А это требует сменить экспансионистскую стратегию на кропотливую, изобретательную работу (Аузан «B2C: Back to College»).

Местоимение **это** указывает на то, что синтаксический субъект представлен целой ситуацией, которая является либо причиной, способствующей выполнению того или иного действия, выраженного объектным инфинитивом, либо преградой, не допускающей его выполнения. Сочетаемость синтаксического субъекта **это** с ИПЕ ограничено единицами, лишенными в своей семантической структуре семы «говорение» и тем самым склонными к абстрагированию своего императивного значения. ИПЕ имеют полужнаменательный характер и в конструкциях с синтаксическим субъектом **это** на семантическом уровне проявляют черты, свойственные служебным единицам – предлогам и союзам.

Список литературы

1. Лебединская В.А., Усачева Н.Б. Семантика процессуальных фразеологизмов: Учеб. пособие. – Курган: Изд-во Курганского госуниверситета, 1999.
2. Майтинская К.Е. Местоимения в языках разных систем. – М.: Наука, 1969.
3. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальный аспект семантики местоимений). – М.: Наука, 1985.
4. Петрова О.В. Местоимения в системе функционально-семантических классов слов. – Воронеж: Изд-во Воронежского пед. ин-та, 1989.
5. Шелякин М.А. Русские местоимения: значение, грамматические формы. – Тарту: ТГУ, 1986.

Г.И. Сапожникова
старший преподаватель
кафедра иностранных языков гуманитарных специальностей
Курганского государственного университета

**ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СНИЖЕНИЯ
КАТЕГОРИЧНОСТИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)**

Усиление взаимосвязи людей в современном обществе требует взаимодействия на всех уровнях социального, политического, экономического, культурного общения. Одним из важнейших максимумов общения является категория вежливости. Вежливость - это неотъемлемая категория человеческого общения. Вежливость (в языке), термин, традиционно используемый для обозначения разнообразных средств языкового выражения социальных отношений между говорящим, слушающим и людьми, о которых идет речь. Эти социальные отношения могут быть многообразными и не сводятся только к вежливости в обиходном смысле этого слова. Стремление вести себя прилично уходит в глубь тысячелетней истории человечества. Оно зафиксировано в древнейших письменных документах, и совершенно очевидно, что как феномен человеческой культуры оно существовало и до появления письменности. Это стремление естественно вытекает из условий совместной жизни людей, ни одна общественная формация не обходилась без правил и норм общественного поведения. Известно выражение А. Шопенгауэра «Höflichkeit ist Klugheit», которое можно перевести как «Умный человек всегда вежлив».

Каждый из национальных языков проявляет свою специфику в ее выражении. Немецкие исследователи считают важной основой общения уважительное отношение с обеих сторон: со стороны говорящего и собеседника. Соблюдение норм речевого этикета является также средством речевого воздействия на собеседника и, что особенно важно при изучении иностранного языка, позволяет ему быть адекватно понятым. При обучении студентов немецкой культуре и языку особое внимание уделяется средствам выражения вежливости в изучаемом языке. В немецком языке это такие категории вежливости, как местоимения, обращения, императив, конъюнктив, модальные глаголы, модальные частицы и некоторые рутинные формулы.

При освоении навыков ведения беседы на иностранном языке большое внимание уделяется, как правило, формированию умения постановки прямого вопроса к собеседнику. Но очень часто такая форма ведения диалога напоминает допрос: «Где ты живешь? Где работают твои родители?» и т.п.

Наименее вежливыми являются также повелительные вопросительные высказывания с предикатами речи (типа «Sag mir! Ich will mit dir sprechen!»). Подобные формы не только малоупотребительны, но с точки зрения немецкого речевого этикета и малопринимлемы. В тех случаях, когда побуждение выражается императивными формами, налицо нарушение принципа невмешательства в сферу существования собеседника, что позволяет употреблять такие высказы-

вания лишь при очень близких отношениях равных по статусу коммуникантов либо при обращении старшего к младшему. В любом случае такие формы будут невежливыми. Однако категоричность побуждения значительно смягчается благодаря использованию конструкций типа «Dürfte ich Sie fragen? Ich möchte Sie bitten (fragen, begleiten)» такие высказывания рассматриваются как вежливые способы получения информации, в особенности при общении незнакомых или малознакомых людей, например: (приезжий горожанину) «Könnten Sie mir sagen, wo der Bahnhof liegt?» (хозяин гостю) «Wie wäre es mit einer Partie Schach?» Косвенность выражения, смягчение повелительных интонаций вопросительного высказывания и в целом смягчение категоричности выражения служат надежными способами приобщения личности к иноязычным нормам речевого поведения в процессе обучения иностранному языку.

Наиболее многочисленной и частотной группой средств смягчения категоричности высказывания являются модальные фразы. В эту группу входят модальные фразы с глаголами мыслительной деятельности (denken, hoffen, glauben), глагольно-именные сочетания (ich fürchte, ich zweifle), устойчивые выражения. Распространенным способом смягчения категоричности высказывания является переключение его модальной характеристики из действительной в предположительную. Независимо от того, какой оттенок предположения выражается в высказывании, модальность предположительности служит более тактичной формой выражения мысли по сравнению с модальностью действительности. Переключение модальной характеристики высказывания из действительной в предположительную осуществляется при помощи модальных слов, модальных глаголов, модальных частиц и форм сослагательного наклонения. Помимо случаев ирреальности претеритальный конъюнктив, если он транспонируется в сферу индикатива и императива, приобретает уже иное значение, а также придает высказыванию различную стилистическую окраску, что соответствует прагматической установке говорящего. Так называемый «дипломатический конъюнктив» превращает побуждение в вежливую просьбу, особенно если последняя обращена к незнакомому человеку или вышестоящему по рангу. Для выражения такой просьбы используется либо претеритум модального глагола können, либо кондиционалис I.: Könnten Sie, bitte, das Fenster öffnen. Würden Sie, bitte, das Fenster öffnen (Не могли бы вы открыть окно). Претеритум конъюнктива от глагола sein придает оттенок вежливости, мягкости, осторожности в различного рода предложениях, когда кто-то затрудняется с выбором: Na, wie wäre es mit einem Schluck Bier? (А не выпить ли нам по глотку пива?). Wie wäre es mit dieser Sorte Wein? (Не согласитесь ли попробовать этот сорт вина?).

На практических занятиях по немецкому языку студентам филологического факультета предлагаются для перевода и последующего анализа отрывки из художественной немецкой литературы; на примере классики можно проследить все разнообразие речевых средств при общении людей различных эпох и различных социальных слоев. Проанализируем некоторые формы выражения вежливости на примере романа С. Цвейга «Нетерпение сердца». Действие романа происходит в Австро-Венгрии накануне Первой мировой войны и проте-

кает то в казармах, то в богатом поместье. Любопытно проследить употребление средств выражения вежливости в обращении к людям, относящимся к разным социальным группам. Соответственно меняется и форма обращения – от небрежно-дружеского до почтительно-уважительного. В отношении с друзьями это свободный стиль общения, обращение на «ты» - *Schneid doch kein so blödes G'sicht! Lass mich in Ruhe mit deinen blöden Witzen!* (Чего уставился! Оставь меня в покое с твоими идиотскими шуточками!); в отношении с вышестоящими офицерами используется в основном претеритальный конъюнктив в сочетании с наречием «*gehorsam*» в превосходной степени, что подчеркивает иерархию подчинения низших чинов вышестоящим. Так, лейтенант Гофман обращается к полковнику: «*Bitte gehorsam, dürfte ich den Herrn Obersten einige Minuten sprechen?*», «*Gestatten Herr Oberst, dass ich gehorsamste bemerke*», «*Melde gehorsamst, Herr Oberst*», «*Nein, Herr Oberst, danke gehorsamst*».

Совершенно по-другому обращается слуга к хозяину или гостю хозяина. Слуга Йозеф (а это был, как отмечает автор, «*ein Diener vom alten österreichischen Schlag*» – «слуга старой австрийской выучки») говорит тактичным приглушенным голосом: «*Bitte kommen Herr Leutnant gleich hinüber in den Salon!*», «*So können Herr Leutnant ausgehen*», «*Bitte, wollten Herr Leutnant noch ein bisschen bleiben*» («Не изволят ли господин лейтенант остаться еще ненадолго»), «*Herr Leutnant möchten unbedingt sie abwarten*» («Пусть господин лейтенант непременно дождутся»). Слуга обращается к господину гостю по-старинному, во множественном числе, не используя местоимения, так как это считалось невежливым и даже оскорбительным для господ.

Наиболее ярко проявляется разница в обращении в сцене, когда главный герой Кекешфальва беседует с бедной девушкой, бывшей компаньонкой богатой дамы, которая после смерти своей богатой покровительницы унаследовала ее огромное состояние. Сначала, приняв ее за прислугу, он обращается к ней на диалекте: «*No, ham's doch kane solche Angst! Ich werd Ihna g'wis nix wegtragen. ... No, wie steht's- haben Sie die Schlüssel oder nicht?*» Обращение на диалекте (в данном случае «венском») показывает, что человека отнесли к категории «низшего», наверняка не владеющего литературным языком. (Использование диалекта дает характеристику и самому Кекешфальве как человеку невысокого образования и положения, так как нередко включение собеседника в единую группу с говорящим достигается с помощью употребления особого языка или особой разновидности языка. Это могут быть особые аргы, жаргон или диалект; на нем говорят со «своими».) Но так как девушка ничего не отвечает, то Кекешфальва прибегает к грубому командному тону, оперируя лишь самой «невежливой» формой императива: *Jetzt aber los. Ich hab nicht viel Zeit* (Ну пошли, а то у меня мало времени). Кекешфальва не утруждает себя использованием даже «пожалуйста» или «простите». Но как же меняется его речевое поведение, как только он узнает, что разговаривает с будущей наследницей богатого поместья. Его речь тут же приобретает салонный оттенок, появляется «вежливый» конъюнктив: *Pardon, pardon, gnädiges Fräulein. ... Aber vielleicht könnte ich, wenn es Ihnen, gnädiges Fräulein, keine Mühe macht, rasch das Schloss in Augenschein neh-*

men, dann wäre doch alle im Flug erledigt. (Пardon, пardon, милостивая фрейлейн ... Но если вы сочтете возможным, если это не затруднит вас сударыня, я быстренько осмотрел бы все – и делу конец.) В этой короткой фразе Кекешфальва смешивает все имеющиеся в его распоряжении вежливые формулы: от использования конъюнктива до особо рафинированного выбора лексики.

Именно претеритальный конъюнктив наиболее ярко показывает желание просящего смягчить просьбу, сделать ее более «просительной». Лейтенант Гофмиллер обращается с просьбой к бывшему сослуживцу: *Aber hättest vielleicht fünf Minuten Zeit für mich? Ich möchte dich um einen Rat bitten, Balinkay.* (Ты не смог бы уделить мне минут пять? Я бы хотел попросить у тебя совета). Когда Кекешфальва просит лейтенанта Гофмиллера не бросать его дочь, он, желая растрогать его и достучаться до его сердца, начинает фразу с модального глагола «wollen», но тут же переходит на более мягкую форму претерита конъюнктива: *Wollen Sie ... würden Sie das für mich tun?* (Вы не откажете ... Вы делаете это для меня?).

Как правило, студенты уже после чтения отдельных сцен романа уславливают, что модальные глаголы оказываются вообще самой частотной формой выражения вежливости. Практически в любой ситуации воспитанный человек использует именно эту структуру. Выборки из романа подтверждают это: *Was dürfen wir Ihnen anbieten?* (Что позволите предложить вам?) *Wollen Sie nicht Platz nehmen?* (Не хотите ли присесть?) *Wollen wir nicht lieber hinunter?* (Может быть, лучше спустимся?) *Also Kaffee, wenn ich bitten darf.* (Тогда кофе, если можно) *Können Sie nicht morgen kommen?* (Не могли бы вы прийти завтра?).

Отношение к собеседнику и воздействие на него может реализовываться также использованием казалось бы противоположных языковых средств. Так, можно смягчить категоричность приказа, использовав просительное «bitte»: «*Bitte, über diesen Punkt keine Diskussionen!*», «*Bitte, genug*», «*Nicht hier, bitte!*». «*Ich fürchte – verzeihen Sie meine Unbescheidenheit - Ihr Herr Gemahl gibt zu viel von sich her*». Кстати, вежливое прагматическое клише «*Wie bitte*» до сих пор является наиболее распространенным методом вежливого переспроса в диалогическом моделировании и в современном немецком языке.

Таким образом, косвенность выражения, смягчение повелительных интонаций вопросительного высказывания и в целом смягчение категоричности выражения служат надежными способами приобщения личности к иноязычным нормам речевого поведения в процессе обучения иностранному языку. Литературные произведения представляют всю палитру использования вежливых клише и являются благодарным материалом для приобщения современных молодых людей к нормам вежливого общения, так как категория вежливости - это непосредственная составляющая процесса ежедневного общения людей на самых различных уровнях.

Список литературы

1. Улиш Г., Гюгольд Б., Уварова Л. и др. Приветствие и обращение в немецком языке. – М.: НВИ-Тезаурус, 2001.
2. Zweig S. Ungeduld des Herzens. – Fischer Taschenbuch Verlag, 2004.
3. Павловский И.Я. Немецко-русский словарь: В 2 т. – М.: Астрель; АСТ; Хранитель, 2007.

Т.М. Смакотина

кандидат филологических наук, доцент

кафедра иностранных языков технических специальностей

Курганского государственного университета

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СВЯЗНОСТИ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ

Коммуникативный подход к изучению языка характеризует текст как продукт речевой деятельности, как некоторое коммуникативное единство. Как художественный, так и нехудожественный текст есть структурно-семантическое единство, он несёт информацию в определённой сфере коммуникации. Нехудожественный текст предназначен для хранения и передачи информации [1, с.151-152].

В отличие от художественного текста мир научного текста не является условным миром, но отражением конкретных фактов действительности с выраженным эксплицитно содержанием. Основные характеристики структуры любого текста - целостность и связность. Целостность обусловлена единой общей темой и поддерживается использованием связующих средств между предложениями в тексте. Связность определяется как сеть отношений, объединяющих элементы текста в единое целое [1, с.153]. Изучение языковых средств выражения категории связности в специальных научных текстах представляет несомненный интерес. Предметом рассмотрения в данной статье являются языковые связующие средства (когезия) в английских математических и химических научных текстах.

Строгая логичность и доказательность изложения, характерные для научных текстов, обусловили наличие устойчивых и традиционных средств выражения категории связности. Логические и ассоциативные связи частей научного текста, указывающие на следование текстового материала, организуют текстовое пространство, подготавливают читателя к принятию новой информации. К языковым средствам, связанным с построением научного текста, относятся наречия, вводные слова, союзы, специальные конструкции связи. Анализ, проведённый на материале специальных научных математических и химических текстов на английском языке, позволил выделить следующие группы языковых средств связности:

1. Языковые средства, фиксирующие порядок изложения (начало, продолжение, очерёдность, следование), выраженные словом или словосочетанием: first, first of all, at first, further, then, later, later on, next, again,

too, farther along, from then on; the former ... the latter, on the one hand ... on the other (hand), the other (aspect), moreover, nevertheless, aside from, furthermore.

First of all, the letter liberated algebra from the slavery of the word [4, с.284].

Again, the limitation is frequently in methods of application and/or economics [7, с.250].

Later on, a still more general frame of reference for the plane called a triangle of reference can be introduced [7, с.220].

Furthermore, it does not rule out the possibility that our world has more than the expected number of dimensions, ... [7, с.250].

On the one hand it breaks up the polymer molecules into smaller pieces. On the other hand, it causes liberation of a hydrogen atom from each of the two adjoining molecules with formation of a link between the two molecules [7, с.238].

2. Языковые единицы, указывающие на связь с предшествующим текстом, выраженные как словосочетанием, так и частью сложного предложения: as above, as stated above, as pointed out previously, as emphasized above, as already mentioned и др.

As already mentioned, we find cases where solution occurs with evolution of heat [7, с.205].

Некоторые типы сложноподчинённых предложений в научном тексте участвуют в выражении связности текста. В таких случаях сложноподчинённое предложение выполняет наряду с функцией сообщения информации функцию организации текстового пространства. Главное предложение в составе сложного осуществляет анафорическую связь с предшествующим текстом. Такие языковые единицы подготавливают читателя к восприятию новой информации, напоминая о том, что сообщалось ранее: It has been shown that ..., It has been estimated that ..., We have already seen that ... и др.

It has been pointed out that dynamics of surface waves are closely related to problems concerning the stability of surface-coupled systems [5, с.160].

You can judge from the above that a line segment has definite length but a line extends indefinitely in each of its two directions [8, с.119].

We have just made it plain that a constrained material is by no means a special case of unconstrained one [5, с.175].

Аналогичную анафорическую функцию могут выполнять и некоторые типы придаточных предложений:

In a field, as we have just seen, we can add, subtract, multiply and divide [4, с.293].

3. Языковые единицы, указывающие на итог, обобщение, уточнение, иллюстрацию ранее представленного материала: thus, hence, so, now, finally, henceforth, therefore, consequently, that is, that is to say, finally, in short, in brief, as

a result, in fact, all in all, more than that, more seriously, in other words, putting it another way, to put it more exactly, i.e. (Lat. id est), to sum up, to summarize, for example, for instance, to take an example.

Thus, this route of food production is likely to increase in both developed and developing countries [7, c.249].

Hence, the system of complex numbers was invented [5, c.72].

To sum up, the halogens, as a group, form one of the most striking examples of family relationship found in the periodic table [7, c.231].

For example, it fails to predict both the geometry and the number of isomers of benzene. More seriously, it fails to predict the electronic, vibrational and rotational spectra of molecules [7, c.242].

Части сложного предложения могут выступать в аналогичной функции, указывая на последующее заключение, вывод или корректирующее замечание. Как главное, так и придаточные предложения, прогнозирующие данное значение, занимают начальную позицию в составе сложного предложения, осуществляя катафорическую связь с последующим текстом, где даётся обоснование, разъяснение, детализация информации.

It should be pointed out in conclusion that however widespread these processes may be, they are by no means the only ways of the manufacture of sulphuric acid [7, c.247].

It now turns out that even this remuneration is not entirely satisfactory [4, c.270].

What all this amounts to is that maths has less than ever reduced to purely mechanical game of isolated formulars; more than ever does intuition dominates in the genesis of discoveries [5, c.79].

4. Исследователи отмечают свойственную научному стилю организацию текста с использованием средств маркирования логической последовательности действий [1, с.127-128]. Маркеры логического развёртывания научного текста разнообразны: цифровые, буквенные, вербальные. Следующий пример взят из главы о математической логике, где вначале перечислены источники, лежащие в основе возникновения математической логики, с последующим подробным разъяснением каждого положения в отдельном абзаце с соответствующим буквенным маркером. При этом в первых трёх абзацах (a, b, c) содержится по четыре предложения, а в последнем (d) - десять предложений, что делает нецелесообразным приводить цитату в полном объёме в рамках статьи:

These are a) the old logic, the invention of Aristotle; b) the idea of a complete and automatic language for reasoning; c) the new developments in algebra and geometry which took place after 1825; and d) the idea of the parts of maths as being systems of deductions, that is of reasoning in agreement with rules of logic.

a) Aristotle syllogistic is a theory of syllogistic implications, i.e. ...

- b) Descartes appeared to have been the first person to have the idea of a general language – universal – as a sort of arithmetic, ...
- c) Between 1825 and 1900 algebra and geometry underwent great changes which had a strong effect upon the growth of mathematical logic. Abel`s and Galois` group theory came quickly into being ...
- d) The idea of parts of maths as systems of deductions goes back to Euclid`s Elements... [5, с.14].

В следующем примере представлены мотивации Аристотеля для изобретения логики. Маркеры следования выражены вербально: First, Second, Third. Начало каждого довольно пространного смыслового блока делается более наглядным с помощью повторяющейся синтаксической конструкции в первом предложении «there is». Синтаксический параллелизм сопровождается лексическим повтором «the desire to» + инфинитив.

We may summarize Aristotle`s motivation in inventing logic. First, there is the desire to know the truth about the nature of argument, ... Second, there is the desire to know the conditions. Third, there is the desire to refute opponents ... [5, с.17].

Параллельные синтаксические структуры сами по себе способствуют последовательности восприятия научного текста даже без сопровождения маркерами перечисления. В следующем фрагменте математического текста проводится аналогия между формальной системой и естественным языком, но пункты сопоставления не нумеруются, связь подчёркивается параллельными синтаксическими структурами с лексическим повтором глагола-сказуемого «correspond»:

A formal system has some analogy with a natural language. The symbols correspond to the letters of the alphabet, punctuation marks, numerals and so forth. The formation rules correspond to the grammatical rules of a natural language. The transformation rules correspond to various operations any speaker can perform on the language [5, с.21].

5. Сочинительные союзы в инициальной позиции служат средством когезии в научном тексте. Инициальное And как средство когезии рассматривается на материале диалогического дискурса в статье Е.С. Петровой, Т.В. Куравлёвой, где авторы приходят к заключению, что инициальное And одновременно выполняет проспективную и ретроспективную функции, то есть выражает побуждение к продолжению темы и создаёт когезию с предыдущим фрагментом текста [3, с.49]. Это мнение подтверждается нашим анализом функционирования инициальных сочинительных союзов But, And, Or в научном тексте. Наиболее частотным в исследуемых научных текстах, по нашим наблюдениям, является противительный союз But в начале предложения, наименее частотным – альтернативный союз Or. Можно предположить, что ситуация противопоставления и ситуация присоединительности, типичные для союзов But и And соответственно, более распространены в научном тексте, чем ситуация разделительности и выбора, связанная с союзом Or. Остановимся кратко на каждом

из них. Инициальное But при разнообразии возможных значений (противопоставление, контраст, уступительность и др.) выступает как средство когезии, переключая внимание читателя на новый аспект развития темы и одновременно подчёркивая целостность текста, связь с предыдущим материалом. В следующем примере тот факт, что в современной математике абстрагирование ещё более высокого порядка, чем в геометрии Эвклида, выражен отдельным предложением с инициальным противительным союзом. Это подчёркивает смысловую связь двух предложений, а также усиливает экспрессию и прагматический эффект.

Certainly, the geometry of Euclid was a grand abstraction from physical space. But the type of abstraction to be found in modern maths is of an even higher order [5, с.9].

Инициальное But может открывать новый абзац, способствуя когезии между более крупными фрагментами текста, чем отдельные предложения. Более того, в пределах одного абзаца инициальный союз But актуализирует дистантную связь данного предложения с другим, которое не предшествует ему непосредственно. Так, замечание о том, что математики не склонны принимать такую процедуру (But mathematicians are not likely to adopt such a procedure unless compelled to), оформлено отдельным предложением с инициальным союзом, но оно не следует сразу же после описания этой процедуры [5, с.184]. Интересно отметить прагматический эффект инициального But - приближение научного текста к разговорному стилю, когда союз вводит краткие реплики, типичные для эмоционального диалога:

The scientists were looking for the missing links that might explain what we know appeared later. But again nothing [4, с.244].

This attitude worked perfectly throughout the long era during which science contributed almost exclusively to the progress of mankind. But this is no longer the case [6, с.179].

Инициальный союз And также актуализирует векторные связи, как левосторонние, так и правосторонние. Добавляя компонент, связанный с предыдущим текстом, он способствует развёртыванию темы. Предложение, вводимое And, может выражать хронологическую последовательность событий, следствие, комментарий, пояснение, оценку.

It is necessary in such situations to know the exact numerical probabilities of particular events. And this maths supplies [5, с.184].

It is really a metal to be looked at, not to be used, about its only use at present is the manufacture of jewellery. And even then it must be alloyed with other metals, usually copper or silver, as it is too soft to be used in the pure state [7, с.237].

And может связывать не смежные, а удалённые друг от друга предложения, близкие в смысловом отношении. В следующем примере мы приводим начало двух дистантно расположенных предложений, связь между которыми по-

мимо инициального союза поддерживается параллельными конструкциями с инвертированным порядком слов.

Not until the nineteenth century do we find...

And not until the later part of the nineteenth century do we find ... [5, с.7].

Завершая краткий обзор средств когезии, отметим, что в научном тексте, для которого типичны длинные и достаточно сложные по конструкции предложения с придаточными разных уровней подчинения и причастными оборотами, инициальный союз *Or* позволяет более чётко представить две или более альтернативы, одновременно устанавливая связность между смысловыми блоками.

...our spring may be twisting ...

Or our spring may be growing hotter in an overheated laboratory ... [4, с.260].

Предлагаемый список средств когезии в научном тексте не является исчерпывающим и может быть продолжен. Таким образом, в качестве средств когезии научного текста были представлены группы языковых единиц, выполняющих следующие функции: указание на порядок изложения материала, связь с предыдущим текстом, итог или заключение, маркирование логической последовательности действий в форме перечислений, ретроспективная и проспективная связь с помощью инициальных союзов.

Список литературы

1. Воронцова Т.И. О тексте / *Studia Linguistica-9*. Когнитивно-прагматические и художественные функции языка. - СПб.: Тригон, 2000.
2. Дорожкина И.П. Английский язык для студентов-математиков. – М.: Астрель; АСТ, 2001.
3. Дорожкина И.П. Английский язык для студентов математиков и экономистов. – М.: Астрель; АСТ, 2004. – Ч. II.
4. Коньшина Ю.И. Роль категории связности речи и примечаний в текстах авторизованных биографий// *Studia Linguistica-XI*. Проблемы когнитивной семантики: Сб. статей. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2002.
5. Кутепова М. М. *The World of Chemistry*. - М.: Высш. шк., 2002.
6. Петрова Е.С., Куравлёва Т.В. Соединительная связь в контексте диалогического дискурса (прагматический и когнитивный аспекты)// *Когнитивная лингвистика: ментальные основы и языковая реализация. -Ч.2:Текст и перевод в когнитивном аспекте.* – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2005.
7. Степанова Т.А., Ступина И.Ю. Английский язык для химических специальностей. – СПб., 2006.
8. Шаншиева С.А. Английский язык для математиков. – М.: Изд-во МГУ, 1991.

О.А. Свириденко
кандидат педагогических наук, доцент
кафедра немецкой филологии
Курганского государственного университета

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРНЫХ СИНДРОМОВ НА КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

Культура – это сущностная характеристика человека, связанная с чисто человеческой способностью целенаправленного преобразования окружающего мира, в ходе которого создается искусственный мир вещей, символов, а также связей и отношений между людьми. Все, что сделано человеком или имеет к нему отношение, является частью культуры. Коммуникация и общение – важнейшие части нашей жизни. Многие западные ученые изображают культуру в виде айсберга, в основании которого лежат культурные ценности и нормы, а его вершиной является индивидуальное поведение человека, базирующееся на них и проявляющееся прежде всего в общении с другими людьми. Следовательно, чтобы правильно истолковать, чем обусловлено поведение отдельного человека в различных ситуациях, необходимо подробно изучить основание его «культурного айсберга». Студенту будет легче понять и принять не свойственную ему и его культуре в целом новую модель поведения, если он познакомится с культурными ценностями и нормами страны изучаемого языка. Эти культурные ценности и нормы могут идти вразрез с привычными для нас представлениями о них. Но это не означает, что иноязычная культура плохая, она просто другая. В основе разных культур лежат различные представления и отношения людей к окружающему миру. Этот процесс находит свое отражение в языке.

Только через общение человек может соотносить свое поведение с действиями других людей, образуя вместе с ними единый общественный организм – социум. Только через общение он проходит инкультурацию и социализацию, становится представителем своего народа и культуры. В процессах социального взаимодействия приобретают свою устойчивую форму нормы, ценности и институты той или иной культуры. Именно общение во всех своих формах (вербальное и невербальное), видах (формальное и неформальное), типах (межличностное, межгрупповое, межкультурное) наиболее полно раскрывает специфику человеческого общества. Каждый конкретный акт коммуникации определяется культурными различиями собеседников. В зависимости от специфики культурных различий в межкультурной коммуникации различают следующие понятия: «культурный синдром» и «измерение культур». «Культурный синдром» - это определенный набор ценностей, установок, верований, норм и моделей поведения, которыми одна группа культур отличается от другой. В данной статье мы рассмотрим три основных культурных синдрома – это «простота-сложность», «индивидуализм-коллективизм», «открытость-закрытость».

1. «Простота-сложность»

Чем сложнее культура, тем более внимательно люди относятся в ней к времени. Например, на вопрос: «Если у Вас назначена встреча с другом, как долго Вы намерены ждать его?» люди в индустриальных культурах (США, Япония) давали ответ в минутах. Люди в средних по сложности культурах (Греция, Италия) – в часах, а в наименее сложных культурах (некоторые культуры Африки, Латинской Америки) – в сутках.

Представления о времени различны в разных типах культур: на западе время понимается как линейный вектор от прошлого через настоящее и будущее. Во многих культурах Востока время рассматривается как непрерывность повторяющихся циклов в природе и человеческой жизни. В западных культурах принято делать одно дело в единицу времени и разговоры вести последовательно, а не одновременно. В других культурах (например, Саудовская Аравия) вполне приемлемо вести разговоры с несколькими людьми.

В результате разного отношения к времени может возникнуть непонимание: представители сложных культур могут расценивать длительное опоздание или одновременный разговор со многими людьми как неуважение к ним лично. В языке это нашло отражение в определенных языковых единицах: в российской культуре есть, например, понятие «сутки», которого нет в немецкой культуре. Или всем известно, насколько немцы пунктуальный народ. Пожалуй, ни одна культура в мире не рискнет потягаться с ними в этом «пунктике».

Чем сложнее культура, тем более специфичны в ней роли, в менее сложных культурах роли диффузны, размыты.

Типичный для немецкой культуры вежливый диалог между покупателем и продавцом не совсем свойственен русскому человеку. Покупателя при этом совершенно не интересуют религиозные взгляды продавца, его партийная принадлежность и т.д. В менее сложных культурах, например, в Иране, религиозная принадлежность человека - главный определяющий фактор его социального поведения, может влиять на оценку его социальной роли окружающими. Для России религиозная и партийная принадлежность продавца не играют никакой роли, но диалог между покупателем и продавцом существенно отличается от диалога в западных странах. Если в немецкой культуре принято вежливо общаться с клиентами, то представители российской культуры во многих случаях не считают это обязательным. Различия в специфичности ролей также могут привести к непониманию. В культурах, где роли диффузны, трудно разделить человека и его идеи, поэтому критика идей небезопасна. Она может быть воспринята как критика данного человека в целом, что в таких культурах недопустимо. С другой стороны, в культурах с диффузными ролями к вам могут демонстрировать хорошее отношение, считая в душе вас полным ничтожеством, что практически невозможно в западных культурах. Но при этом представителям культур с диффузными ролями поведение людей из культур Запада представляется грубым и высокомерным.

2. «Индивидуализм-коллективизм»

«Индивидуализм-коллективизм» выделяется теоретиками разных дисциплин как главное измерение культур. Индивидуалистической может быть названа культура, в которой индивидуальные цели ее членов не менее (если не более) важны, чем групповые. Коллективистская культура, наоборот, характеризуется тем, что групповые цели превалируют над индивидуальными. В каждой культуре люди имеют как индивидуалистические, так и коллективистские тенденции сознания и поведения, однако индивидуализм характерен для Запада, а коллективизм – для Востока и Африки.

В индивидуалистических культурах личная идентичность превалирует над групповой, которая является определяющей в коллективистских культурах. В индивидуалистических культурах поведение личности определяется ее мотивацией, а в коллективистских – принадлежностью к группе. Уверенность в себе – ценность, значимая в обоих типах групп, но по-разному. В коллективистских культурах это означает: «Я не являюсь обузой для своей группы», а в индивидуалистических: «Я могу делать то, что мне надо». Современные исследователи разделяют коллективизм на два типа: горизонтальный (характеризует взаимную зависимость людей друг от друга) и вертикальный (означает служение индивида группе). Оба типа коллективизма тесно коррелируют между собой. Люди в индивидуалистических культурах часто отдают приоритет своим личным целям, даже когда они входят в конфликт с целями значимых групп (семья, рабочий коллектив, приятельская компания). Представители коллективистских групп отдают предпочтение целям группы. Например, в коллективистских культурах люди могут жить рядом с состарившимися родителями, даже когда при этом страдает их карьера или им не нравится климат данной местности. В индивидуалистических культурах взрослые дети выберут лучший климат или работу вне зависимости от проживания их родителей. Людям из коллективистских культур такое поведение может представляться эгоистичным.

Главная предпосылка индивидуализма – уровень благосостояния. Считается, что финансовое благополучие ведет к социальной и психологической независимости. Наиболее состоятельные и образованные слои общества в любой культуре имеют тенденцию быть более индивидуалистически настроенными.

Чем отличается поведение людей, придерживающихся норм индивидуализма или коллективизма? Исследования показали, что в коллективистских культурах поведение людей трактуется с позиций норм, принятых в данной культуре, а в индивидуалистических объясняется личностными особенностями и установками самого индивида. В коллективистских культурах человек чаще сам приспособливается к ситуации, чем меняет ситуацию «под себя», в индивидуалистических же культурах, наоборот, он стремится изменить ситуацию «в свою пользу». В коллективистских культурах людям свойственно знать и рассказывать больше о других, чем о себе, а в индивидуалистических культурах индивид больше склонен знать и говорить о себе, чем о других. Закономерно, что тот или иной вид культур порождает свой тип общения. Так, представители

коллективистских культур стараются избегать прямых взаимодействий и делают акцент на невербальных средствах коммуникации, которые, по их мнению, позволяют им лучше выяснить и понять намерение собеседника, определить его отношение к ним. Со своей стороны представители индивидуалистических культур предпочитают прямые формы общения и открытые способы решения конфликтов. Поэтому в процессе коммуникации они используют преимущественно вербальные способы.

К недостаткам коллективизма относятся авторитаризм и давление на личность (например, детей часто заставляют выбирать не то, что нравится им самим, а то, что нравится родителям), малая ценность отдельной личности и даже человеческой жизни. Для культур, основанных на индивидуализме, характерны акцент на правах отдельной личности, демократия, мультикультурализм. Наказывается только один человек и только за свои проступки в соответствии с законом. Личность может развивать свои таланты, это выгодно всему обществу, так как экономика развивается в результате предприимчивости отдельных людей

Культурами индивидуалистического типа являются культуры США, Австралии, Великобритании, Канады, Нидерландов, Германии. Коллективистскими культурами можно считать культуры Кореи, Пакистана, Перу, Португалии, Японии, Китая. Русскую культуру также причисляют к культурам коллективистского типа.

3. «Закрытость-открытость»

Следующим фактором измерения культур является «открытость» или «закрытость» культур. В «закрытых» культурах люди должны вести себя в соответствии с групповыми нормами, нарушение норм строго карается. В «открытых» культурах наблюдается большая терпимость к отклонению поведения индивида от общепринятых норм. Для людей из «закрытых» культур значимы предсказуемость, определенность и безопасность. Им важно знать, что другие люди намерены делать, и если те поступают непредсказуемо и неожиданно, это психологически травмирует членов «закрытых» культур. Индивиды из «закрытых» культур склонны воспринимать людей из «открытых» культур как недисциплинированных, своевольных и капризных, в то время как люди из «открытых» культур трактуют поведение представителей «закрытых» культур как негибкое и бескомпромиссное.

Обобщая сказанное выше, можно утверждать, что культура является чрезвычайно сложным феноменом. Немецкая культура в отличие от русской более «сложная», но в то же время она не является и «закрытой». Ей свойственны такие приоритеты, как личная свобода, достижение в первую очередь своих собственных целей, акцент на правах отдельной личности, демократия и мультикультурализм. Русская культура не совпадает с немецкой ни по одному из перечисленных выше культурных синдромов. Она «закрытая», «простая» и имеет коллективистские тенденции сознания и поведения. В ней групповая идентичность превалирует над личной, индивид должен вести себя в соответ-

вии с групповыми нормами, в то же время представители данной культуры характеризуются ярким проявлением эмоций. Россия также в отличие от Германии относится к странам с культурой феминного типа, то есть в качестве главных ценностей превалирует сам человек, его воспитание и смысл жизни. Вероятно отсюда истоки фатализма в русской культуре.

Как мы видим, культуры значительно отличаются одна от другой определенным набором ценностей, верований, норм и моделей поведения, все это находит свое выражение в языке. Знание ритуалов, речевого этикета той страны, где находится носитель другой культуры, является важным условием полноценного обучения студентов иностранному языку.

Список литературы

1. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросскультурную психологию.- М., 1997.
2. Елизарова Г.В. Культура и обучение иностранным языкам. – СПб.: Изд-во СОЮЗ, 2001.
3. Blickpunkt Fremdsprachenunterricht und Europa 2008 //Der fremdsprachliche Unterricht. – Stuttgart, 2008.

Н.А. Сочнева

аспирант

кафедра истории литературы и фольклора

Курганского государственного университета

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ К ДРЕВНЕРУССКИМ ЛЕТОПИСНЫМ ПОВЕСТЯМ О КНЯЖЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ (ПРОБЛЕМА МОТИВНОГО СХОДСТВА)

Говоря о межкультурных связях Древней Руси, традиционно обращают внимание прежде всего на влияние на древнерусскую литературу культуры Византии и южных славян. В то же время рассмотрение данной проблематики не будет полным без учета влияния на русскую средневековую культуру литературы западных славян, прежде всего чешских повестей, посвященных прославлению мучеников Вячеслава и Людмилы.

Связь древнерусских повестей XI – XII вв. о феодальных преступлениях с памятниками старочешской литературы X – XI вв. вацлавского цикла не случайна: в них близки и главные темы произведений, и позиции авторов. Литература на Руси, как и в Чехии, рано заинтересовалась начальными этапами развития своей государственности, избрала своим объектом драматические коллизии феодальной политики. Развитие повествовательных жанров литературы Древней Руси XI – XIII вв. неотделимо от традиций повестей о князьях, павших жертвой феодальных распрей, заговоров, розни [6, с. 187]. Вполне естественно, что культурные связи двух государств отразились и в литературных памятниках X—XIII вв.

Славянские тексты житий князя Вячеслава и княгини Людмилы, ставших жертвами придворных заговоров, замковых преступлений, возникли уже в первой половине X века. И для древнерусских авторов, учитывая особенности литературного творчества средневековья, более чем естественным могло стать обращение к традиции произведений вацлавского цикла [6, с.189].

После падения в начале X века Великоморавской державы под ударами кочевников-венгров одним из преемников кирилло-мефодиевских традиций (не прерванных целиком даже с изгнанием в 885 г. из страны учеников славянских апостолов) стало небольшое Чешское княжество, правитель которого Боривой (Борживой) ок. 874 г. был крещен архиепископом Мефодием. В стране наряду с латинской существовала славянская письменность на основе глаголического алфавита и богослужение на славянском языке. Возникший в 1033 г. неподалеку от Праги Сазавский монастырь на протяжении 60 с лишним лет был значительным центром славянской письменности и межславянских культурных связей.

Начало чешской литературы связано с драматическими событиями в жизни недавно христианизированного общества. В 921 г., после смерти своего сына Братислава, вдова Боривоя Людмила пала жертвой борьбы за власть: она была задушена по приказу своей невестки Драгомиры, стремившейся единолично править во время малолетства своих сыновей. Позднее (в 928 или 935 г.) старший внук и воспитанник Людмилы Вячеслав (установивший церковное почитание своей бабки) был убит своим братом Болеславом и его боярами, недоброжелательными пассивной внешней политикой князя и влиянием на него духовенства. Вскоре после смерти Вячеслав был канонизирован по инициативе виновника его гибели, принесшего церковное покаяние. За короткое время культ новых мучеников получил общегосударственное значение. На протяжении X—XIII вв. им было посвящено большое число житийных и гимнографических произведений на славянском и латинском языках.

Очень рано культ Вячеслава (вместе с культом Людмилы) получил известность в Киевской Руси. Уже в сентябрьской служебной Минее 1095 — 1096 гг. помещен канон Вячеславу.

Текст «Убиения Вячеслава, князя Чешского» (или Востоковской легенды) известен в древнейшем своем кириллическом варианте в четырех списках: РГБ, ф. 256 (собр. Н. П. Румянцева), № 436, нач. XVI в. (открыт А. Х. Востоковым); БАН, Архангельское собр., Д. 142, втор. пол. XVI в.; ГИМ, собр. Е. В. Барсова, № 1466, кон. XVI — нач. XVII в.; РГБ, ф. 556 (собр. Вифанской духовной семинарии), № 91, втор. четв. XVII в. (обнаружены в последнее время). Все известные списки памятника содержат (с мелкими разночтениями) единый текст, отражающий общий протограф.

В результате произведенного сюжетно-композиционного анализа на основании текста, опубликованного по Румянцевскому списку, древнейшему и наиболее исправному, мы выделили характерные мотивы в тексте «Убиения Вя-

чеслава, князя Чешского», дающие нам в дальнейшем возможности для сравнения с древнерусскими летописными повестями о княжеских преступлениях.

В начале произведения автор обращается к традициям жития-биос. Рассказывается о детстве князя, о княжеском обряде пострижин, об обучении его грамоте («...И постригли князя <...> И отдала его бабка его Людмила учить славянским книгам, как подобает священнику, и [он] хорошо усвоил [их] смысл. И отсадил его Вратислав в Будеч, и начал отрок учиться латинским книгам, и выучил хорошо...» [5, с.37]). Затем подробно рассказывается о благодеяниях князя («...Яко възпите сыны своя, яко нача Вячеславъ строити люди своя. Имяше же сестры 4, и вдаста я в росна княженя, и устроиша я. И възложи Богъ благодать таку на Вячеслава князя: и нача же умети книги латыньския, якоже добры епископъ или попъ да аще и възмяше я, греческия книги или словеньския, прочиташе явѣне безъ блазна. Не токмо же книги умеаше, но веру свершая всемъ убогимъ добро творяше: бедныя напиташе и одеваше по еуагльскому учению, божия рабы питаше, вдовиць не дадыше обидети, люди вся убогыя и богатыя миловаше, церкви вся златомъ украси, вероваше въ Бога всемъ сердцемъ, все благое творяше в животе своемъ...» [5, с.37]).

В тексте памятника много мотивов, характерных для жанра исторической повести:

- мотив заговора. Произведение содержит два заговора. Сначала чешские вельможи подговаривают Вячеслава против матери и брата Болеслава. Но этот заговор так и не осуществляется, потому что Вячеслав испугался гнева Божьего и раскаялся («...Ти же намолвиши Вячеславу, рѣша: "Хочеть тя Болеславъ убити, съ матерью съвѣщавъ и съ мужи своими". Пси злиши, иже бѣша Вячеслава научили выдати мать свою безъ вины. Вячеславъ же, разумѣвъ страхъ Божий, помяну слово апостола, глаголюща: "Чти отца и мать свою яко и сам ся, и възлюбии ближняго своего яко и сам ся"...» [5, с.37]). Второй заговор, уже против Вячеслава, замышляет Болеслав и его бояре [5, с.37];

- перечисление имен убийц («...Тужа притекъ, удари в руку, Вячеславъ же пусти брата и къ церкви побеже. Дьявола же два, Чьста и Тира убиста въ церковныхъ вратехъ, Гневыса же притекъ, прободе ему ребра мечемъ...» [5, с.38]). Этот мотив характеризуется объективностью;

- убийство князя в несколько приемов («...Къ Болеславу же прииче дьяволъ ко уху и разврати сердце его. Да извлекъ мечъ отвѣща сице: "Тебе хошу унеи быти", и удари мечемъ по главе. Вячеславъ же обратися и рече: "Что еси умыслил?" И охавивъ и поврѣже и паде над нимъ и рече: "То ти Богъ, брате". Тужа притекъ, удари в руку, Вячеславъ же пусти брата и къ церкви побеже. Дьявола же два, Чьста и Тира убиста въ церковныхъ вратехъ, Гневыса же притекъ, прободе ему ребра мечемъ, и испусти духъ свои...» [5, с.38]);

- мотив сопротивления князя при убийстве («...Да извлекъ мечъ отвѣща сице: "Тебе хошу унеи быти", и удари мечемъ по главѣ. Вячеславъ же обратися и рече: "Что еси умыслил?" И охавивъ и поврѣже и паде над нимъ и рече:

"То ти Богъ, брате". Тужа притекъ, удари в руку, Вячеславъ же пусти брата и къ церкви побъже...» [5, с.38]);

- убийство княжеского любимца («...Убиша же в томъ граде с нимъ Мьстину единого ...» [5, с.38]);

- действия злодеев после убийства князя – убийство слуг князя, его священников, разграбление их домов («...а инья мужи идоша к Празе: овиши же избиша, а друзии разбегошася по землямъ. А младенци избиша его, а божия рабы разграбиша и изгнаша я из града, а жены ихъ за инья мужи вдаша. И всю неприязнену сотвориша похоть — убиша князь свой...» [5, с.39]);

- мотив обращения с телом убитого князя («...Вячеслава же разсекше отидоша, и не съхранившие его. Крастеи же попъ вземъ, и пред церковью положи и, и покры тонкою плащаницею. Услышавши же мати убъение сына своего, и притекиши искаше его. Узревши же и припаде къ сердцу его, и плачущися събираше уды телеси сына своего. Собравши же, и не сме нести его въ домъ свои, нъ попове избе омыше и оболочше и, положиша и посреди церкви... Болеславъ. Призвав же попа Павла, да молитву сътворит над нимъ. Погребоша честное его тело — Вячеслава...» [5, с.38]).

Мы можем выделить в произведении сюжетные элементы, характерные для традиции мученичества. Таким элементом является мотив знания князя о готовящемся убийстве («...Он же не оторчеша брату, не еха домовъ, и въседъ на конь, нача играти и веселитися съ други своими на дворе Болеславле, темже мнимъ, яко поведаша ему на дворе и рекоша: "Хочет тя убити Болеславъ". И не я веры тому, на Бога възложи...» [5, с.38]). Князя предупреждают об опасности, но он возлагает свои надежды на Бога, не веря в вероломство родного брата.

К традициям агиографии также относится посмертная похвала князю [5, с.39]. В ней автор говорит о чудесах, произошедших с телом князя, и надеется на еще более великое посмертное чудо.

Мы можем выделить в произведении библейские мотивы – убийцы сравниваются с Иудой, а их поведение рассматривается как результат дьявольского наущения [5, с.38].

В тексте «Убиения Вячеслава, князя Чешского» встречается христианский элемент – церковное покаяние Болеслава и перенесение тела убитого им брата («...Болеславъ же помяну вся къ Господу Богу, колико греха сътворивъ. Помолився къ Богу и всемъ святымъ, и пославъ слуги, принесе тело брата своего Вячеслава из Болеславля града к славному граду Празе, глаголя: "Азь съгрешихъ, и грехъ мои и безакония моя азь вемъ". И положиша и въ церкви святого Вита, о десную страну олтаря двою на 10 апостолу, идеже бе самъ рекъ: "Сътворю церковь ту"...» [5, с.39]).

В произведении лишь упоминается об элементе книжной риторики – плаче народа по князю, но сам текст плача не приводится («...Въ истинну весь родъ человеческъ велми ся каеше и плакашеся о немъ...» [5, с.39]).

Сходные мотивы встречаются и в другом чешском литературном памятнике X века – «Житие святыя мученици Людмилы, бабы святого Вячеслава». Это такие мотивы, как мотив заговора, знание княгини о готовящемся убийстве, мотив перечисления имен убийц, благотворительная деятельность Людмилы, посмертные чудеса, перенесение тела княгини.

Эти же мотивы мы находим и в памятниках древнерусской литературы XI – XIII веков, например, в повестях о княжеских преступлениях: «Повести об ослеплении Василька Теробовльского», «Сказании о Борисе и Глебе» и летописной «Повести об убиении Борисове», «Повести об убиении Андрея Боголюбского» и др.

Общими для «Убиения Вячеслава, князя Чешского» и «Повести об убиении Андрея Боголюбского» являются мотивы:

- действия убийц и жителей города после смерти князя – разграбление княжеского дома и домов княжеских посадников («...Горожань же боголюбьци розграбиша домъ княмжб и дьлатели, иже бяху пришли к дьлу, - золото и серебро, порты и наволоки, имьние, емуже не бь числа. И много зла створися въ волости его...» [2, с.334]. Ср. [5, с.39]);

- мотив защиты чести князя верным слугой. Таким слугой для князя Андрея Боголюбского стал Кузмище Киянин, а для князя Вячеслава - священник Крастей [2, с.332; 5, с.39].

Общим для «Убиения Вячеслава, князя Чешского» и «Сказания о Борисе и Глебе» является мотив перенесения тел князей [4, с.298; 5, с.39].

Объединяет «Убиение Вячеслава, князя Чешского» и «Повесть об ослеплении Василька Теробовльского» сюжетная ситуация, когда князя не могут отказаться от приглашений своих братьев остаться в их доме («...Вячеславъ хоть ехати домовъ къ Празь. Болеславъ не да ему, моляся плачевным смыслом, моля и глаголя: "Како хоцещи отъехати, пиво цѣло имѣю!" Он же не оторчеса брату, не еха домовъ...» [5, с.38]. Ср. [1, с.250]).

Общими для всех текстов являются следующие мотивы:

- мотив заговора;
- мотив сопротивления князя обидчикам. Этот мотив отсутствует в «Сказании о Борисе и Глебе», так как напрямую противоречит основной идее этого произведения – идее непротивления, покорности старшим, а также жанровой традиции маририя, которой в данном случае старается следовать автор;

- мотив перечисления имен убийц;
- мотив страха убийц перед содеянным;
- мотив обращения с телом князя;
- мотив убийства княжеского любимца.

Такая сюжетная близость текстов естественным образом ставит вопрос о влиянии одних памятников на другие. Вслед за Г.Ю.Филипповским мы считаем возможным говорить о «литературной преемственности», а не простой переработке чешских текстов древнерусскими авторами. Вследствие того, что русская государственность и литература возникают позднее европейской, понятно, что авторы обращали свой взгляд на уже готовые произведения.

С текстами вацлавского цикла древнерусских авторов сближала общая политическая и культурная ситуации. Русские князья, как и чешские, погибали в феодальных распрях от рук своих родственников и приближенных. Поэтому не должно удивлять столь большое количество общих мотивов в текстах памятников. Вполне вероятно, что древнерусские авторы могли заимствовать как композиционную схему из текстов житий Вячеслава и Людмилы, так и некоторые агиографические штампы. Но при всем этом культурном обогащении не оставляет сомнений сам факт самостоятельности и оригинальности древнерусских повестей о княжеских преступлениях XI – XIII веков.

Список литературы

1. Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси: Начало русской литературы. XI – начало XII века. – М., 1978.
2. Повесть об убиении Андрея Боголюбского // Памятники литературы Древней Руси: XII век. – М., 1980.
3. Ранчин А.М. Статьи о древнерусской литературе. – М.: Диалог-МГУ, 1999.
4. Сказание о Борисе и Глебе // Памятники литературы Древней Руси: Начало русской литературы. XI – начало XII века. – М., 1978.
5. Убиения Вячеслава, князя Чешского // Сказания о начале чешского государства в древнерусской письменности. – М., 1970.
6. Филипповский Г.Ю. Старославянское житие св. Вячеслава (Вацлава) Чешского в динамике литературы Руси XI – XIII вв. (Повесть об убиении Андрея Боголюбского) // Динамическая поэтика русской литературы. – СПб., 2008.

И.В. Стародумов

кандидат филологических наук

Курганский областной колледж культуры

ВИЗАНТИЙСКИЕ И ДРЕВНЕРУССКИЕ ЧУДЕСА СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ МИРЛИКИЙСКОГО (К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ДВУХ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ)

Житие святителя и чудотворца Николая Мирликийского является одним из наиболее интересных литературных и исторических памятников. Византийский святой сотворил много великих чудес при жизни и после смерти. Он помогал людям в различных бедах и несчастьях: спасал утопающих на море, избавлял узников из темниц и плена, воскрешал умерших, подавал пищу голодным, защищал оклеветанных и каждому человеку являлся в его нужде скорым помощником и заступником.

Культ св. Николая Чудотворца приобрел особую популярность также и на Руси. По утверждению Б.А. Успенского, это было связано с тем, что святитель Николай принял на себя в представлениях русского человека «функции» (под функциями в данном случае вслед за Б.А. Успенским [2] мы понимаем представления о чудодейственной силе и наборе ситуаций, в которых можно было обратиться к святому за помощью) многих христианских святых и языческих богов и воспринимался на Руси прежде всего в качестве покровителя мореплавателей и путешественников. Это привело к особой популярности святого на Русской земле, а затем к отождествлению его функций с соответствующими функциями других древнерусских святых подвижников, в частности, преподобного Сергия Радонежского, авторитет которого в среде русского народа постепенно сравнивался с авторитетом византийского святителя.

Б.А. Успенский выделил следующие функции святого Николая Мирликийского, которые в большей степени нашли отражение в его чудесах, как византийских, так и древнерусских: покровитель земных вод, помощник корабельщикам и спаситель утопающих на море; целитель; покровитель детей, исцелитель от бесплодия; покровитель служителей церкви (попов, монахов и пр.); избавитель от вражеского плена, помощник в ратном деле; помощник в обретении богатства; победитель бесов и нечистой силы; помощник в пополнении запасов пищи.

Указывая на связь святого Николая Мирликийского с водой и всем водным царством, Б.А. Успенский утверждает, что святитель Николай прежде всего рассматривался как покровитель «земных вод» (рек, морей и пр.), что способствовало его особой популярности как в Византии, так и позже на Руси. Исследователь подчеркивает, что святой Николай Мирликийский, как и языческий водяной, считался покровителем морского царства. В качестве доказательства приводится бытовавшее в народной среде представление о том, что злые силы (черти) до Николина дня сидят в воде, а после этого срока они выходят на берег; святой же Николай Мирликийский являлся защитником для всех мореплавателей и как водяной в представлении древних славян охранял все водное пространство.

Анализ чудес византийского святителя позволяет нам утверждать, что в сознании русских людей в XV – XVII веках многие функции святого Николая Мирликийского были переданы другим древнерусским святым подвижникам, что нашло отражение в содержании повествований о чудесах русских святых угодников и заступников за православную веру.

В составе текста Жития святого Николая Мирликийского по наиболее полной его Метафрастовской редакции, представленной в Великих Минеях Четых митрополита Макария [3, 1904], встречаются как византийские, так и древнерусские чудеса. Это в данном случае вполне закономерно, поскольку византийский святой стал особо популярен и почитаем на Руси.

Следует отметить, что посмертные византийские и древнерусские чудеса святого Николая Мирликийского построены по общей композиционной схеме, элементы которой представлены следующим образом: 1. Сведения о лице, подвергшемся чудесному спасению. 2. Описание беды (буря на море, кораблекрушение, плен, забвение обета и пр.). 3. Обращение за помощью к святому (молитва или просьба простить грехи). 4. Явление святого (видение). 5. Чудесное спасение (внезапное или поэтапное). 6. Благодарность спасенного (молитва, благодарственный молебен).

В Метафрастовской редакции Жития св. Николая Мирликийского (в данном случае мы привлекаем к анализу также издание текста, подготовленное М.С. Крутовой [1], которое основано на рукописях жития и чудес св. Николая Мирликийского из собраний РГБ) в композиционном и тематическом отношении наиболее интересными и разработанными являются византийские чудеса. Среди них весьма распространены чудеса о спасении утопающих на море. Так, например, в «Чуде о трех отроках, которые были спасены от варваров на море» злые разбойники (варвары) напали на православных христиан, забрали у них все сокровища и бросили их в море; только с помощью молитвы и благодаря их истинной православной вере христиане были спасены святым Николаем Мирликийским: «...Вси варвари <...> и тако убо погани нападшее на христиане, и вметаху ихъ в море, богатство же ихъ разделиша все и обычное шествие творяху по морю <...>. Они же (христиане) велиимъ гласом <...> вопияху глаголющее: святый Николае, помози намъ и избави горкия сея беды и напрасныя смерти <...>. И тако два мужа на камени плаваста и о третьемъ желеюще» [1, с.91]. Данный рассказ интересен еще и тем, что здесь нашло отражение народное представление «св. Николай Мирликийский – покровитель морского царства»: когда разбойники напали на православных христиан и бросили их в открытое море, двое из них увидели камень, который чудесным образом плавал по воде, и смогли спастись, а третий отрок утонул: «...Два же мужие мнозь часъ плаваниемъ нуждахуся и се видеста камень велии верху воды плаваше, и оба мужа, яко на рамо подять по водамъ ношашеся» [1, с.91]. После того, как христиане стали молить Господа Бога и святого отца Николая, чтобы он пришел на помощь их соратнику, внезапно из моря на поверхность воды поднялся большой кит, открыл свою пасть и православные христиане увидели их утопшего отрока, который вышел к ним на камень из пасти кита: «Единъ ко другому глагола о немъ, еже не могущу ему плавати, и паки други ко единому рече: аще Всемилостивый Богъ спасенъ насъ, мощен же есть молитвъ ради святаго отца Николы и сего спасти <...>. Сия же има глаголющима, и се внезапу кит велики зверь главу на камен возлож и уста раствори, и видеса има аки пропасть велия <...>. И се видеста оного мужа иже утопе, изо усть великаго зверя исходитъ <...>, онъ третии муж изыде на камен, и абие кить великий во глубину моря отиде» [1, с.92].

Характерно то, что в византийских чудесах святого Николая Мирликийского особое внимание уделяется описанию беды, которая случается с людьми во время морского путешествия. Причины этих несчастий объясняются по-разному. Иногда человек может быть наказан святым за совершенный им грех,

а иногда на путешественников нападают злые разбойники (варвары). Обычно в описании говорится, что на море поднимается сильный ветер, который разрушает корабли: «Егда ж бывшимъ имъ [путешественникам] на пути, и се в полунощи внезапно ветеръ великъ зело возста и ветрило корабля растерза, и весла же беша в рукахъ ихъ изрази, и тако от великия бури и зелнаго волнения кораблю превратитися сотвори» [1, с.74].

В композиции византийских чудес принципиально важна роль «видения» святого, потому что через этот мотив не только подтверждается святость Николая, но и подчеркивается его готовность к оказанию чудодейственной помощи. Святитель Николай Мирликийский часто приходит на помощь людям, терпящим бедствие на море: иногда страждущий на море человек видит святого Николая, подобно Христу, идущего по морю, как по суше: «И се виде патриархъ святого отца Николу по морю грядуща к себе аки по сушу, и емъ за руку» [1, с.69]. Иногда святой Николай берет за руку тонувшего и переносит его в свой дом или в церковь: «...Святыи же Николае, иже велики помощникъ сущим в бедах, скоро обретесе и приять его за руку, преславно глубины избавляя, и взять оттуду, и посади его внутрь своему дому во едину от хлевинъ, заключену сущу» [1, с.74].

Отметим, что для византийских чудес принципиально важным являлось развернутое описание чудесной помощи святого Николая Мирликийского. Это находит отражение и в чудесах – избавлениях от вражеского плена, повествующих о постоянных жестоких набегах различных кочевых племен (сарацин, аравийцев и других народов) на Византию, а потом и на Древнюю Русь (половцев, татар). В этих повествованиях святой приходил на помощь всем невинно осужденным.

Так, в «Чуде о попе Христофоре, как святой Николай избавил его от казни» главный герой (поп Христофор) имел великую веру к Николаю Мирликийскому и совершал паломничество ко гробу святого, но на пути был взят в плен аравийцами и только благодаря молитвам и вере в святого Николая Христофор остался жив: «Во едино же от летъ творящу ему [Христофору] шествие съ прочими клеветы ко святому отцу Николе, сретоша же ихъ аравитяне и емше отведоша во страну свою <...>. Сеи же стоя уже последняго трепеташе часа, но не престая иже великаго отца Николу на избавление горкия смерти призывая <...>. И сия рекъ, разреши от узъ Христофора попа» [1, с.63]. В данном чуде святой Николай Мирликийский как скорый божественный заступник трижды отнимает у палача меч, при этом палач испытывает великий страх и перестает гневаться на невинно осужденного: «Святыи же Николае пришед вослед мечника и ят от руку его мечъ, и верже его вне сонма <...>. И от того часа мечникъ ужасен бывъ, отложивъ убо гневъ и тихо приступи глаголя [Христофору]: повеждь ми, человеце, кто есть Николае, его же ты глаголеши» [1, с.63].

На Руси почитание святого Николая прежде всего укрепилось на водном пути «из варяг в греки», а потом уже и на других реках и морских побе-

режьях. В мировоззрении русского православного человека святой Николай Чудотворец стал одним из самых почитаемых святых угодников.

В составе Метафрастовской редакции Жития святого Николая Мирликийского читается два древнерусских чуда – «Чудо об утонувшем киевском отроке» и «Чудо о половчине». Эти повествования имеют важное историко-культурологическое значение. «Чудо об утонувшем киевском отроке» повествует о том, что в Киев на день памяти святых мучеников Бориса и Глеба собралось много людей. Один киевлянин тоже хотел попасть на этот праздник и отправился туда вместе со своей семьей. В ладье они приплыли к Вышгороду, поклонились гробу и святым мощам мучеников и, возрадовавшись духом, отправились в обратный путь. Но когда они плыли по Днепру, жена того человека нечаянно уронила в воду ребенка, и тот сразу же утонул. Обезумевший от горя отец стал рвать на себе волосы и призывать в молитве на помощь святого Николая Чудотворца: «Горе мне, святой Николай! Я имел к тебе великую веру, а ты не спас мое дитя от потопления. Кто теперь будет наследником моего имени? Кого научу я творить в память тебя, кому поведаю о твоём великом милосердии?» Наконец добрались они до Киева и с великой скорбью вошли в свой дом. Но святой услышал молитву отца утонувшего отрока и совершил чудо: он спас утонувшего ребенка и положил его на хорах храма святой Софии живого и невредимого. Утром об этом доложили киевскому митрополиту, и тот послал собрать людей на площадь и спросить у них о том, чье это дитя. Несчастный отец узнал своего сына, но долгое время не верил в его чудесное спасение. После этого он пошел домой и все рассказал жене, которая сразу же поверила в свершившееся чудо. Вместе они поспешили в церковь, увидели свое дитя живым и, не прикасаясь к нему, со слезами обратились с молитвенным благодарением к святому Николаю Чудотворцу: «Бяше некий мужь во граде Киеве <...> поимь подружие свое и чадо свое, еже име, и влезль в лодию, и еха поклонитися гробу святымъ мученикомъ Борису и Глебу. <...> Еще ему едущу по реце по Днепру, подружие его, держащее детя в рукахъ, забовением же вохдремався, испусти детя в реку, и утопе <...>. И тако симъ бывшимъ, доеха до града, в домъ свои идоша, скорбяще <...>. Скорыйи на помощь <...> архиереи Николае удиви чюдо: <...> детя утопшее изе изъ реки и положи на полатехъ у святыя София, живо, неврежено» [Л. 185 а]. В данном случае в тексте нашло отражение представление о Николе как спасителе на водах и как о покровителе детям.

В древнерусских чудесах св. Николы особое внимание уделяется простому человеку, его переживаниям, внутреннему миру. С этой точки зрения мы можем говорить о большем психологизме древнерусских чудес в сравнении с византийскими. Например, в уже упоминавшемся нами «Чудо об утонувшем киевском отроке» душевное состояние героя в момент несчастья показано так: «Отць же нача терзати власы главы своя глаголя: увы мне, святый Николае <...>, еже не соблюде моего чада отъ утопления! Кто ли наследникъ будетъ моему имению, кого научю памят творити светлю тебе, моему заступнику <...>. Но, святый Николае, не прогневайся на мя, тако многодерзнувша рещи, не отъчаю бо ся своего спасения: тебе помощника имею» [Л. 185 а]. Подобное психо-

логическое состояние испытывает и его жена: «Жена же его, ничтоже не отвещающе, терзаше по ланитома рукама своима, гласомъ великымъ вопиюще» [Л. 185 б].

Русское «Чудо святого Николая о половчине», совершившееся в разгар половецких набегов на Южную Русь и Киев в XI-XII веках, рассказывает о том, как один благочестивый киевлянин, имевший великую веру и любовь к святителю Николаю, держал у себя в плену одного половца, который однажды предложил своему хозяину отпустить его в родную страну, обещав ему привести оттуда в качестве выкупа за себя табун лошадей. Киевлянин согласился на это, но при условии, чтобы половец пошел с ним в церковь святого Николая и взял в качестве поручителя за себя икону святителя. Неверный половец сделал это, но, получив свободу, и не думал исполнять своего обещания. Тогда святитель Николай несколько раз являлся ему и побуждал отвести выкуп благочестивому киевлянину под угрозой страшного наказания, и, наконец, действительно поразил его тяжелой болезнью. Оправившись от болезни, половец пригнал с собою в Киев два табуна коней, один из которых отдал благочестивому киевлянину, а другой – в церковь святого Николая. В этом рассказе отражен мотив – наказание за невыполнение обета, который отсутствует в византийских посмертных чудесах св. Николая и будет в дальнейшем весьма характерным и распространенным мотивом для чудес древнерусских святых подвижников. Но в то же время здесь отражен и мотив исцеления, традиционный как для византийских, так и для древнерусских посмертных чудес. Подчеркнем также характерную деталь: святитель Николай в данном случае помогает наставить на путь истинный иноверца.

Таким образом, обращение к анализу рассказов о чудесах святителя Николая Мирликийского позволило нам выявить преемственность между византийской и древнерусской культурными традициями. Несмотря на ряд существенных отличий, византийские и русские чудеса построены по одной и той же композиционной схеме, в тех и в других несомненно важен сам факт чудесной помощи святого как доказательство его святости и скорого заступничества. Не случайно на Руси св. Николай Чудотворец пользовался особым почитанием, его культ установился сразу же после принятия христианства и продолжал укрепляться и расширяться в последующие столетия. Уже к концу XI века культ святителя приобретает на Руси общенациональный характер, а сам святой Николай Мирликийский – статус христианского покровителя государства.

Список литературы

1. Крутова М.С. Святитель Николай Чудотворец в древнерусской письменности. - М.: Мартис, 1997.
2. Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. Реликты язычества в восточнославянском культе Николы Мирликийского. - М., 1982.
3. Макарий митрополит. Великие Минеи Четьи. Успенский список. Издание Археографической Комиссии. Вып.11: Декабрь, дни 6-17. - М., 1904.

О.А. Степаненко
кандидат филологических наук, доцент
кафедра немецкой филологии
Курганского государственного университета

**ВЫМЫСЕЛ КАК ПОЗНАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ:
НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ДИСКУРСА)**

Zum ersten: Die Realität erweist sich gegenüber der Fiktion als ein Zuwenig.
Zum zweiten: Die Realität erweist sich gegenüber der Fiktion als ein Zuviel.

Aleida Assman

Смысл высказывания, приведенного нами в качестве эпиграфа, состоит в том, что реальность, с одной стороны, представляет собой нечто меньшее по сравнению с вымыслом, а с другой стороны, – нечто гораздо большее [5, с.14].

В первом случае, на наш взгляд, имеется в виду следующее: создавая то или иное произведение, писатель опирается на свой личный опыт, на увиденное и пережитое им самим в реальной жизни, однако его вымышленный мир гораздо богаче в силу того, что все фрагменты реального мира «пропускаются» автором через себя. Реальный мир интерпретируется писателем через призму его субъективной модальности, под которой мы понимаем собственное отношение автора ко всему, что происходит вокруг него в реальной жизни. В результате такой интерпретации и благодаря игре воображения создается иная реальность, называемая «вторичной, фикциональной реальностью» [4, с.110]. Рассматривая дискурсивную сторону литературного текста, Е.А. Гончарова отмечает двусторонний характер взаимодействия двух реальностей – жизненной и фикциональной. В чем это проявляется? Создавая произведение, автор использует определенные события и ситуации, взятые им из жизни: таким образом, жизненная реальность влияет на реальность вымышленную. Произведения немецких писателей - Кристи Вольф, Германа Канта, Генриха Белля, Гюнтера Грасса и многих других – не исключение. Так, вполне «узнаваемы» не только сюжеты, но и герои в романах Кристи Вольф «Der geteilte Himmel» и Бригитты Райманн «Die Geschwister». В контексте так называемого «национального вопроса» - «раскола» Германии и, как следствие, возникшей опасности для единой национальной идентичности немцев - рассматриваются проблемы, связанные с поиском главными героями самих себя. Стихи Г. Грасса, объединенные темой «Novemberland» («Страна в ноябре»), носящие явный политический характер, отражают конкретную жизненную реальность, связанную с процессом объединения Германии. В романной трилогии Г. Канта («Aula», «Impressum», «Aufenthalt») сконцентрированы многие вопросы той социалистической действительности, в которой жил сам автор. Писатель видел противоречия жизненной реальности, испытывал тревогу по этому поводу, пытался найти ответ на мучившие его вопросы и донести свои идеи до со-

граждан. Наряду с темой раскола и объединения Германии «классической» для литературы ГДР и ФРГ, а после 1990 года и для писателей уже объединенной Германии, является тема «вины» немцев в самых различных вариациях. Нельзя не упомянуть о произведениях Г. Белля «... und sagte kein einziges Wort», Г. Герлиха «Heimkehr in ein fremdes Land», Уве Джонсона «Ach! Sie sind ein Deutscher?», Хельги Кенигсдорф «Ganz normal deutsch» и многих других. Однако наиболее пронзительно и страстно, на наш взгляд, данная тема звучит в стихотворении Вольфганга Вайрауха «Der Deutsche» («Немец»). Актер и свободный писатель в г. Мюнхене и позднее в г. Дармштадте (умер в 1980 году), В. Вайраух не оставляет никому из своих соотечественников шансов почувствовать себя прощенным, т.к. даже раскаяние, на его взгляд, не освобождает немцев от причастности к этой общей вине:

Die Stadt ist tot und ich bin schuld daran-
Wir alle haben Schuld. Du, Nebenmann,
du tötest die Straße und das Haus.
Du, Nachbar, branntest Bett und Zimmer aus“.
Doch Reue ist niemals genug. Im Munde,
im Herzen bebe täglich eine Stunde,
da schreie ohnemaßen unsre Schuld.
Vergib uns, bitte, ewige Geduld.

Читая художественные произведения, понимаешь, насколько прав был один из мыслителей, сказав, что «искусство относится к жизни как вино к винограду» (цит. по Выготскому Л.С.), поскольку «искусство берет свой материал из жизни, но дает сверх этого материала нечто такое, что в свойствах самого материала еще не содержится» [3, с.333]. Под этим «нечто», по-видимому, понимается катарсис, в котором заключается переработка чувств, происходящая благодаря искусству. Ограниченные рамками статьи мы не останавливаемся на этом более подробно, однако вслед за А.Ассманн отметим [5, с.9], что термин «катарсис» достаточно широко используется в современных лингвистических и литературоведческих исследованиях.

Итак, рассматривая две реальности: жизненную и вымышленную (или фикциональную), мы тем самым обращаемся к соотношению «жизнь и искусство». Опираясь на авторитетную точку зрения М.М. Бахтина, полагавшего совершенно правомерным обычное противопоставление жизни и искусства и стремление найти между ними какую-то существенную связь [1, с.26], считаем вполне обоснованным отнести это и к оппозиции «реальность - фикция».

Вымышленная реальность создается, по образному выражению Вероники Ауфферманн [6, с.13], из «передвижных декораций реального мира, чтобы мы в этом мире (имеется в виду мир вымысла. – О.С.) снова обретали или теряли себя» - «Die fiktiven Welten setzen sich aus Versatzstücken der wirklichen Welt zusammenn, damit wir uns darin wiederfinden oder verlieren» (перевод здесь и далее наш. - О.С.).

Говоря о взаимодействии реальной действительности и произведения искусства, отмечаем, что действительность входит в произведение, т.е. другими словами, «жизнь находится не только вне художественного произведения, но и в нем, внутри него» [1, с.30]. Однако эстетическая деятельность создает свою действительность, которая при этом не является совершенно новой действительностью. В искусстве по-новому выглядит и звучит узнаваемый и сопереживаемый реальный мир. Идея «сопереживаемости», по М.М. Бахтину, заключается в том, что художник не вмешивается в событие как непосредственный участник его, а занимает существенную позицию вне события как созерцатель, который понимает ценностный смысл того, что происходит. Писатель создает в своем произведении совершенно особую ситуацию, которая соотносима с реальной ситуацией, но не равна ей. Аналогичное мнение высказывает И.А. Щирова, подчеркивая, что уникальность произведения искусства противоречит изоморфизму изображенного и реального [4, с.49].

В любом художественном произведении сочетаются объективный и субъективный моменты. В первом случае имеется в виду охват определенных явлений реальной действительности, во втором – отношение писателя к событиям, жизненным ситуациям.

Французский философ Ж.М. Гюйо утверждал: «Искусство есть конденсация действительности, оно нам показывает человеческую машину под более сильным давлением. Оно старается представить нам более жизненных явлений, чем их было в прожитой нами жизни» [цит. по 3, с.341]. Не созвучно ли данное мнение Гюйо со словами Аллейды Ассманн, взятыми в качестве эпиграфа к нашей статье? Представляется возможным ответить утвердительно на данный вопрос, т.к. реальная действительность «проигрывает» в ряде случаев «концентрированной жизни в искусстве» (выражение Л.С. Выготского), т.е. оказывается чем-то значительно меньшим по сравнению с реальностью вымышленной. Трудно переоценить роль искусства в обществе: оно влияет и на наши чувства, и на волю, оживляет различные эмоции и страсти. На наш взгляд, не уступает по своей страстности искусству и высказывание об искусстве: так, Гюйо считает, что искусство «выговаривает слово, которого мы искали, заставляет звучать струну, которая была только натянута и нема».

Писатель предлагает читателю свое понимание окружающей его реальности: в художественном произведении возникает определенная эмоционально-смысловая концепция мира. Художник обращается к предметному пластическому миру как носителю его видения, понимания и оценки социальных и психологических процессов действительности. Чтобы «услышать» голос автора, необходимо анализировать не отдельные компоненты художественного текста, а произведение в его целостности. Как подчеркивает М.М. Бахтин, автор художественного произведения присутствует только в целом, при этом имеется в виду содержание и форма произведения [2, с.382]. Представляя читателю свое видение мира, автор не стремится заполучить идеального автора, который был бы просто его «зеркальным отражением» [там же, с.388]. В таком случае чита-

тель не вносил бы ничего нового, «своего» в понимание замысла и содержания произведения, что не давало бы взаимодействия между автором и читателем.

Фикциональная реальность художественного произведения, на наш взгляд, предполагает еще одну грань такого взаимодействия, которая озвучена немецкой журналисткой, критиком и автором В. Ауфферманн: «Die Grundregel jeder Auseinandersetzung mit einem erzählerischen Werk ist eine stillschweigende Übereinkunft zwischen dem Leser und Autor. Der Leser will, dass das, was ihm erzählt wird, eine ausgedachte Geschichte ist» [6, с.8]. Смысл данного мнения в том, что между писателем и читателем существует некая «молчаливая договоренность»: читатель сам хочет, чтобы рассказанная ему история была выдуманной, вымышленной. Это связано, возможно, с тем, что реальная действительность настолько сурова и жестока, что нам, читателям, не хочется верить в реальность тех событий, о которых пишет автор. Хочется скорее думать, что все связанное, например, с войной, фашизмом, предательством, ощущением своей «национальной неполноценности» и т.д., о которых пишут А. Зегерс, Б. Апиц, Г. Фаллада, Г. Белль, Г. Мюллер и другие немецкие писатели, вымысел.

Обратимся к понятию «вымысел» и позволим себе краткий исторический экскурс. Уже с античных времен данное понятие было весьма спорным, вызывающим противоположные точки зрения. Определение понятия «вымысел» не осталось в стороне от внимания Платона и Аристотеля. Известна особая роль Платона в дискредитации данного понятия, который назвал вымысел «имитацией, подражанием, копированием». Считая понятие «вымысел» равнозначным понятию «подражание», Платон полагал в связи с этим, что искусство, основанное на подражании, приносит вред, и творения художников, которые занимаются подражанием, достаточно удалены от истины. Аристотель в свою очередь был иного мнения, т.к. любой писатель в определенной степени имитирует реальную действительность в виде поступков и действий. На взгляд Аристотеля, подражание обязано следовать не закону исторической правды, а закону поэтической вероятности: «Man muss das Unmögliche, das wahrscheinlich ist, dem Möglichen vorziehen, das ungläubhaft ist» [цит. 5, с.9], следует предпочитать невозможное, которое вероятно возможному, которое невероятно. В этих словах Аристотеля виден явный «дипломатический компромисс», т.к. великий ученик Платона предоставляет писателю право на собственные закономерности и в то же время гарантирует произведению связь с реальной действительностью. По Аристотелю, художественное произведение является инструментом познания мира, а вымысел оказывает психотерапевтическое воздействие.

Вполне закономерен тот факт, что просматривается аналогия между историей вымысла и происходящими духовно-историческими процессами: происходит смена самого понятия «действительность». Мир, обоснованный в художественных контекстах, предстает как дискурс, над которым властвует человек. В связи с изменениями структуры понятия «действительность» изменяется и понятие «вымысел». Художественные произведения размещаются, если можно так сказать, относительно творчества, в рамках соответствующего об-

раза мира как культурного творения каждой эпохи. Не рассматривая подробно новые определения для понятия «вымысел», отметим, вслед за А. Ассманн [5, с.12] те положительные моменты, которые свойственны фикциональным текстам. Вымышленная коммуникативная ситуация (или фикциональная реальность) предполагает не расширение уже имеющегося поля взаимоотношений между автором и читателем, а создание нового благодаря тексту. Художественные тексты полифункциональны и поливалентны. В первом случае вымысел не «задает» определенных участников коммуникации (в нашем случае читателей) и адаптируется к различным контекстам. Во втором случае речь идет о создании «бесконечного горизонта значения»: «Sie (имеются в виду тексты) konstituieren einen unabschließbaren Bedeutungshorizont». Предполагая возможные упреки в некоторой монотонности, все же используем еще один композит с компонентом «поли» в отношении художественных текстов, т.к. термин «полиперспективная интерпретация» текста, на наш взгляд, достаточно точен.

Второй случай достаточно сложных, «мозаичных» взаимоотношений между жизненной и фикциональной реальностями, отмеченный в эпиграфе, не менее интересен. Действительная реальность предстает как нечто большее, чем реальность вымышленная, хотя последняя, как было отмечено выше (см. мнение Гюйо), и представляет жизненную реальность в концентрированном виде. Считаем уместным привести в этой связи мнение известного английского писателя эпохи Просвещения Генри Филдинга о том, что едва ли возможно сделать текстом (vertexten) (дословно - переложить на текст) хотя бы одну - единственную сцену из жизненной реальности полностью, даже если бы можно было «писать сорока перьями» [5, с.14]. Таким образом, писатель стоит перед выбором какие моменты опустить и какие добавить. Над вопросами относительно подобного отбора жизненного материала размышляет великий немецкий писатель Й.В. Гете: «Aber die Natur, wie sie vor uns liegt, kann doch nicht nachgeahmt werden: sie enthält so vieles Unbedeutende, Unwürdige, man muss also wählen; was bestimmt die Wahl? Man muss das Bedeutende aufsuchen; was ist aber bedeutend» [8, с.294]. Смысл данного высказывания заключается в следующем: в природе существует много незначительного, недостойного внимания писателя, поэтому следует выбирать, но при этом напрашиваются следующие вопросы: что определяет этот выбор и что есть то «значительное».

Ответы на все поставленные выше вопросы следует искать прежде в историческом аспекте, в каждой исторической эпохе. Подтверждая сложность соотношения жизненной и вымышленной реальности, нельзя не признать главного, что доказано как в теоретических, так и в практических научных исследованиях, и может рассматриваться, с нашей точки зрения, как аксиома: реальности различны по своей природе. Притязания вымысла на то, чтобы быть реальностью, следует рассматривать как полую утопию. Постичь суть отношений между вымыслом и реальностью помогает использование понятия «модели». Рассматривая вымысел как модель реальности (а именно так звучит одна из глав монографии А. Ассманн), исследователь отмечает, что данная мо-

дель возникает в рамках игрового пространства «как будто». Действующие лица, предметы и многое другое – все задействовано в «игре». Данная точка зрения опирается, как мы полагаем, на авторитетное мнение Ю.М. Лотмана, признающего за вымыслом статус модели, причем вымысел, на его взгляд, находится где-то на полпути между наукой и игрой. Действительно, игру и искусство объединяет наличие фиктивной, выдуманной ситуации, но если в процессе игры приобретается навык, то в искусстве приобретается мир.

В каждом конкретном случае вымысел писателя устанавливает ту модель реальности, которая служит ему в качестве своего рода умозрительного инструмента познания окружающей его действительности. В ходе творческого процесса создается новая реальность. Таким образом, функция вымысла созидательная, а не только модифицирующая (в отношении реальной действительности). Вымысел моделирует мир и делает его благодаря этому прозрачным и осязаемым.

Художественная реальность, пусть даже самая парадоксальная, побуждает нас, читателей, к размышлениям, заставляет задуматься о жизни, ее смысле, взглянуть на себя и свое окружение «со стороны». Почему это происходит? Ответ на этот вопрос, как нам представляется, дает немецкий литературовед Х. Плавиус, считающий, что моменты игры в искусстве открывают возможность «дополнительного познания»: «Das Spielerische ist sinnerfüllt, die in ihm entfaltene Verfremdung wirkt wie ein zusätzliches Sinnes- und Erkenntnisorgan, mit dem wir unsere Angelegenheiten betrachten und ihnen durch den verfremden Blick zusätzliche Seiten abgewinnen» [9, с.145]. Данные слова в полной мере можно отнести и к произведениям Кристи Вольф, ее трем историям с элементами фантастики и романтики одновременно. Используя элементы фантастики, писательница ни в коей мере не стремится увести читателей от реальной жизни, поскольку в ее «абсурдных» историях рассматриваются серьезные проблемы морали и вместе с тем высмеиваются определенные стороны жизни, черты немецкого характера. Истории, о которых идет речь: «Unter den Linden», «Selbstversuch», «Lebensansichten eines Katers». Действие первой фантастической истории, в которой героиня пытается найти себя, стремится к счастью, осознавая, как это непросто, происходит во сне. Во второй невероятной истории речь идет об эксперименте по превращению женщины в мужчину. Процесс превращения стал возможным благодаря волшебному средству - «Petersein masculinum» (тонким юмором пронизано название средства).

Более подробно остановимся на последней, наиболее невероятной в современном контексте, с нашей точки зрения, истории. Определенная мистика ощущается уже в самом названии («Жизненные принципы кота»), представляющим собой аллюзию – явный намек на известное произведение Е.Т.А. Гоффмана «Lebensansichten des Katers Murr». Именно этот намек, по словам Н. Бурневой, переводит данное произведение Кристи Вольф на историко-парадигматический уровень мышления и восприятия [7, с.214]. Новая эпоха, которую представляет писательница, привносит и новые коннотации. Не слу-

чайно в названии лексема «Ansichten» атрибутируется прилагательным «neu». В рассказе кот «вещает» о «скромных, но добротных (или солидных) изысканиях по выявлению современной сущности кота: «Die gebildete Welt weiß es aus der älteren und neueren Literatur, und sie (Behauptung) wird, <...> weitere Beweise durch meine bescheidenen, aber gediegenen Beiträge zur Erhellung des zeitgenössischen Katerwesens behalten» [11, с. 65]. Таким образом, писательница «перебрасывает мостик» между прошлым и настоящим.

Все странно и непривычно в этой абсурдной истории, где главный герой - кот. Парадоксальны высказывания кота относительно человека. Человек, на взгляд кота, предсказуем, «прозрачен» («durchsichtig»), в то время как кот – натура «таинственная» («der Kater ist geheimnisvoll») [11, с. 65]. Невозможно без улыбки читать о так называемом «руководстве для подрастающих котов по обращению с человеком» («Leitfaden für den Umgang heranwachsender Kater mit dem Menschen») [11, с.64]. Кот не только «медитирует» [11, с.77], но и активно участвует в создании системы «тотального человеческого счастья» («Tomegl» - «Totales Menschliches Glück») [11, с.68]. Благодаря мягкому юмору, а иногда достаточно едкой иронии писательницы более рельефно, на наш взгляд, выступают общечеловеческие слабости и пороки. Автор побуждает нас взглянуть на себя со стороны, и в ряде случаев впечатление не из лучших. Ироничны замечания относительно разного рода научных исследований, тестов, которые так легко могут быть фальсифицированы, но при этом вполне серьезно восприняты [11, с.72, 73, 79, 80]. Автор высмеивает противоестественность попытки все упорядочить и исключить любое отклонение от «нормы», что так характерно для немцев [11, с.67, 72]. К сожалению, создание системы «ТОМЕГЛ» - сплошная утопия, т.к. едва ли возможно «просчитать» все случаи несчастий и избавиться от них. Стремление псевдоученых запрограммировать жизнь оказалось смехотворным, не выдержавшим никакой критики.

Многое волнует писательницу, она, вовлекая нас в свое «игровое пространство», заставляет задуматься над самой жизнью, над ролью духовности в мире человека. Так, лейтмотивным в ее произведении, на наш взгляд, является противопоставление духовного и материального. Постоянно возникает речь о душе, которая, правда, на взгляд доктора Л. Феттбака, - «реакционное образование», мешающее для получения материальных благ: «... dass die Seele eine reaktionäre Einbildung sei, die viel unnützes Leid über die Menschheit gebracht <...> habe» [11, с.66]. Однако именно этот «предмет, не нашедший научного подтверждения» [11, с.64], необходим человеку для ощущения счастья. Не менее важной проблемой, чем спор кибернетики и литературы, является проблема личности, ее право на творческое мышление в литературе и в искусстве: «...höchstes Glück der erdenkinder sei stets die Persönlichkeit, und zur Persönlichkeit gehöre schöpferisches Denken» [11, с.91]. Кроме того, вполне понятно желание человека быть «нормальным», иметь право на ошибки и свободу в проявлении своих чувств.

Широкий круг серьезных проблем, затрагиваемых писательницей, не ускользает от нашего внимания, наоборот, благодаря ее модели, воссоздающей образ действительности, мы более глубоко задумываемся над жизнью, начинаем осознавать истинные ценности и, вероятно, учимся быть счастливыми. Таким образом, можно действительно говорить об интерактивных отношениях между вымыслом и жизненной реальностью. Мир вымысла - ее конструктивный эскиз. С одной стороны, при создании вымышленного мира писатель отказывается от достоверности, чтобы, с другой стороны, в своей сконструированной модели (например, через пародию, гротеск, парадокс и т.д.) прийти к достоверности. Ради этого «стираются» переходы между вероятным и невозможным: «Für dich, damit du mir glauben kannst, gehe ich nun daran, die Übergänge zwischen dem Glaublichen und dem Unglaublichen zu verwischen» [11, с.17]. Эти слова, принадлежащие главной героине одной из историй, обращены, на наш взгляд, и к нам, читателям.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Художественная литература, 1975.
2. Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // Эстетика словесного творчества/ Сост. С.Г. Бочаров. – М.: Искусство, 1986.
3. Выготский Л.С. Психология искусства. – СПб.:Азбука, 2000.
4. Щирова И.А., Гончарова Е.А. Текст в парадигмах современного гуманитарного знания: Монография. - СПб.: ООО «Книжный дом», 2006.
5. Assmann Aleida. Die Legitimität der Fiktion. Ein Beitrag zur Geschichte der literarischen Kommunikation.- München: Wilhelm Fink Verlag, 1980.
6. Auffermann V. Vorwort. Ungeheure Begegnungen // Beste deutsche Erzähler.-Stuttgart München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2002.
7. Burneva N. Literaturkritik und Fiktion in Christa Wolfs Prosa// Literaturkritik- Anspruch und Wirklichkeit.DGG –Symposien 1989; Hrg. W.Barner.- Bd. 12.- Stuttgart:Verlag J.B. Metzler.
8. Goethe J.W. Über Kunst, Literatur und Natur // J.W.Goethe. Ein Lesebuch für unsere Zeit. Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1974.
9. Plavius H. Die Entdeckung des Ichs durch Phantasie// Ansichten. Die Aufsätze zur Literatur der DDR.- Halle (Saale): Mitteldeutscher Verlag, 1976.
10. Weyrauch, W. Der Deutsche // Антология современной немецкоязычной литературы (1945-1996): В 2 т. / Сост. Л.Х.Рихтер.- Изд-во МАРТ, 1999. – Т.1.
11. Wolf Crista. Unter den Linden. Drei unwahrscheinliche Geschichten. – Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1975.- 133 S.

Т.С. Терещенко

старший преподаватель

кафедра иностранных языков гуманитарных специальностей

Курганского государственного университета

КУЛЬТУРОВЕДЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Интенсивное развитие межкультурной коммуникации, культурного и информационного обмена, усиление взаимодействия народов и стран требует

поиска новых путей в обучении студентов иностранному языку. Особое значение в этих условиях приобретает необходимость обучать не только языковым структурам, но и фактам языка, отражающим национальные особенности народа-носителя языка и среды его существования.

Уроки иностранного языка не только позволяют узнать культуру страны изучаемого языка, но и путем сравнения оттеняют особенности своей национальной культуры, знакомят с общечеловеческими ценностями, содействуют обучению студентов в контексте диалога культур. Привлечение культуроведческих компонентов при обучении иностранным языкам абсолютно необходимо для достижения основной практической цели – формирования способности к общению на изучаемом языке. Еще К.Д. Ушинский писал, что лучшее и даже единственное средство проникнуть в характер народа – усвоить его язык, и чем глубже мы вошли в язык народа, тем глубже мы вошли в его характер [4].

Одной из задач обучения иностранному языку студентов неязыковых специальностей является формирование межкультурной компетенции. При этом представляется целесообразным осуществлять культуроведческий подход. По определению С.И. Ожегова понятие «подход» трактуется как совокупность приемов, способов изучения чего-либо [3, с.545]. В словарном толковании В.И. Даля слово «подход» означает «идти под низ чего-то», т.е. находиться в основе чего-то. Следовательно, подход должен определяться какой-то основной идеей, концепцией или принципом и сосредотачиваться на основных для него категориях.

Таким образом, исходным содержанием понятия «подход» является определенная идея, концепция, точка зрения или позиция, совокупность принципов, обуславливающая исследование, организацию того или иного явления, например, процесса обучения иностранному языку.

Сам термин «подход к обучению» (в переводе с английского approach – подход, подступ) был впервые введен в научный оборот американским ученым-лингвистом Эдвардом Энтони в 1963 году. В своей работе «Обучение английскому языку» («English Language Teaching») автор попытался разграничить исходные положения обучения языку на уровне теории и принципов и на уровне способов овладения им. По мнению Э. Энтони, подход – это система суждений о природе языка, о природе обучения и усвоения. Подход аксиоматичен и представляет собой сущность предмета, которому надо обучать. Он описывает точку зрения, философию обучения. Метод же, по мнению автора, процессуален и представляет собой исчерпывающий план для упорядоченной презентации языкового материала, ни одна из частей которого не находится в противоречии с другими, и все они представлены на основании избранного подхода [5].

Культуроведческий подход обуславливает методическую систему обучения иностранному языку студентов неязыковых специальностей, т.е. цели, содержание и общие принципы обучения, а также определяет модель обучения, описывающую приемы формирования межкультурной компетенции и реализацию этих приемов в комплексе конкретных упражнений. Данная модель осно-

вана на частнометодических принципах культуроведческого подхода, которые детализируются и наполняются новым содержанием в контексте реализации методики обучения межкультурному общению на иностранном языке.

В основе культуроведческой направленности обучения выделяются следующие принципы:

- принцип моделирования ситуаций межкультурного общения в процессе обучения;
- принцип сознательности;
- принцип рационального использования родного и иностранного языка;
- принцип модульности;
- принцип посильности, системности и достаточности упражнений для формирования межкультурной компетенции у студентов;
- принцип учета личностных потребностей студентов.

В нашей работе со студентами отделения «Культурология» исторического факультета мы используем темы, представленные в учебнике А.И. Комаровой «Английский язык через культуры народов мира» [1]. Тексты учебника и дополнительные материалы по теме помогают создать фоновые знания для студентов (background knowledge). Согласно Е.М. Верещагину и В.Г. Костомарову каждое человеческое общество владеет четырьмя группами фоновых знаний [2]. К первой они относят общечеловеческие понятия, к которым причислены такие, как «солнце», «воздух» и т.п.

Ко второй группе, по мнению этих авторов, относятся фоновые знания о специфических понятиях, характерных для всех членов определенной этнической и языковой общности. Эта группа лингвострановедческих знаний образовалась в ходе исторического развития того или иного общества и отражает его культуру, обычаи и т.п.

Третью группу составляют социально-групповые фоновые знания, т.е. знания, характерные для социальных групп (врачей, учителей и других профессиональных групп). Эти знания также различны у разных народов.

Четвертую группу составляют региональные знания, связанные с особенностями региона. В совокупности фоновые знания той или иной человеческой общности составляют языковое сознание.

Таким образом, обучение иностранному языку студентов неязыковых специальностей должно подразумевать приобщение к языковому сознанию народа, язык которого изучается. При этом следует привлекать элементы родной культуры, ибо в этом случае студент осознает не только особенности восприятия мира индивидуумами, говорящими на изучаемом языке, но и специфику такого восприятия родным народом.

При работе с темами культуроведческой направленности мы используем следующие виды работы:

1. Проведение аналогий, противопоставлений, обобщений, сравнений между фактами родной и изучаемых культур. После изучения определенной темы («Customs and Traditions in Britain» or «Education in the USA») в качестве заключительного проекта дается задание подготовить для представителя другой культуры рассказ (выступление) о российских обычаях и традициях или системе образования в России. Такие сообщения должны быть построены по принципу обобщения, сравнения, противопоставления фактов родной и изучаемой культуры.

2. Узнавание и интерпретация новых аспектов изучаемых культур. Предлагается прочитать культуроведческий текст или посмотреть видеофильм с целью определения особенностей повседневной жизни, правил поведения в общественных местах, транспорте и т.п.

3. Классификация, объединение, обобщение информации при работе со средствами массовой информации и информационно-справочной литературой. В качестве примеров могут выступать такие темы, как «Проблема окружающей среды в Европе и в России», «Английские и американские писатели».

4. Реферирование аутентичных культуроведческих материалов. В конце работы по теме студентам предлагается провести реферирование газетных и журнальных статей, проспектов и других материалов по изучаемой теме.

Таким образом, использование культуроведческого подхода в процессе обучения иностранному языку студентов неязыковых специальностей, в частности студентов-культурологов, способствует формированию их готовности к выступлению по культуроведческой тематике при освещении различных аспектов родной и изучаемых культур; подготовке культуроведческих материалов, отражающих интересные аспекты культуры страны (стран) изучаемого языка, для выступлений на семинарах и при написании рефератов по культурологическим дисциплинам.

Список литературы

1. Комарова А.И. Английский язык через культуры народов мира. - М.: Высш. шк., 2008.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческий аспект учебника русского языка для иностранцев // Вопросы страноведения в учебниках русского языка. - М.: МАП-РЯЛ, 1973.
3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений /С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1999.
4. Ушинский К.Д. Родное слово // Собр. соч.– М.-Л., 1948. - Т.6.
5. Anthony E. Approach, Method and Technique. English Language Teaching. Vol. XVII. – 1963. – № 2.

В.Ф. Ульянов
кандидат филологических наук, доцент
кафедра немецкой филологии
Курганского государственного университета

А.С. Игнатьева
выпускница 2009 года

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ В РОМАНЕ Г.ГРасса «ЖЕСТЯНОЙ БАРАБАН»

Книга Гюнтера Грасса «Жестяной барабан» (1959) имела сенсационный успех и дала повод утверждать, что литература ФРГ добилась признания и за пределами страны и влилась на равных правах в общемировую литературу. Особенность жанра этого произведения в многоликости его признаков: его можно назвать и гротескно-сатирическим, и социально-политическим, и семейно-бытовым, и пародией на роман воспитания, и плутовским романом, здесь присутствуют также элементы приключенческого и фантастического романов. Эти жанровые особенности непосредственно связаны с воплощением идеи романа, организацией повествования, образов, деталей и выбора языковых средств. Однако главный поджанр этого произведения - гротескно-сатирический роман. Важно подчеркнуть, что комическое встречается в книге Г. Грасса во всех формах: ирония, сатира, гротеск, пародия.

Гротеск у Г. Грасса имеет преимущественно интертекстуальную природу и предполагает «игру» с предшествующими текстами. Взаимодействие используемых автором чужих текстов или мотивов вызывает дополнительный пародийный эффект. Если в заимствованном тексте гротеск заложен изначально, то художественный мир Г. Грасса может формироваться под влиянием чужого гротеска. То есть особенности гротеска в произведениях Г. Грасса зависят от того материала, на который так или иначе опирается писатель. В большинстве случаев в одном и том же произведении можно обнаружить сразу несколько разнотипных источников. Г. Грасс считает восприятие читателя основным условием существования произведений: «Книга требует от читателя сотворчества. Он обязательно должен привнести что-то свое. Без него книга просто не сможет существовать. Читатель должен заново вообразить то, что уже написано» [6]. Поэтому анализ творчества Г. Грасса должен быть сопряжен с интерпретацией читательского участия в предложенной автором игре.

Обратимся к роману Г. Грасса «Жестяной барабан», который буквально пронизан различными интертекстуальными включениями. Вначале рассмотрим и охарактеризуем элементы интертекстуальности, опираясь на классификацию интекстов И.В. Арнольд [1, с. 415-439].

Большинство включений носят текстовый характер, так как не содержат элементов инородной структуры, то есть они одинаковы по стилю, но присутствуют также и кодовые включения. Например, зал Морского музея описывается в морских терминах: резак для парусов, абордажный крюк, гарпун, иглы для

сшивания парусов, фрегат, корвет, пятимачтовик, галера, шлюпка, каботажный парусник и т.д. Эта лексика имеет характерологическую и образную функции.

Почти все интексты имеют небольшой объем, они представляют собой цитаты, т.е. выдержки из другого текста (дословные и видоизмененные), аллюзии, реминисценции и т.д.

Большинство заимствованных элементов являются внешними, но присутствуют также и внутренние заимствованные элементы, созданные самим автором (дневник Оскара, письма и т.д.)

Наблюдаются как немаркированные, так и маркированные включения. Автор часто намекает на источник, создавая тем самым игру с читателем.

Что касается прецедентных текстов, то в романе часто используется Библия, а также произведения всемирно известных писателей.

Говоря о функциях и смысле включений, отметим употребление большинства из них в сильных позициях, где они являются наиболее действенными.

Используя различные включения, Г. Грасс стремится повысить экспрессивность, оценить ситуацию в те времена, спародировать.

Что касается сопоставления контекстов интекста в цитирующем и прецедентном текстах, то следует подчеркнуть пародирование основного пафоса и характеристик героев.

Заимствования в романе носят явный и полускрытый характер.

Большинство интекстов не отличаются по жанру, они трансформированы в соответствии с манерой письма автора принимающего текста, за исключением стихотворных цитат, а также песен, писем в романе.

Рассматривая синкретические интексты, следует подчеркнуть частоту описания скульптур, произведений живописи в романе (что будет рассмотрено далее), также часто описываются музыкальные произведения (исполняемые мелодии и песни).

Довольно часто встречаются кодовые (языковые) включения как в цитатах, так и в речи персонажей. Они имеют характерологическую функцию, создают местный колорит или подчёркивают языковой барьер (многоязычие).

Итак, межтекстовые связи в романе оформлены с помощью следующих приёмов: цитата, цитатные заглавия, аллюзия, реминисценция, повторяющиеся образы, имена героев, текст в тексте.

Основным приёмом межтекстовых связей в романе является цитата.

Г. Грасс неоднократно цитирует произведения известных писателей и поэтов, произведения его литературных учителей: Гриммельсгаузена, Гёте и др. Цитирование гениев прошлого позволяет писателю сопоставить мир XX века и мир других эпох с их нравственными и духовными ценностями.

Цитируя автобиографию Гёте из его книги «Поэзия и правда», Г. Грасс прибегает к пародии:

«Es war in den ersten Septembertagen. Die Sonne stand im Zeichen der Jungfrau. Von fernher schob ein spätsommerliches Gewitter, Kisten und Schränke verrückend, durch die Nacht. Merkur machte mich kritisch, Uranus einfallsreich, Venus ließ ans kleine Glück, Mars an meinen Ehrgeiz glauben...» [5, с. 36].

Как точно писатель подбирает средства пародии, можно проследить, сравнив интекст с текстом оригинала:

«Am 28. August 1749, mittags mit dem Glockenschlag zwölf, kam ich in Frankfurt am Main auf die Welt. Die Konstellation war glücklich: die Sonne stand im Zeichen der Jungfrau und kulminierte für den Tag; Jupiter und Venus blickten sie freundlich an, Merkur nicht widerwärtig; Saturn und Mars verhielten sich gleichgültig; nur der Mond, der soeben voll ward, übte die Kraft seines Gegenscheins umso mehr, als zugleich seine «Planetenstunde» eingetreten war...» [4, с. 6].

Как и Гёте, Оскар родился под знаком девы, но не 28 августа, а в начале сентября, и не в полдень, а ночью. У Гёте важную роль в жизни играет расположение звёзд, у Г. Грасса же решающим фактором для Оскара является влияние отдельных планет. Это влияние ни в коем случае не даёт возможности ожидать какую-то оформленную личность, напротив, личность находится под влиянием настроений и случайностей. Для того чтобы читатель не упустил тот факт, что Г. Грасс цитирует Гёте с пародией, автор употребляет перед этим абзацем слово «Meister» (наставник, учитель), Оскар считает своим наставником мотылька [3, с.128].

Как известно, Библия представляет собою богатый источник мудрых мыслей, изречений и поучительных историй, поэтому интертекстуальный потенциал текстов Библии весьма высок.

Повествование Оскара насыщено цитатами из Библии.

«...Es werde Licht und es ward Licht...» [5, с. 35]

«...Mache dich auf und gehe in die große Stadt Nivine und predige wider sie!...» [5, с. 98]

Описывая посещение церкви в одной из глав, автор постоянно цитирует строки из молитв, отсылает читателя к известным скульптурам и иконам, пытается «окунуть» его в атмосферу церкви, полную различных обрядов и таинств. Оскар погружается в размышления во время церковного обряда крещения, поэтому автор включает в повествование главного героя строки молитв.

«Widersagst du dem Satan? Und all seinen Werken? Und all seinem Gepränge?» [5, с. 110].

Слова из молитв переплетаются в голове Оскара с довольно пошлыми абсурдными словечками и легкомысленными песенками и стихами. Это звучит как богохульство и характеризует героя с негативной стороны.

«Ich und du, Müllers Kuh ...» [5, с. 113]. (Детская считалка)

«dem falschen Jesus ... etwas vorzutrommeln...» [5, с. 116].

«das Gießkännchen des Jesusknaben ...» [5, с. 114].

Даже во время чистки зубов и утреннего туалета герой снабжает комментариями различные церковные обряды, богохульствует.

Следует отметить также употребление автором сакральной лексики (библейские имена; названия церковных праздников; слова, обозначающие предметы культа и обряды, и т.п.).

Автор цитирует не только литературные произведения и Библию, но и различные излюбленные народные выражения, поговорки, пословицы.

«Kein Arsch, kein Gnick, ein Jahr zurück!» [5, с. 32]. (Излюбленное выражение)

«Scherben bringen Glück!» [5, с. 52]. (Поговорка)

Повествование Оскара часто прерывается стихами, песнями или отдельными фрагментами из них. Чьи это стихи, зачастую не поясняется. Они очень необычны по форме и, несомненно, обращают на себя внимание читателя.

«Glas, Glas, Gläschen,
Zucker ohne Bier,
Frau Holle macht das Fenster auf
und spielt Klavier» [5, с. 50]. (Детская песенка)

На протяжении всего повествования можно встретить отдельные слова и целые фрагменты из детской игры-считалки:

«Ist die Schwarze Köchin da? Ja-Ja-Ja!» [5, с. 76].

Автор включает их в мысли главного героя, который, размышляя о действительности, предчувствует беду. В считалке актуализируются смыслы «страх», «опасность». Эта цитата тематически связана со всем текстом романа и организует перспективное восприятие текста и оценку событий. У читателя такая цитата создаёт предчувствие чего-то зловещего, а именно войны. В конце романа писатель вновь цитирует эту игру-считалку; здесь она, занимая сильную позицию (конечную позицию), оказывается наиболее действенной.

«Schwarz war die Köchin hinter mir immer schon.
Dass sie mir nun auch entgegenkommt, schwarz.
Wort, Mantel wenden ließ, schwarz.
Mit schwarzer Währung zahlt, schwarz.
Während die Kinder, wenn singen, nicht mehr singen:
Ist die Schwarze Köchin da? Ja-Ja-Ja!» [5, с. 491].

В тексте романа цитируются также и другие детские игры.

Кодовая интертекстуальность представлена в романе многоязычием. Современное литературное сознание живёт в многоязычном мире, автор отразил это в виде включения слов и фраз на иностранных языках. В романе они не переводятся: автор перекладывает эту задачу на плечи читателя.

Примеры кодовой интертекстуальности, выраженной в речи персонажей:

«Domus matrimonii uxoris ...» [5, с. 18]

«mea culpa..., mea maxima culpa.» [5, с. 147].

«Joe Colchic ...» [5, с. 27].

«I am Jesus!» [5, с. 490]. «Carissimo, Oskarnello!...mammamia ...» [5, с. 138].

При рассмотрении включений в текст повествования слов на других языках мы выделили два типа включений:

- 1) слова и фразы, заимствованные из живых европейских языков;
- 2) слова, фразы и цитаты, взятые из древних языков.

В исследуемом романе встречаются слова и фразы на английском и итальянском языках, а также фразы и цитаты на латыни. В целом данный подвид интертекста создает образ персонажа, объективируя его по национальному признаку. Фразы на латыни, как правило, характеризуют образ персонажа как образ учёного. Включая в речь Оскара фразы на латинском языке, автор создаёт пародию на рассказчика-учёного, абсурдную действительность можно изобразить лишь с помощью абсурдных образов, нелепых ситуаций.

Иноязычные включения выполняют в произведении различные функции, это во многом зависит не только от индивидуального стиля Г. Грасса, но и от жанра произведения и от эпохи, в которую создавалось это произведение.

В романе Г. Грасса можно найти много примеров аллюзии. Известно, что каждый автор отличается тем, кого он цитирует, аллюзии на какие события прошлого и современности он вводит в повествование. Так, у Г. Грасса в романе «Жестяной барабан» доминируют аллюзии на героев и события национального эпоса, национальной мифологии. Данный роман насыщен аллюзивной информацией, связанной с упоминанием имён вождя племени гуннов Атиллы-завоевателя, Святого Губерта, Апостола Павла и др.

«Hubertus der Jäger schoss auch nicht, als er den ganz besonderen Hirsch schon im Schussfeld hatte. Aus Saulus wurde ein Paulus. Attila kehrte um, als Paps Leo den Finger mit dem Ring hob» [5, с. 107].

Включая в повествование имена этих героев, автор заставляет читателя вспомнить о мифах, где герои внезапно меняли ход событий, отказывались взять на себя вину. Ведь и охотник Губерт не стрелял, когда на мушке у него оказался совершенно необычный олень. И Савл сделался Павлом. И Аттила повернул вспять, когда Папа Лев воздел палец с перстнем. Оскар же выстрелил, не перевоплотился, не повернул вспять, а пожелал поразить цель. Герой романа не допускает отступления и подталкивает своего предполагаемого отца Яна на преступление.

Повествуя о Йозефе Коляйчке, который скрывался в то время под именем Йозефа Вранки, автор отсылает читателя к древнеегипетской мифологии.

«Ein Phönix aus Asche und Flamme tauchend...» [5, с. 24].

Сказочная птица феникс, сгорающая при приближении смерти и вновь возрождающаяся из пепла, является символом бессмертия, возрождения и обновления. Фразеологический оборот «Wie ein Phönix aus der Asche» (возродиться как феникс из пепла) употребляется и в настоящее время в отношении чего-то, что казалось уже давно потерянным, забытым, но появившимся вновь в новом облики.

Не случайно автор оставляет в тайне судьбу Коляйчека, возможно, он утонул, а может быть, и выжил, добрался до Америки, где основал страховые компании (страхование от огня). А окружающие его телохранители называются Гвардией Феникса.

В романе много аллюзий на различные исторические события и исторические личности.

Например, эпизод разгрома магазина детских игрушек Сигизмунда Маркуса отсылает нас к событиям «Хрустальной ночи» в ноябре 1938 года, когда по всей Германии крушили витрины еврейских магазинов и лавок, а их владельцы вынуждены были либо покинуть страну, где они родились, либо умереть за колючей проволокой у себя на родине. Г. Грасс с цифрами в руках показал, как осуществлялось «решение еврейского вопроса» в его родном городе Данциге. В этом романе он поведал грустную историю продавца детских игрушек, который не стал ждать, когда за ним придут, а предпочел выпить яд. Автор отсылает читателя к Гитлеру, Бисмарку, Наполеону, английскому адмиралу Нельсону, польскому генералу Сикорскому, советскому маршалу Рокоссовскому, Ленину, Сталину и др.

«So kam es zu einer finstersten aller Konfrontationen: Hitler und das Genie hingen sich gegenüber» [5, с. 93].

«Wer mehr die Kultur liebte, konnte auf den breiten gepflegten Promenaden jener Hindenburgallee, die während des achtzehnten Jahrhunderts erstmal angepflanzt, bei der Belagerung durch Napoleons Truppen achtzehnhundertsieben abgeholzt und achtzehnhundertzehn zu Ehren Napoleons wieder angepflanzt wurde» [5, с. 98].

Само название романа «Жестяной барабан» является аллюзией, это своего рода карикатура на Гитлера. Оно отсылает читателя к последним годам существования Веймарской республики, в то время Гитлера часто изображали и именовали «барабанщиком». Барабан всегда был символом милитаризма и дисциплины. Согласно Броне, барабан сигнализирует о господствующей в то время агрессии. С помощью барабана Оскар препятствует нацистам и срывает их мероприятия [2, с. 39 - 40].

Примерами синкретической интертекстуальности у Г. Грасса являются словесные описания произведений живописи и архитектуры, которые он реалистично описывает благодаря своему опыту в области художественного искусства. Неоднократно автор отсылает читателя, например, к картине Тициана «Кающаяся Мария Магдалина».

«am Kopfende im hellblauen Licht die gerahmte, verglaste, büßende Magdalena fleischfarben in einer Höhle lag, zum rechten oberen Bildrand aufseufzte und vor der Brust so viel Finger rang ...» [5, с. 34].

«weinte und rang ähnlich vielfingrig die Hände, wie es die büßende, goldgerahmte Farbdruckmagdalena am Kopfende der Eheburg tat...» [5, с. 127].

«Er stand vor dem Bett, betrachtete abwechselnd Mama und die büßende Magdalena...» [5, с. 127].

Не случайно автор описывает эту картину, да ещё и размещает её над супружеским ложем Агнесс и Альфреда. Читатель замечает сравнение Агнесс с Марией Магдаленой. Агнесс постоянно грешит, грешит даже на супружеском ложе, кается и вновь грешит. Описание этой картины, а также само её расположение придаёт особый иронический смысл.

Немаловажную роль в романе играют и имена героев, далеко не случайно выбранные автором.

Г. Грасса можно отнести к тем писателям, для которых выбор имени героя важен. Оно служит одним из важнейших средств воплощения его замысла и концентрирует в себе значительный объем информации.

Имя главного героя Оскара переводится как «Божье копьё». Из этимологии видно, что первый компонент имени оказывается значимым. Как Бог стоит в центре всего, так и Оскар занимает центральное место в романе. Вокруг него выстраивается цепочка действий, концентрируются все действующие лица.

Для матери Оскара автор не случайно выбирает имя Агнесс, что в переводе с латинского означает «непорочная, целомудренная, овечка, жертва, агнец Божий». Имя этой героини уже заранее должно предугадать её поведение, но на самом деле мать Оскара очень легкомысленная женщина, её образ совершенно не соответствует имени. Наделив героиню таким именем, автор еще раз подчеркивает, что в этом испорченном обществе нет ничего, что могло бы его спасти. Люди противопоставлены всему, даже тому, что принадлежит им с рождения.

Имя бабушки Оскара Анны тоже не случайно, ведь Анной звали мать Марии, бабушку Иисуса Христа. А дед Оскара в свою очередь носит имя Йозеф. Итак, автор цитирует имена членов святой семьи. В одной из глав Оскар сравнивает себя с Иисусом Христом.

В романе фигурирует также и имя Марии. Подразумевается, что она чистая, святая, хотя автор создает совершенно противоположный образ, что опять же связано с его отношением к обществу того времени. Героиня одновременно являлась любовницей Альфреда и Оскара. Сопоставление с привычным образом Марии придаёт сюжету остроту и позволяет на фоне любовных развлечений героини почувствовать сатирическую направленность романа.

Как следует из даже малого числа приведённых примеров, культурное пространство романа Г. Грасса «Жестяной барабан» чрезвычайно многообразно: национальная мифология и история, античность, Библия, мировая классика.

Интертекст участвует в создании художественных образов времени, пространства и персонажей произведения. Пространство и время создаются многочисленными аллюзиями и цитациями из Библии, внутренним интертекстом – рассуждением и обращением к Богу, а также к сатане.

Интертекстуальность вербализируется в романе Г. Грасса на разных его уровнях: от фразы до сюжетного варьирования.

В заключение следует отметить, что в своём диалоге с автором романа читатель должен декодировать диалог писателя с другими авторами, которых последний цитирует или вспоминает всерьёз или с иронией.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность// Проблемы диалогизма, интертекстуальности и герменевтики (Спецкурс по интерпретации художественного текста): Сб. ст. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999.
2. Balduf A. Die Darstellung von Geschichte in Günter Grass' Roman «Die Blechtrommel». – GRIN Verlag, 2007.
3. Gockel H. Meisterwerke kurz und bündig. Grass' Blechtrommel. – München: Piper Verlag GmbH, 2001.
4. Goethe J. Dichtung und Wahrheit. – Deutscher Klassiker Verlag, 2007.
5. Grass G. Die Blechtrommel. Danziger Trilogie 1. – Darmstadt: Hermann Luchterhand Verlag, 1974.
6. www.noblit.ru.

Г.Р. Шарипова

*кандидат филологических наук, старший преподаватель
кафедры иностранных языков технических специальностей
Курганского государственного университета*

КЛАССИФИКАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ - ЦВЕТОБОЗНАЧЕНИЕМ ПО ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКИМ ГРУППАМ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, НЕМЕЦКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Фразеологические единицы занимают особое место среди выразительных средств любого языка. Они являются неиссякаемым источником, копилкой и сокровищницей обычаев и традиций, знаний и сведений, умений и навыков, присущих определенной языковой группе и соответственно определенному народу. С.Г.Тер-Минасова считает: «В идиоматике языка, то есть в том слое, который по определению, национально специфичен, хранится система ценностей, общественная мораль, отношение к миру, к людям, к другим народам. Фразеологизмы, пословицы, поговорки наиболее наглядно иллюстрируют и образ жизни, и географическое положение, и историю, и традиции той или иной общности, объединенной одной культурой» [4, с.80]. Фразеология дает исследователю уникальную возможность проникнуть во внутренний мир человека, выявить его основные культурные, нравственные ценности, главные особенности национального характера. «Фразеологический состав любого языка – наиболее культурно-национален, поскольку система образов, закрепленных в нем, служит своего рода “нишей” для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях» [3, с.215]. Мысль В.Г. Костомарова и Е.М. Верещагина о том, что

«национально-культурная семантика языка – это продукт истории, и чем богаче история народа, тем ярче и содержательнее строевые единицы языка», может быть в равной степени применима как к меткому русскому языку, так и к богатой фразеологической системе немецкого и английского языков [2, с.105].

В каждом из этих языков фразеологические единицы являются языковым творчеством народа; они содержат как универсальные знания и представления, так и национально-специфические, следовательно, страноведчески ценный, веками накопленный опыт, ощущения и мировоззрения, присущие уже отдельно взятому народу. Данные свойства фразеологии особенно ярко проявляются во фразеологических единицах с компонентом-цветообозначением (далее ФЕ с КЦ). Единицы со значением «имя цвета» отражают национально-культурное своеобразие народов, а также фоновые знания, представляющие собой совокупность исторического, культурного, социального опыта людей, накопленного в результате длительного развития.

Анализ семантики ФЕ с КЦ в русском, немецком и английском языках показал, что они объединяются во фразеосемантические группы (далее ФСГ), в основе которых концепт «Человек», «Деятельность человека», что подтверждает наличие у фразеологической картины мира такого свойства, как антропоцентризм. Человек стремится наделить человеческими чертами объекты внешнего мира, в том числе и неодушевленные. Ш. Балли утверждал: «Извечное несовершенство человеческого разума проявляется также в том, что человек всегда стремится одухотворить то, что его окружает. Он не может представить себе, что природа мертва и бездушна; его воображение постоянно наделяет жизнью неодушевленные предметы, но это еще не все: человек постоянно приписывает всем предметам внешнего мира черты и стремления свойственные его личности» [1, с.179].

Наиболее актуальной является характеристика человека и его взаимоотношений с окружающей средой. В центре мира находится человек как личность, человек с его чувствами, мыслями и словами, поступками и эмоциями, человек добрый, злой и тому подобное. Образ человека навеки запечатлен во ФЕ (в данном случае во ФЕ с КЦ).

Таким образом, в исследовании, ориентированном на человека, можно выделить следующие ФСГ:

1. ФЕ, выражающие чувства и состояния человека (физические, психические):

В русском языке – *черная тоска, скука зеленая, красный как рак*; в немецком – *rot anlaufen* (покраснеть, залиться краской), *das graue Elend* (хандра), *es wurde jemandem gelb und grün vor den Augen* (в глазах потемнело у кого-либо); в английском языке – *black as thunder* (мрачнее тучи), *to turn green* (разозлиться), *be in the blues* (хандрить).

2. ФЕ, дающие характеристику человека (с разных аспектов):

В русском языке – *зеленая молодежь* (поговорка о незрелой молодежи), *серый человек* (малокультурный, необразованный человек), *красная девица* (о застенчивом, скромном юноше); в немецком – *ein weißer Rabe* (белая ворона, человек, непохожий на других), *ein grüner Junge* (зеленый юнец, неопытный молодой человек), *der graue Mann* (таинственный человек); в английском языке – *white man* (порядочный человек), *yellow dog* (подлый человек), *a green hand* (новичок, неопытный человек).

3. ФЕ, отражающие отношение человека к объектам мира:

В русском языке – *красный угол* (почетное, парадное место в доме), *черный рынок* (нелегальный рынок, на котором совершаются валютные сделки); в немецком – *der graue Markt* (полулегальный рынок, обмен нормированными товарами), *der blaue Brief* (извещение об увольнении с работы; (букв. голубой конверт, во время экономического кризиса 1930 г. самое страшное было получить от фирмы извещение об увольнении); в английском – *the White House* (белый дом), *black market* (нелегальный рынок).

4. ФЕ, определяющие профессиональный статус человека:

В русском языке – *синие мундиры* (жандармы, которые носили в дореволюционной России мундиры синего цвета), *белые воротнички* (служащие); в немецком – *der gelbe August* (полицейский); в английском – *red cap* (носильщик на вокзале), *a white – collar slave* (служащий).

Таким образом, большинство ФЕ с КЦ употребляются для оценки человека, его внутренних качеств, различных объектов мира и отношений человека к этим объектам, иными словами, описание качеств и свойств человека и его социального статуса во фразеологии базируется на общечеловеческих параметрах (возраст, физическое состояние, способы восприятия мира). В результате выделяются ФСГ, общие для русского, немецкого и английского языков.

Выделение общих ФСГ обусловлено экстралингвистическими факторами, к которым относятся единые общечеловеческие формы отражения объективной действительности в сознании и в языке; общность основных процессов социально-экономического развития; принадлежность к одному и тому же культурно-историческому ареалу; особо активная роль языков в современных международных и межнациональных контактах.

Однако наиболее интересными являются ФСГ, объединяющие ФЕ с национально-культурной семантикой исконно - русские / немецкие / английские, связанные с традициями, обычаями, реалиями, историческими фактами народа – носителя языка.

Итак, данные ФЕ подразделяются на следующие группы:

1. ФЕ, отражающие обычаи и традиции, поверья, приметы, предания исследуемых народов. В русском языке: *не красна изба углами, а красна пирогами* – дом приятен не красотой и богатством, а гостеприимством и хлебосольством хозяев (пироги издавна являются одним из любимых кушаний русских людей);

сказка про белого бычка (шутливая присказка) – бесконечное повторение одного и того же с самого начала. В немецком языке: *Weißer Sonntag* – «белое воскресенье». Первое воскресенье после пасхи называлось «белым воскресеньем», потому что в этот день происходила конфирмация, девушки в первый раз надевали белые длинные платья; *die grüne Hochzeit* – «зеленая свадьба» (день свадьбы). В этот день невеста надевает зеленый венок. Этот обычай восходит к древнему обряду покрывания невесты. По народному поверью листья также «одевают», покрывают дерево. Брачный покров сближается с зеленью деревьев, так что она служит символом брачного покрывала и брака вообще.

В английском языке: *Show the white feather* – струсить (букв. показать белое перо). Данная ФЕ связана с давней традицией: белое перо в хвосте бойцового петуха считалось признаком плохой породы, что и положило начало обычаю в Англии посылать белое перо лицам, уклонявшимся от несения военной службы; *black sheep* – черная овца (паршивая овца). По старому поверью черная овца была отмечена печатью дьявола; *put on the black cap* – выносить обвинительный приговор. В Англии, оглашая смертный приговор, судья надевал черную шапочку.

2. ФЕ, связанные с историей русского, немецкого и английского народов. Так, в русском языке – *зеленая улица* – наказание в дореволюционной России, состоящее в том, что наказываемых прогоняли сквозь строй, стоявших лицом друг к другу солдат, наносивших удары шпидерутенами. В немецком языке – *blauer Lappen* – «синенькая», банковский билет в сто марок. В 1871 году имперский банк впервые выпустил в обращение банковский билет достоинством в сто марок. Деньги печатались на тонкой бумаге, они быстро превращались в потрепанные бумажки, и за ними закрепилось ироническое название *blauer Lappen*. С 1910 года деньги стали печататься на более плотной и прочной бумаге, но прозвище *blauer Lappen* сохранилось за этим банкнотом. В английском языке – *the Black Code* – черный кодекс – рабовладельческие законы до отмены рабства. Данный кодекс был введен губернатором штата Луизиана Бьенвиллем в 1723 году.

Кроме того, в немецком и английском языках отмечено немалое количество фразеологизмов с КЦ, связанных с немецкими, английскими реалиями. Например, в английском языке – *the Blue Grass State* («кукурузный штат» (прозвище штата Кентукки)); *blue stocking* (синий чулок; «собранием синих чулков» голландский адмирал Босковен назвал в бытность свою один из литературных салонов середины XVIII в. в Лондоне, так как ученый Бенджамин Спеллингфлит появился в этом салоне в синих чулках); *the Black Country* («черный район», каменноугольный и металлургический районы Англии (Стаффордшир, Уорикшир)); *the Black Belt* («черный пояс» – южные районы США, где преобладает негритянское население). В немецком языке – *Stadt der blauen Schwerter* («город голубых мечей» – город Мейсен. В 1710 году здесь была построена первая в Европе фарфоровая мануфактура. Мейсенский фарфор знаменит во всем мире. Два скрещенных голубых меча стали эмблемой изделий из мейсенского фарфора); *die graue Stadt am Meer* (город Хузум, портовый город на по-

бережье Северного моря, является экономическим и культурным центром Северной Фрисландии. Своим прозвищем обязан Теодору Шторму (1817 – 1888), известному немецкому писателю, лирику и мастеру психологической новеллы. Т. Шторм родился в Хузуме и посвятил ему одно из своих стихотворений); *die rote Stadt* (город Магдебург; к началу XX в. город получил такое прозвище благодаря своему многочисленному революционному классу).

Во ФЕ данного блока (исконно русские / немецкие / английские) находят яркое выражение основные идеи менталитета, черты национального характера.

Таким образом, во фразеологической картине мира любого языка можно выявить универсальные свойства и национальные особенности: мир един для всех народов, но опыт его познания различен, жизнь каждого народа протекает в определенных природных условиях, у каждого народа свои традиции и нормы поведения.

Список литературы

1. Афонькин Ю. Н. Русско-немецкий словарь крылатых слов: Ок. 1200 единиц. – М.: Русский язык, 1985.
2. Балли Ш. Французская стилистика/ Пер. с франц. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961.
3. Бинович Л.Э., Гришин Н. Н. Немецко-русский фразеологический словарь. – М., 1975.
4. Большой англо-русский словарь / Под общ. рук. И. Р. Гальперина. – М.: Русский язык, 1977.
5. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. – М.: Рус. яз., 1980.
6. Даль В. Пословицы русского народа. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957.
7. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь / Под ред. М. Д. Литвинова. – М.: Русский язык, 1984.
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка.– М.: Русский язык, 1981.
9. Русско-английский словарь / Под ред. О. С. Ахмановой. – М.: Сов. энциклопедия, 1971.
10. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – М., 1981.
11. Словарь русского языка / Сост. С. И. Ожегов; Под общей ред. акад. С. П. Обнорского. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1953.
12. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996.
13. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учеб. пособие. – М.: Слово / Slovo, 2000.
14. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова.– М., 1935-1940. - Т. I-IV.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прогресс, 1996.
16. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1986.
17. Beyer Horst: Sprichwörterlexikon: Sprichwörter u. sprichwörtl. Ausdrücke. Sammlungen vom 16. Jh. bis zur Gegenwart / Horst und Annelies Beyer. – 2., unveränd. Aufl. – Leipzig: Bibliographisches Institut, 1985.
18. Duden.-Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten / Wörterbuch der deutschen Idiomatik / hrsg. und bearb. von Günter Drosdowski und Werner Scholze-Stubenrecht-Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich, Dudenverl., 1992 (Der Duden, Bd 11).
19. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Herausgegeben von Ruth Klappenbach und Wolfgang Steinitz. Akademie – Verlag Berlin, 1980.

СОДЕРЖАНИЕ

Бекетова Р.П., Домославская К.Н. ИЗ ИСТОРИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ГЛАГОЛ / VERBE (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)	3
Бекетова Р.П., Кокшарова Е.В. КОНДИЦИОНАЛ В ГРАММАТИКЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА	6
Беличева О.П. НЕНОРМАТИВНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ-ЗООНИМЫ ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ	8
Белобородова Л.Н. ФАКТОРЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ УСЛОВИЯ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ АУДИТИВНОГО СООБЩЕНИЯ	11
Бутенко Р.А. СЦЕНИЧЕСКИЕ ПОДМОСТКИ ДЛЯ ИНОЯЗЫЧНОГО ТРЕНИНГА И РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ УМЕНИЙ. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ИГРОВАЯ ПРАКТИКА	13
Гайшина Т.Е. РОЛЬ АУТЕНТИЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	20
Горева О.Н. ФРАЗООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ КОМПОНЕНТОВ – ТЕРМИНОВ РОДСТВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	22
Гришкова Л.В. ОТВЛЕЧЕННЫЙ ЭКФРАСИС	27
Драгунова О.С. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ	35
Жулева Е.С. НЕМЕЦКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ЛАНДШАФТНЫМ КОМПОНЕНТОМ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЯ	37
Иванова Е.А. СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СИНОНИМОВ-НАИМЕНОВАНИЙ ЧЕЛОВЕКА ПО ВЫСОКОМУ СОЦИАЛЬНОМУ ПОЛОЖЕНИЮ	43
Иванова С.П. ОРГАНИЗАЦИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В УСЛОВИЯХ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	47
Казенас О.А. О ЛЕКСЕМАХ FAMILLE / СЕМЬЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	50
Коваленко С.С. К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ЖАНР» И «СТИЛЬ» В ДИСКУРСЕ СМИ	56
Коваль Е.Н. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ОПИСЫВАЮЩИЕ ЧЕЛОВЕКА ПО ОБЩЕМУ ЭСТЕТИЧЕСКОМУ ВПЕЧАТЛЕНИЮ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ	58
Кожокина Е.А. К ВОПРОСУ О ПРЕПОДАВАНИИ ДЕЛОВОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ	60
Коршикова Е. А., Шевцова Е. В. ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ «ROSE» В ПОЭЗИИ ТОМАСА СТЕРНСА ЭЛИОТА	63
Маханова Т.Л. О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ВНУТРЕННЕГО ПЕРЕВОДА	68
Медведева Н.А., Евстюфеева К.В., Сафонова С.В. ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ТЕКСТАХ РЕКЛАМЫ	72
Менщикова Ю.Н. МЕДИАКАНАЛ КАК ЭЛЕМЕНТ КОММУНИКАТИВНОЙ МОДЕЛИ	76

Мосталыгина С.Е. «ЛОЖНЫЕ ДРУЗЬЯ ПЕРЕВОДЧИКА» В ПЕРЕВОДЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ...	79
Острянина Е.П. РЕЧЕВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ КАК ЗНАЧИМОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ КАЧЕСТВО БУДУЩЕГО ИНЖЕНЕРА	83
Пережогова А.А., Найданова Т.А. НАЗВАНИЯ УМЕРШИХ ЛЮДЕЙ И КАТЕГОРИЯ ОДУШЕВЛЕННОСТИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ	89
Подкорытов А.П. НАУЧНЫЙ СТИЛЬ И ФРАНЦУЗСКАЯ РЕАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРОЗА XIX ВЕКА.....	93
Поманисочка М.А. ЭМОТИВНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ АКАДЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	98
Портнягин Д.В., Достовалов С.Г. ЧЕРТЫ ЛИЧНОСТИ В ДРАМАТИЧЕСКОМ ОБРАЗЕ ПРИВИДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПРИЗРАКА ОТЦА ГАМЛЕТА)	103
Постовалова Е.А. ЭТНИЧЕСКИЕ АВТОСТЕРЕОТИПЫ РУССКИХ И АМЕРИКАНЦЕВ В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	106
Ратушина Е.Р. ЛЕКСЕМА ДУША В РУССКОМ РЕЧЕВОМ ЭТИКЕТЕ	111
Савельева М.В. СИНТАКСИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТ ЭТО В КОНСТРУКЦИЯХ С ИМПЕРАТИВНЫМИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ЕДИНИЦАМИ	115
Сапожникова Г.И. ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СНИЖЕНИЯ КАТЕГОРИЧНОСТИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)	120
Смакотина Т.М. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СВЯЗНОСТИ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ	124
Свириденко О.А. ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРНЫХ СИНДРОМОВ НА КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ	130
Сочнева Н.А. ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ К ДРЕВНЕРУССКИМ ЛЕТОПИСНЫМ ПОВЕСТЯМ О КНЯЖЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ (ПРОБЛЕМА МОТИВНОГО СХОДСТВА).....	134
Стародумов И.В. ВИЗАНТИЙСКИЕ И ДРЕВНЕРУССКИЕ ЧУДЕСА СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ МИРЛИКИЙСКОГО (К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ДВУХ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ)	139
Степаненко О.А. ВЫМЫСЕЛ КАК ПОЗНАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ: НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ДИСКУРСА	145
Терещенко Т.С. КУЛЬТУРОВЕДЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ	152
Ульянин В.Ф., Игнатьева А.С. ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ В РОМАНЕ Г.ГРАССА «ЖЕСТЯНОЙ БАРАБАН»	156
Шарилова Г.Р. КЛАССИФИКАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ - ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЕМ ПО ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКИМ ГРУППАМ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, НЕМЕЦКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)	163

Научное издание

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Сборник научных трудов

Редактор Н.Л. Борисова

Подписано к печати	Формат 60*84 1/16	Бумага тип.№1
Печать трафаретная	Усл. печ.л 10,6	Уч.-изд.л 10,6
Заказ	Тираж 100	Цена свободная

Редакционно-издательский центр КГУ.
640669, г. Курган, ул. Гоголя, 25.
Курганский государственный университет.